

№2 (80)
ФЕВРАЛЬ

2020

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

Почта России объявляет досрочную подписку на 2-е полугодие 2020 г.

Цена подписки:
1 мес. – 122,05 руб.
6 мес. – 366,15 руб.

Индекс ПА041

Возвращенные имена.
Поэт Иван Умов

стр. 4

Обломов бросает
вызов времени

стр. 10

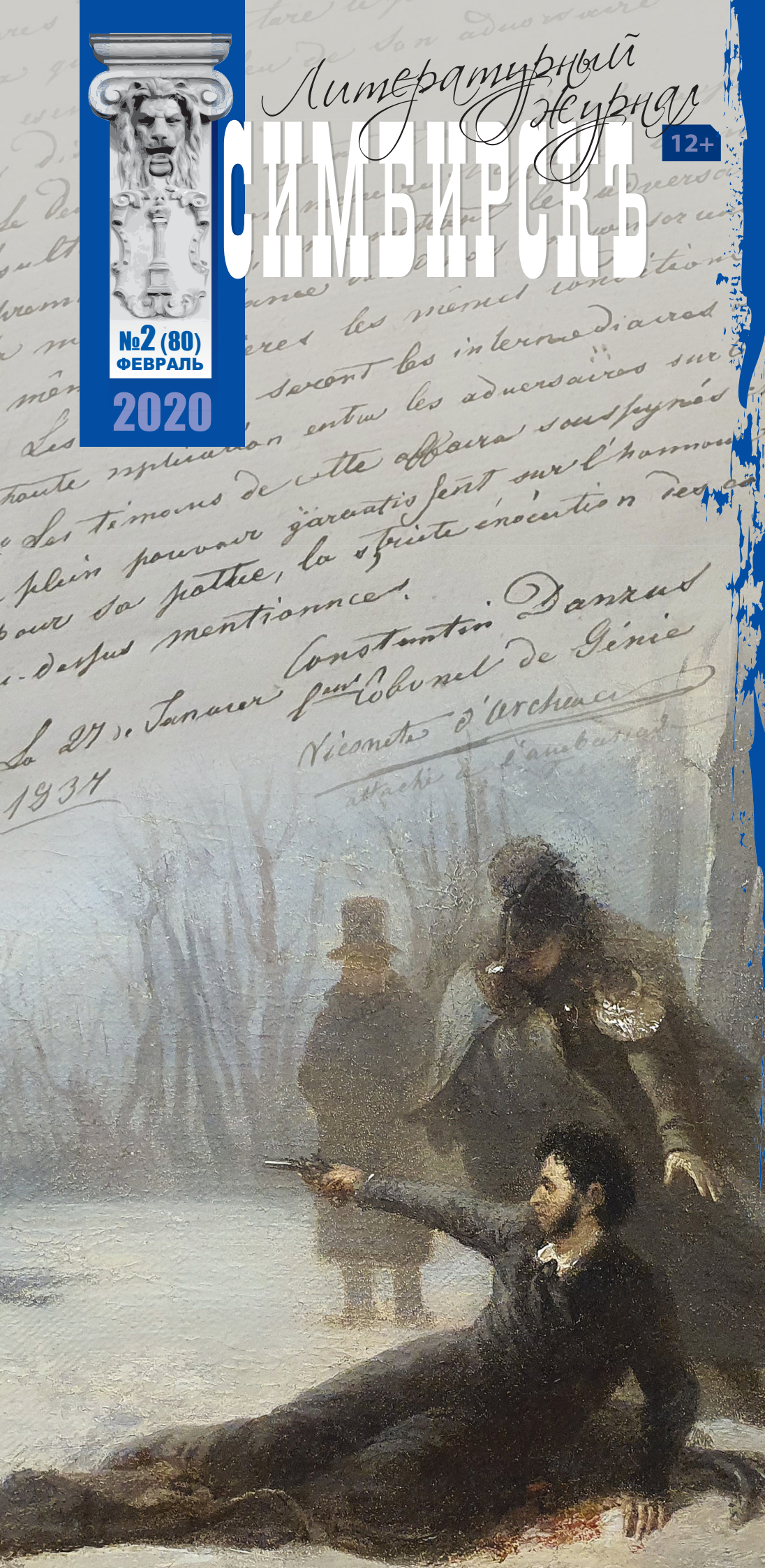
К 135-летию художника
Д.И. Архангельского
«И вижу дивный мир...»

стр. 26

Ко Дню памяти
Александра Сергеевича
Пушкина

стр. 36

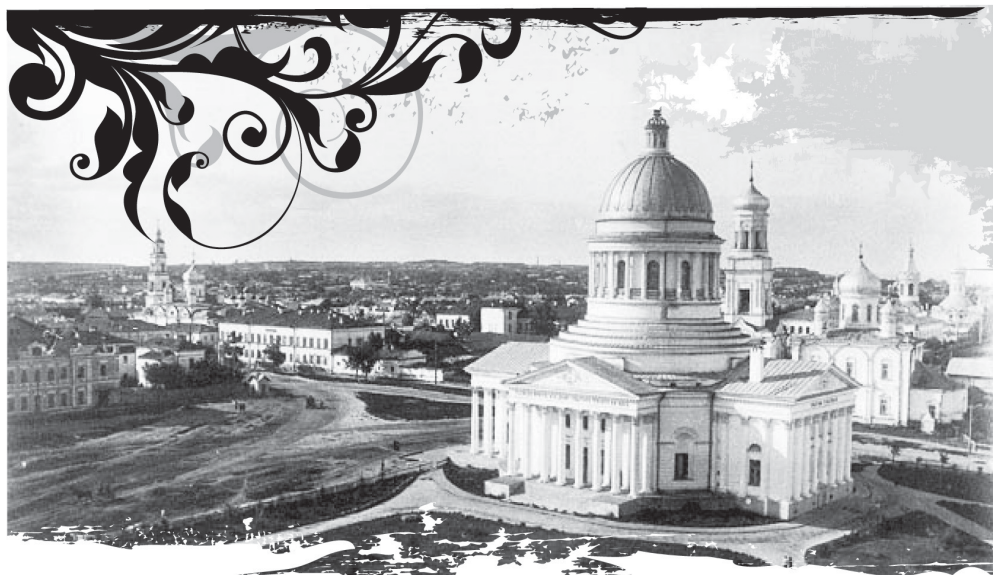
СИМБИРСКЪ

12+

№2 (80)
ФЕВРАЛЬ
2020

Литературно-художественный
и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

*Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.*

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 12.02.2020 г.

Дата выхода 19.02.2020 г.

Тираж 700 экз. Заказ №К176

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный,
д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т. (8332) 228-297,
www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №2 (80), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

На обложке: Коверзнев. Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккерн
27-го января 1837 г. (с картины, писанной по словесной пере-
даче академиком Волковым) гравюра Герасимова.

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИМБИРСКЪ» №2 (80), февраль 2020

Содержание

Жизнь как воздух. Слово редактора.....3

Литературное наследие

Ольга Шейпак. Плоды высокого духа.

О поэте Иване Умове. 4-6

Иван Умов. Стихи..... 7-9

Ирина Маршалова. Обломов бросает вызов

времени..... 10-12

Страна поэзия

Владимир Подлузский. Созвездия проток..... 13

Александр Лайков. Гусли-перегуды 14-17

Елена Токарчук. Зимние узоры..... 18-20

Евгения Изварина. Морозным утром..... 21-23

Александр Горин. Готовность взлетного пера 24-25

С любовь ко всему родному

К 135-летию художника Д.И. Архангельского

Валентина Костягина. И вижу дивный мир 26-28

Галина Невзорова. Из воспоминаний об отце 28-32

Талантливый самородок земли Симбирской 33-35

При свете пушкинского слова

Ко Дню памяти А.С. Пушкина

Набережная Мойки, 12 36-39

Пушкин всегда с нами 40

«Возжечь свечу...» 41

Татьяна Эйхман. Поездка в Пушкиногорье 42-46

Александр Кердан. «Берег отдаленный». Пролог..... 47-49

Лукоморье

Владимир Артамонов. Снежная королева.

Либретто бард-оперы..... 50-56

Черемшан

Раиса Кашкирова. Легкокрылые строки.

К юбилею Инги Гаак 57

Инга Гаак. Федорино счастье. Маленькое газетное

платье. Сказки..... 58-66

Инга Гаак. И сияют улыбки радуг. Стихи..... 66-67

Соло

Андрей Цухлов. Стихи..... 68-70

Житейские истории

Светлана Ломакина. В углу. Челентано. Рассказы 71-72

Нина Коваленко. Химия. Стиральная машина.

Рассказы 73-75

Владимир Кочетков. Понимать жизнь. Рассказ..... 76

Перекрёсток

Сергей Гогин. Летов и Башлачёв:

Запрос на любовь и справедливость 77-78

Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО..... 79-80

Юбилейный календарь 81-96

Редакционная подписка – дешевле, в том числе
для юридических лиц.

Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

Оформить
досрочную подписку на 2020 год
(подписной индекс: ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или смартфона по QR-коду:

ЖИЗНЬ КАК ВОЗДУХ

Февральский номер журнала открывается рубрикой «Литературное наследие».

О поэте, дипломате, симбирянине Иване Умове (1883 – 1961) рассказывает Ольга Шейпак.

Это еще одно возвращенное имя. Публикуем подборку стихов И. Умова из сборника 1949 года. Сама же книга «Незримый гость» – это гимн России, ее культуре, это тоска по родине, Волге, родному дому.

*Я помню, помню в отдаленье
От озарённых детством мест
Старинный дом в родном селенье,
Погост и крест...*

В минувшем году было много литературных дат, которые отмечались культурной общественностью. В частности, 160-летие выхода в свет романа И.А. Гончарова «Обломов». Публикация Ирины Маршаловой – об участии в тематической научной конференции, состоявшейся в Москве.

В разделе «Страна поэзия» – стихи Александра Лайкова (вступительное слово Владимира Подлужского), поэтические подборки Елены Токарчук, Евгении Извариной, Александра Горина.

22 февраля исполняется 135 лет со дня рождения Дмитрия Ивановича Архангельского. Представляем вниманию читателей страницы воспоминаний дочери художника Галины Невзоровой. «Начиная с раннего детства папа прививал нам любовь ко всему прекрасному, учил нас внимательно всматриваться в окружающий мир, учил умению видеть и любить красоту». Публикацию подготовила Валентина Костягина.

На цветной вкладке – работы Дмитрия Архангельского.

Рубрика «При свете пушкинского слова» посвящена Дню памяти А.С. Пушкина. Публикуем фотографии Ильи Таранова из квартиры-музея А.С. Пушкина на Набережной Мойки, 12.

Рассказываем, как отмечался День памяти А.С. Пушкина на Симбирской земле в феврале 2020 года. Читайте цикл стихов Татьяны Эйхман «Поездка в Пушкиногорье» и пролог к книге «Берег отдаленный» известного прозаика Александра Кердана, где А.С. Пушкин изображен в январе 1837 года.

В сказочное «Лукоморье» нас приглашает поэт Владимир Артамонов. Читайте либретто бард-оперы «Снежная королева».

«Привыкайте счастье не терять из виду, / ни себя, ни друга не давать в обиду! Вот и всё...».

Рубрика «Черемшан» посвящена юбилею Инги Гаак, познакомьтесь со сказками и стихами димитровградской писательницы.

Я – часть Вселенной, я – одна из всех!..

Сознания раздвинуты границы...

*Я – маргинал, я – вне мейнстрима тех,
кто Космоса в себе самом боится...*

Поэтические страницы «Симбирска» продолжает подборка ульяновского поэта Андрея Цухлова.

Сергей Гогин рассказывает о встрече в литературной студии «Восьмерка», посвященной творчеству А. Башлачёва и Е. Летова (публикация «Запрос на любовь и справедливость»). Новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» представляет Гала Узрютова.

Юбилейный календарь на март 2020 года подготовил поэт и краевед Николай Марьянин.

В разделе «Житейские истории» – рассказы Светланы Ломакиной, Нины Коваленко, Владимира Кочеткова. В этой короткой прозе всё как в жизни: грустно, драматично, трагично, светло, поучительно.

В номере созвучие разных авторов, разных голосов, разных тональностей.

Звонит детский голос из сказки с хорошим концом:

«Пора прощаться, но не печальтесь, / ведь сани мчатся навстречу счастью!».

Звучат и голоса тех, кто, кажется, научился «понимать и принимать жизнь».

Врываются пушкинские строки: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!».

У каждого свое понимание смысла бытия.

Жизнь как «умение видеть и любить красоту».

«Ещё остаётся одна –

Последняя, может быть, негa –

Сидеть у большого окна,

Завидовать белому снегу».

Звучат голоса, полагающие, что «риск – это жизнь».

И, наконец, понимание: жизнь как «воздух, которым нельзя надыхаться впрок».

Это цитаты. Жизнь во всем многообразии – в текстах наших авторов.

Читайте, дышите, пишите, живите!

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

ПЛОДЫ ВЫСОКОГО ДУХА

В списке знаменитых симбирян много ярких имен, и, что удивительно, этот список постоянно пополняется благодаря находкам историков и энтузиастов. Не так давно на Симбирском олимпе зажглась новая звезда – дипломата, ученого-полиглота, талантливого поэта Ивана Павловича Умова, о котором его любимая родина забыла на несколько десятилетий. Но рукописи, как известно, не горят, и герои не умирают. Имя Умова все чаще упоминается как в литературных кругах, так и в дипломатических. В настоящее время при содействии Ульяновского регионального отделения Императорского православного палестинского общества готовится к изданию книга стихов Ивана Умова.

Симбирские Умовы

Иван Умов родился 15 марта 1883 года в селе Русские Юрткули Спасского уезда Симбирской губернии: рядом находилась родовая усадьба Умовых (ныне Старомайнский район Ульяновской области). Усадьбу построил прадед – богатый помещик Павел Михайлович Наумов, который позволил себе полюбить крепостную девушку Матрену. Скромная женщина не хотела поссорить любимого с его родственниками и отказалась от официального брака, но родила Павлу Михайловичу детей. Они получили усеченную фамилию – Умовы.

Дед поэта – Иван Павлович Умов, бесстрашный военный вернул семье дворянское звание. Его сын Павел Иванович также отличился на службе, участвуя в русско-турецкой войне, и получил звезду Героя Плевны. В браке с Варварой Александровной родились дети: Вера и Иван. Конечно же, единственному сыну была уготована военная карьера, и Ваня поступил в Симбирский кадетский корпус. «В кадетском корпусе, на правом берегу Волги, – вспоминал впоследствии Иван Павлович, – я провел лучшие пять лет моей ранней юности».

Августейший покровитель

В 1900 году в Симбирский кадетский корпус прибыл Великий князь Константин Константинович. В честь его приезда состоялся праздничный концерт. Великому князю особенно понравилось выступление юного поэта Ивана Умова. Известно, что Константин Константинович был незаурядным поэтом, стихи свои подписывал скромно: К.Р.

Его всегда интересовали юные таланты, и князь как мог поддерживал их. Он не забыл кадета-симбирянина и в дальнейшем пристально следил за творчеством талантливого юноши и радовался его успехам. В семье августейшего князя царил культ Пушкина – эту горячую любовь к великому поэту К.К. Романов передал Умову.

Внезапная кончина Константина Константиновича в 1915 году больно ранила сердце Ивана Умова, который до конца своих дней бережно хранил переписку с Великим князем.

Поэт-переводчик и дипломат

После кадетского корпуса Иван Умов поступил в военно-инженерное училище в Санкт-Петербурге. В своих воспоминаниях Умов признался: «... великий Лев Толстой, у которого я бывал в Ясной Поляне, не раз мне говаривал: “Оставь это преступное дело. Выбери себе другой путь, без компромиссов, главное – без компромиссов, не учишь у людей искусству убивать друг друга!” Происходило это осенью 1903 года. Я горел желанием сбросить свою форму...».

Умова Вера Павловна (вторая слева), Умов Иван Павлович (пятый слева), Умов Павел Иванович (восьмой слева). Фото сделано прибл. в 1900 – 1901 гг. в поместье Умовка Спасского уезда Симбирской губернии

После окончания военно-инженерного училища Иван Павлович получил назначение в Киев, затем – в Крым, где служил в саперных войсках военным инженером. Здесь произошли знаменательные встречи с известными литераторами. Умов наконец понял, что у него другое предназначение.

Тяга к языкам и литературе перевесила, и юноша поступил в московский Лазаревский институт. Отдушиной стала восточная литература. Иван увлекся переводами. Под руководством академика Фёдора Корша он сделал блестящие переводы Омара Хайяма. Корш готовил новое издание сборника

«Персидские лирики X–XV веков» и включил туда 19 переводов рубаи Омара Хайяма, сделанные Умовым. К этому времени Иван Павлович знал десять языков: французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, арабский, персидский, грузинский, турецкий, сирийский.

По распределению Министерства иностранных дел в сентябре 1913 года Иван Павлович Умов отправился в Александрию, где занял пост вице-консула. Карьера складывалась успешно, но Умов попал в странный дипломатический замес, и со службы пришлось уйти. Он очень скучал по России и даже обрадовался возможности уехать на родину, но вернулся с полпути обратно: в России уже бушевала революция.

Центр культуры и православного паломничества

Тяга к культуре не угасала. И.П. Умов поступил в Лондонскую консерваторию, успешно ее окончил и выступал в Александрии как пианист. Сам преподавал музыку.

Умов женился на женщине из аристократической семьи: его супругой стала принцесса Хури Хаддад, православная сирийка. Александрийцы называли ее Александрой Иосифовной. Её семья бежала из Дамаска в Александрию при содействии Императорского православного палестинского общества. Единая вера и общность культурных интересов помогли сплочению сирийской прослойки и русской эмигрантской элиты. Как пишет профессор МГУ Геннадий Горячкин в книге «Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте» (М.: Русский путь. 2012. – 336 с.: ил.), «взаимопонимание между ливано-сирийскими и российскими православными было закономерно по нескольким причинам... Сказывалась деятельность Императорского православного палестинского общества, которая именно здесь и концентрировалась».

Александрия начала XX века

В Александрии проживало немало русских эмигрантов, и все они горели желанием воссоздать здесь малую Россию, чтобы на новом месте культивировать духовность, православие, патриотизм. Вилла Умовых стала центром культуры в Александрии. Здесь собиралось просвещенное общество, устраивались музыкальные и литературные вечера. Сам Иван Павлович частенько читал свои стихи, ис-

полнял на рояле музыкальные пьесы собственного сочинения. Часто в этих вечерах принимали участие и дети Умовых – все они были необычайно одаренными. Дочь Катя прекрасно танцевала и музицировала. Её называли самой талантливой балериной, а в Александрийском симфоническом оркестре она была первой скрипкой. Известным скрипачом стал и сын Иосиф. Младший сын Александр учился на архитектора.

К Умову часто приезжали паломники, которые дальше отправлялись к православным святыням: к мощам святой Екатерины, евангелиста Марка, преподобных Макария Великого и Антония Великого Александрийской, Марии Египетской.

В 1913 году в гостях у Ивана Павловича побывал Николай Гумилев – визит был связан с абиссинской экспедицией. На память о встрече Гумилев подарил дипломату автограф – новое стихотворение. Для Ивана Бунина, который к тому времени эмигрировал во Францию, Умов делал переводы его стихов на французский язык.

Потери и беды

Жили Умовы безбедно, но горе не обошло эту семью.

Летом 1955 года от тяжелой болезни скончался старший сын Павел. А в сентябре от трагической случайности погибла Катя: во время бальных упражнений упала и ударилась виском об острый край мебели. Скорбели не только родители. Как отмечала египетская пресса, вся Александрия обливалась слезами.

Но главные испытания были впереди. С приходом к власти Гамала Абделя Насера многое изменилось в жизни русских эмигрантов в Александрии. Новый режим объявил передел собственности. В начале 1961 года вилла Умовых была национализирована. Сердце Ивана Павловича не выдержало – 7 марта он скончался. Следом за ним ушла из жизни Александра Иосифовна. Сыновья Иосиф и Александр спешно покинули Египет. Братья не могли вывезти большой семейный архив и оставили его на хранение русской эмигрантке Людмиле Разумов-

ской. Они были уверены, что в скором времени смогут вернуться в Александрию и заберут бумаги отца, но доверительница скорострительно скончалась, и архив исчез бесследно.

«Незримый гость»

Вместе с архивом исчезли и стихи Ивана Умова. Одно достояние сохранила история – книгу «Незримый гость», которая была издана в 1949 году в издательстве, основанном Рерихом. Эту книгу Иван Павлович издал к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина, продолжив тем самым традицию наставника, Великого князя К.К. Романова. Значительная часть стихов посвящена Пушкину. Книга начинается с сонетов любимому поэту.

«Венок сонетов» – это воспоминание о жизни и творческих свершениях Пушкина. Как благословенье и напутствие звучат последние слова великого поэта в поэтическом изложении Умова:

*«Дай руку мне! пойдём же выше, выше! –
Так Пушкин звал в томлениц, в бреду. –
По книгам, вверх!»* А сердце билось тише,
Стуча отбой любимому труду.

Сама же книга «Незримый гость» – это гимн России, ее культуре, выдающимся русским писателям; это тоска по родине, Волге, родному дому.

*Я помню, помню в отдаленье
От озарённых детством мест
Старинный дом в родном селенье,
Погост и крест...
Мне не забыть семьи преданий,
Сказаний родины моей,
Сосновых роц очарований,
Ржаных полей.*

С большой любовью и нежностью вспоминает поэт своего отца. Иван Павлович понимал, что останется он в большевистской России, то наверняка бы погиб, но тень отца, чистый его след оберегает сына на чужбине.

*Январским ярким днём смеющимся ребенком
Спешил я за отцом вдоль оснежённых лип.
Я падал, вязнул в снег и в перелеске звонком
Ступал в следы отца, морозный слыша скрип.
И, непричастный здесь ни лжи, ни укоризне,
Незлбный мой отец, чей образ берегу,
На смех мой обращайся, как будто к лучшей жизни,
Указывал мой путь – свой чистый след в снегу.*

Русские эмигранты оставались на чужбине русскими душой и помыслами. Иван Павлович и на чужбине пылал любовью к России. Он верил, что его родина восстанет из пепла и расцветет краше прежнего:

*Заря встает над русскою землёй,
Неугасимы ясных звёзд блистанья,
И будет Русь Вселенной Рулевой
Весь мир вести под песни ликования.
И внемлет мир той песне молодой,
Под гул грозы и бури завыванье.*

В новую книгу Ивана Умова, которая появится уже в 2020 году, войдут стихи, изданные в 1949 году, а также некоторые поэтические творения, чудом дошедшие до наших дней.

Ольга Шейпак

Надгробие памятника на кладбище в Александрии: Умов завещал похоронить себя рядом с дочерью Катей

Иван УМОВ

Стихи из книги «Незримый гость»

ПЕРСИДСКАЯ КНЯЖНА

*Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.
(Песня, соч. Садовниковым)*

Пред рассветом, всплеском вала
Волга в берег буйно бьет
И кустарник чернотала
Шумной пеной обдает.

Реет призрак над кустами;
В косах – мокрая трава,
Шепчет бледными устами
Непонятные слова.

Над челом, в цветном уборе,
Блещут яхонты игрой,
Во в застылом грустном взоре
Страх с предсмертной тоской.

«Кто ты, скорбное виденье?
С кем свела тебя судьба?» –
«Я – забава на мгновенье,
Стеньки Разина раба;

Полоненная Степаном,
Я – персидская княжна,
И, рожденная Ираном,
Волгой здесь схоронена.

О цветы Мазандерана –
Мой священный детский рай!
О долины Херасана –
Незабвенный отчий край!

Под водою ночи долги.
Проклиная свой приют,
Слышу, как, плывя по Волге,
Про меня гребцы поют.

Как, к слезам моим и страху
Состраданья не храня,
Разин в пену волн с размаху,
Бросил хрупкую – меня.

Славит песельник хмельную
Жизнь ушкуев, кровь да нож,
Стеньки хитрость воровскую,
Душегубство да грабеж...

И гнетет под тиной черной
Неизбывная печаль:
В роковой стране просторной
Никому меня не жаль.

О цветы Мазандерана –
Мой священный детский рай!
О долины Херасана –
Незабвенный отчий край!»

В жигулевских рощах ропот;
Вторит шум речной волны
И ветлы прибрежной шепот
Горьким жалобам княжны.

Даль зардела. Рассветает.
Ветер пар клубит слегка.
Неясный образ тихо тает
Над кустами лозняка.

Но где вьется над обрывом
С белой чайкой черный грач,
Все звенит больным надрывом
Заглушённый детский плач.

Волга-мать! С твоих обрывов
Сонмы призраков глядят.
Много тайн твоих разлилов
Воды мутные таят;

Много слез людских и горя
Волны в даль чужой земли,
Стоны жертв уныло вторя,
К морю-Каспию снесли;

И хранят орлы седые
Да овраги Жигулей
Перепевы удалые
Были сказочной твоей.

ГЕРОИНЯМ СТАЛИНГРАДА

Вы – преемницы мучениц, жен декабристов.
И сестер, что видали Малахов Курган,
Тех подвижниц, что помнили Шипку и Систов,
Тех, окрасивших кровью своей гаолян.

Там, в оврагах, где крут хмурый берег нагорный,
Там, где солью сверкает за Волгой Эльтон,
Вы зарыты с запекшейся раною черной
И приволжские ветры лелеют ваш сон.

Сестры, сестры! Вам снится ль пожар Сталинграда,
Русь в слезах и крови у последней черты,
Где под громы и вопли кромешного ада
Вы без слез сожигали девичьи мечты?

К вам, безвестным и юным, пришедшим на Волгу,
Чтобы жизнь положить за братьев-солдат,
К вашим теням взываем и плачем подолгу,
Души вновь обновляя среди жизни утрат.

Как ничтожно бедны тусклых дней тревоженья
Перед пламенем чистым возженных сердец!
И всевластно влечет мощных душ притяженье
Ввысь, где славой горит женской жертвы венец.

ПРАБАБУШКА

В усадьбе умирающей, как в склепе, тишина.
 В вечерней мгле, смиряющей, тускнеет глаз окна;
 Шум жизни надоедливый не долетит извне.
 С улыбкою приветливой знакомы на стене
 Дагерротипы бледные. Сработаны хитро –
 Блестят узоры медные на дедовском бюро.
 На всем – грусть увядания, закатная печаль.
 Двух вензелей сияние струит часов эмаль;
 Часов тик-так заметнее в затишье на столе.
 Прабабушка столетняя недвижна в полумгле,
 Но в сумерки внимательно глядит потухший взор:
 Оттуда обаятельно звучит созвучий хор;
 Лиц вереницы длинные кивают в зеркалах –
 Все милые, старинные друзья в минувших днях. –
 С оставленной работою, прабабушка в углу
 Подавлена заботою и смотрит в полумглу,
 Где в смене восхитительной видений прошлых лет
 Глядит с обворожительной усмешкою портрет;
 Всех тайных дум угадчивый, глядит он ей в глаза,
 Чаруя речью вкрадчивой. В душе растет гроза
 И слезы! слезы просятся... И прежний жар в крови...
 Старинный вальс доносится, как нежный вздох любви.
 И всюду вечно помнится, как «он», стремясь к боям,
 В саду подростку-скромнице в любви признался вам!
 Как наяву блистающий встает ваш первый бал;
 Как часто в воскресающей он памяти вставал!
 Сам юный царь пленительный в тот незабвенный час
 С улыбкой обольстительной вел в полонезе вас.
 Дворянское собрание давало пышный бал...

СОН О РОССИИ

Я в лес входил с душой стесненной:
 Там липы на моих глазах,
 Клонясь вершиной обнаженной,
 Валились тихо в смертный прах.

Там вязов тяжкое паденье
 Влекло столетние дубы
 Во тьму гниенья и забвенья,
 Где паутина и грибы.

Вдруг предо мной по слову чуда
 Сверкнул цветок меж мертвых пней;
 Снегов белей, он рос оттуда
 В красе блистающей своей.

Венец, невиданный доселе,
 Атласных нежных лепестков
 Над пнем березы, трупом ели,
 Возрос до белых облаков.

То был лишь сон, но сердцу внятно
 Родимый голос говорил:
 Ничто не гибнет безвозвратно,
 Вновь жизнь восходит до могил.

ТВОИ СНЕГА

Твои снега заносят берега
 Замерзлых рек, и месяца рога
 Чуть светят в лес, лазуря кленов иней
 И с вязью лип, на тверди бледно-синей,

След лыж в кустах, где тонет в снег нога.
 Белеет путь обозов чрез луга,
 Где лишь метель шуршит в стеблях полыней,
 Где занесли высокие стога
 Твои снега.

Вот ветхий дом. Спешит с огнем слуга;
 Здесь та же тишь: ни смеха, ни уныний.
 Подавлена душа сродни с пустыней,
 Где над поземкой шепчет шелюга,
 Где сон как смерть и где метет пурга
 Твои снега...

ДВЕ АРФЫ

Посмотри: зацвели джакаранды
 И жасмина ползучий побег,
 Бугенвиллий лиловых гирлянды
 Покрывает, как девственный снег.

Но за Волгой, в России, далеко,
 В разоренном старинном гнезде
 Скромный ландыш цветет одиноко
 И зовет к позабытой звезде.

Посмотри: в сонной глади канала
 Отразился немой кипарис,
 У мечети, за насыпью вала
 Шелестит возле хлопка маис.

Но все снятся родимые нивы,
 Где шуршат возле гречи овсы,
 Где в прудах опрокинулись ивы
 И белеют луга от росы.

Посмотри: многолюдный Египет
В бликах солнца, весь в сети дорог.
Кубок счастья не здесь ли был выпит?
Здесь твой мир и семья, и порог.

Но над Нилом я думаю долго,
Размышляя о милых местах,
Где так царственно стелется Волга,
Где соловко рокошет в кустах;

И стремится душа к бездорожью
И к безлюдью заволжских полей,
Где под тучей склоняется рожью
Полоса у заросших колея.

РУЧЬИ ВЕСНЫ

Ручьи весны звенят среди тишины
В полях, где сосны еще верны;
Пробившись вдруг из-под снегов хрустальных,
Благую весть о радостях пасхальных
Они несут, в веселии шумны.

Стволы берез еще обнажены,
Но у корней подснежников печальных
Разгонят грусть, беспечны и ясны,
Ручьи весны.

Сердца людей предчувствия полны.
Пусть по утрам, как гроздь цветов миндальных,
Белеет иней возле льдов зеркальных;
Днем запоют, лучом пробуждены,
Рассеяв мглу и ледяные сны,
Ручьи весны.

РОДИНА

Я помню, помню в отдаленье
От озаренных детством мест
Старинный дом в родном селенье,
Погост и крест;
Родного сада свет и тени,
Акаций свод, ряд тополей,
Беседки шаткие ступени
И мрак аллея;
Осин и вязов вздохи, скрипы,
Стук дятла и синицы свист,
Шатры дубов и бледной липы
Прозрачный лист;
И ствол березы утром мая,
Как легкий дым, ее листву;
Огни цветов, что, усыпая,
Пестрят траву.

Я помню медленную Волгу,
Ее торжественный разлив,
Обрыв, где я глядел подолгу
В раздолье нив.
Мне не забыть семьи преданий,
Сказаний родины моей,
Сосновых рощ очарований,
Ржаных полей.
Душистой гречи белоснежной,
Ни серебрищихся овсов,
Ни песни вольной и безбрежной
Под шум лесов.
Лишь эта песнь отчизны сердца
С зарею молодого дня
Средь хмурых ликов иноверца
Живит меня!

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Мы – дети России, бездомные птицы,
Мы бедствуем всюду, под небом всех стран.
Летят разоренных скитальцев станицы
В Египет, в Алжир, на седой океан.

Нас видели в Смирне у дряхлой мечети
И в римском Палаццо, в старинном окне,
А матери наши, а малые дети
Тоскуют о нас в незабвенной стране.

И мучит нас вечным, безмолвным укором
То матери облик во мраке ночном.
То призрак сестры с угасающим взором,
То с плачем о хлебе дитя под окном.

НЕИЗМЕННЫЙ СОН

Все тот же сон – далекая Россия!
К тебе одной летит моя мечта,
Влечет твоя родная красота,
Зовут поля, твои леса глухие,

И серых дней напевы дождевые,
И вечеров осенних долгота,
Унылых рощ багрец и пестрота
И зимние сугробы снеговые!

Я вновь живу среди отроческих грез,
Вновь чувствую, что мир земной не тесен...
Далекий звук знакомых с детства песен

Дарует мне поток нежданных слез.
В чужой среде, где сердце холодеет,
Оно в любви к отчизне молодеет.

Ирина МАРШАЛОВА, кандидат филологических наук, зав. сектором научно-исследовательской работы Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

В 2019 году было много литературных дат, которые отмечались культурной общественностью. В ноябре 2019 года в Москве состоялась научная конференция «Великие литературные события 1859 года в России». Она была приурочена к 160-летию юбилею выхода в свет романов И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», И.А. Гончарова «Обломов» и Л.Н. Толстого «Семейное счастье».

«ОБЛОМОВ БРОСАЕТ ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ...»

Такаси Фудзинума, доктор филологии университета Сока (Токио, Япония), в статье, приуроченной к 185-летию автора «Обломова», отметил: «Гончаров и Толстой вместе с И.С. Тургеневым представляли самые лучшие стороны реализма русской литературы XIX века. Толстой часто сравнивается с Ф.М. Достоевским, но их сравнение проводится чаще всего для подчеркивания их разницы. <...> Что касается сравнения Гончарова и Толстого, можно сказать, что и исследователи, и читатель не очень интересуются этим вопросом. Однако, на мой взгляд, сравнение этих двух писателей является одной из главных задач исследования русской литературы XIX века. И я уверен, что оно принесет плодотворные результаты». Сегодня сближение литературных позиций, художественных миров классиков – не такая уж и редкость. Не только отдельные статьи, но и целые монографии посвящены этим вопросам (из последних работ можно назвать книгу И.В. Пыrkова «Гнездо над обрывом: Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.П. Чехов)»). Отдельное место в этом ряду занимают научные конференции, проводимые на стыке интересов гончароведов, тургеневедов и толстоведов. В заседаниях одной из них удалось поучаствовать ульяновскому Историко-мемориальному центру-музею И.А. Гончарова.

Научная конференция с международным участием «Великие литературные события 1859 года в России» состоялась 11-13 ноября 2019 г. в Москве и была приурочена к 160-летию юбилею выхода в свет романов И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», И.А. Гончарова «Обломов» и Л.Н. Толстого «Семейное счастье». Организаторами научных встреч выступили Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (кафедра истории русской литературы филологического факультета) и Московская государственная Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева.

Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева

На официальном сайте тургеневской библиотеки перед началом конференции было размещено своеобразное обращение ко всем, заинтересованным проблематикой и решившим принять участие в заседаниях: «В литературной жизни России 1859 год оказался богат на события: в течение года были

опубликованы три романа – «Дворянское гнездо», «Обломов» и «Семейное счастье». Эти сочинения составили важную, хотя и не всегда счастливую эпоху в творческой судьбе их авторов, оказали огромное влияние на современников и всю последующую культуру. Между тремя романами, как и между их создателями – И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым и Л.Н. Толстым – есть немало расхождений, но существует и немало сближений, которые отражают общее ощущение надежды накануне больших социальных перемен. Здесь же были определены и темы для обсуждения: история публикации трех романов; литературные журналы и литературно-критическая полемика вокруг романов; читатели о романах: от вос-

В читальном зале библиотеки

поминаний современников до новейших оценок и прочтений; семья, род, гнездо, дом как основные топоры русского романа и др.

Вопрос, связанный с творческим прочтением «Обломова» современным поколением, показался особенно актуальным сотрудникам музея И.А. Гончарова. Именно это направление гончароведения определило выбор темы доклада кандидата филологических наук, заведующей сектором научно-исследовательской работы музея писателя Ирины Маршаловой «Герои Гончарова в восприятии молодых: плакаты студентов-дизайнеров к выставке “Роману «Обломов» 140 лет” из собрания музея И.А. Гончарова», представленного на пленарном заседании Международной научной конференции.

Выступление И.О. Маршаловой с докладом на пленарном заседании

В уже далёком 1999 году начинающие ульяновские художники, работавшие над созданием серии плакатов к обозначенной выставке под руководством кандидата педагогических наук, преподавателя кафедры дизайна Ульяновского государственного университета Е.С. Аккуратовой, обозначили средствами графики собственную философски заострённую позицию в отношении ведущих персонажей романа И.А. Гончарова. Всего в собрание музея писателя было передано 14 плакатов на заданную тематику, выполненных гуашью на бумаге размером 54x74 см. Три из них («Обломов-Штольц. Штольц-Обломов»; «Вселенная Обломова»; «...жизнь трогает!») сейчас представлены в постоянной экспозиции.

Зал, рассказывающий о жизни романа И.А. Гончарова «Обломов» в современном мире, размещён на первом этаже

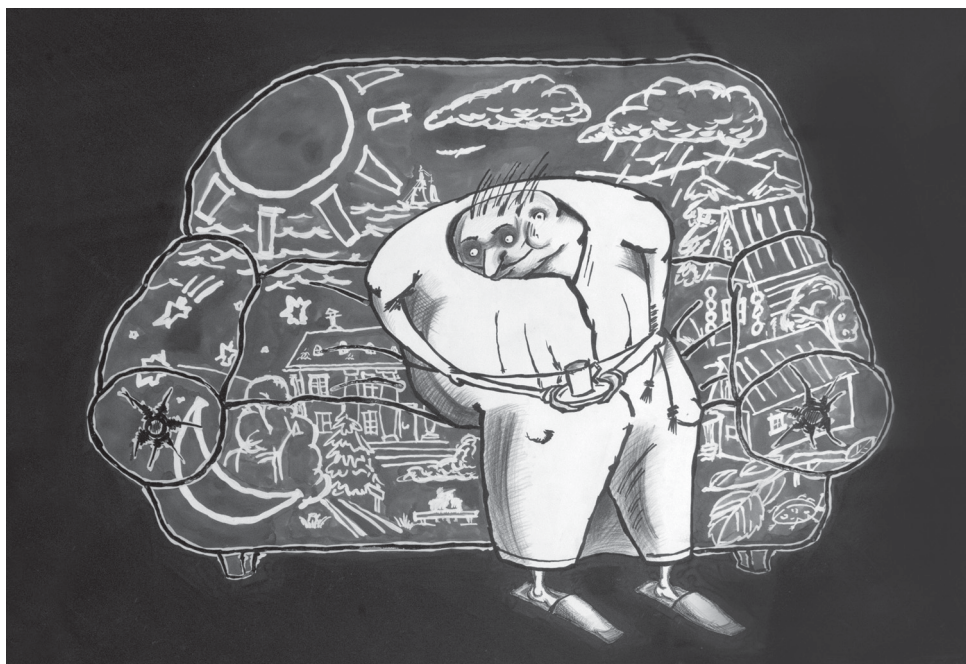

Музей Обломова

Историко-мемориального центра-музея в пристрое к мемориальному дому писателя купцов Юргенсов, в бывшем помещении магазина канцелярских товаров и музыкальных принадлежностей. Эту экспозицию по праву можно назвать музеем Обломова.

Здесь представлены отечественные и зарубежные издания романа, книги современных авторов, написанные по мотивам знаменитого произведения И.А. Гончарова, фильмы и спектакли, обыгрывающие сюжет «Обломова», и мн. др. В музее собрана большая коллекция иллюстраций к роману И.А. Гончарова разных лет. Кроме живописных работ в зале демонстрируется графика – честные и художественно отточенные размышления студентов-дизайнеров на вечную тему «Обломов и Штольц».

Плакатное творчество – многоаспектный, сложный, символически нагруженный вид художественной деятельности. Практически каждый современный плакат, написанный по определённому поводу, по-прежнему имеет точки соприкосновения с агитационным плакатом, «популярно» объяснявшим политические ситуации и идеологические позиции. Работы студентов-дизайнеров, безусловно дополняя данный вид художественной деятельности оригина-

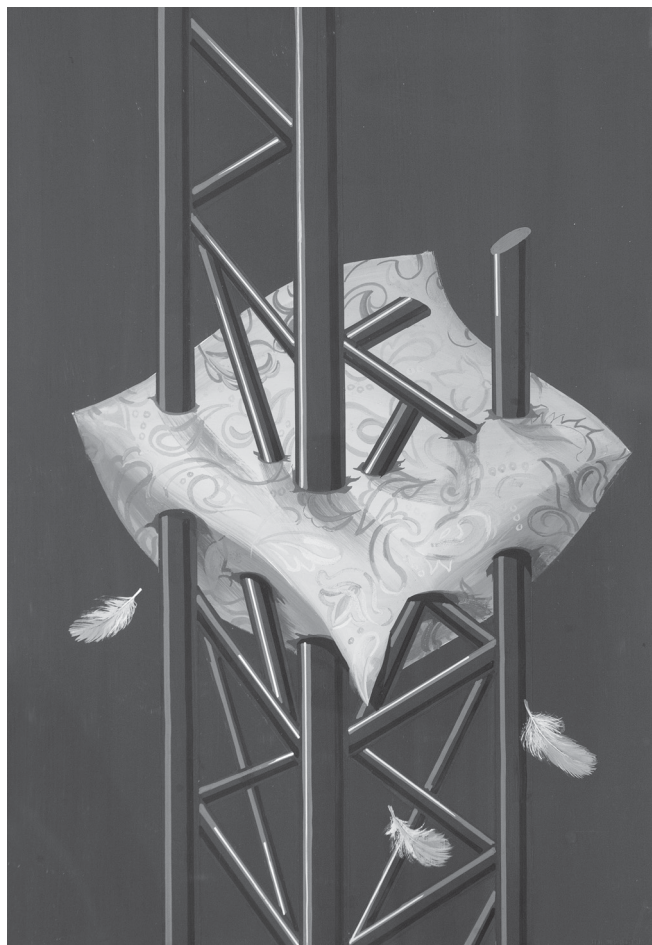

К.В. Сокольский. Вселенная Обломова

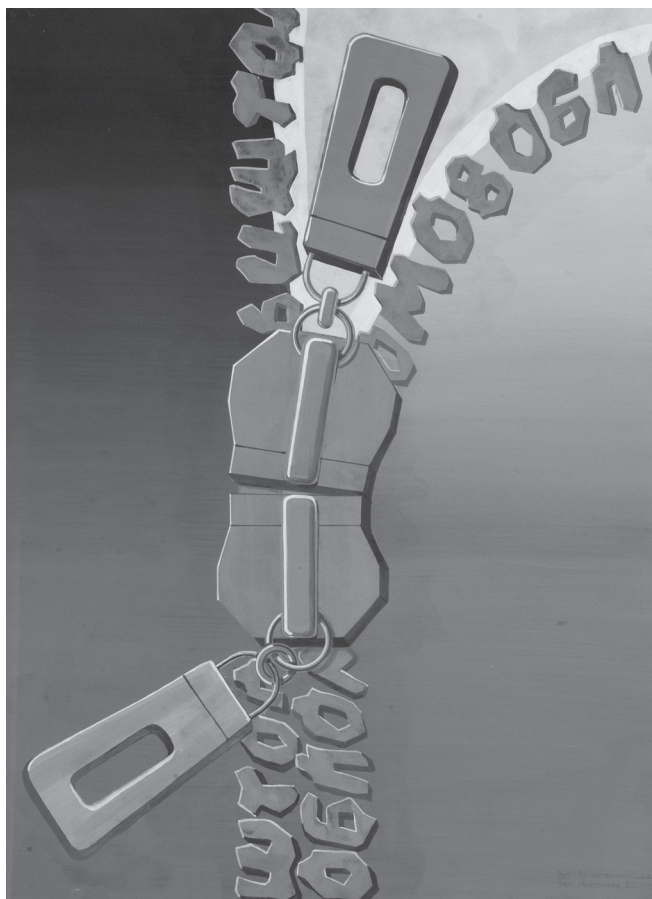
нальными находками в плане формосодержания и цветопередачи, не являются исключением. «Композиция плаката строится на обобщении, стилизации и силуэтности – это законы художественного языка плаката, обеспечивающие его цельность и максимальную доходчивость: изображение стремится к знаку, что позволяет легко считывать информационно-эмоциональный посыл плаката», – поясняют авторы тематической работы «Советское агитационно-массовое искусство 1920-х годов: плакат и фарфор» М.Е. Васильева и Д.А. Мичкова. Если принять во внимание три экспозиционных экземпляра, данные принципы находят в них практически безукоризненное отражение. Передача характерных особенностей персонажей И.А. Гончарова элементами неживой природы, добавление механических деталей, отсутствующих в натуре, но говорящих ровно столько, сколько необходимо для понимания главного в этой натуре, позволяют достичь максимальной степени обобщения и символизации образов романа. Например, на плакате И.А. Тихоновой «...жизнь трогает!» разрывание жёсткими металлическими конструкциями мягкого тканевого материала и начинки перьевой подушки в сочетании с названием работы, вынесенным на лицевую сторону, рождает прямую ассоциацию с участием героя, вынужденного заниматься насущными вопросами вместо постижения бытийного, отрешённого от повседневных забот и треволнений блаженства: «Но он [Обломов] был в затруднении, о чем думать: о письме ли старосты, о переезде ли на новую квартиру, принятых ли сводить счеты? Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок. По временам только слышались отрывистые восклицания: «Ах, боже мой! Трогает жизнь, везде достает».

Не чужды представленные работы и некой карикатурности, шаржированности. Фигура героя романа на плакате К.В. Сокольского «Вселенная Обломова» выглядит физически несовершенной, массивной и в то же время незащитной, жалкой, рождая у зрителя чувство искренней озадаченности и глубокой печальности судьбой Ильи Ильича, сиротливо сжимающего в тоненьких слабых ручонках блюдце с чашкой. Налицо фатальная уязвимость гончаровского героя, не приспособленного ни к какой действительности, кроме сконструированной в собственном сознании, на материале собственной души. «Обломов бросает вызов времени, – замечает доктор филологических наук, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова И.В. Пырков, – смеет жить по собственному временному поясу, но он обречён на поражение».

В целом, серия плакатов к выставке «Роману “Обломов” 140 лет», выполненная молодыми творцами и переданная в дар музею И.А. Гончарова, – чуткое, нетиражированное создание особой художественной реальности, концептуально опирающейся на роман писателя, но расширяющей понимание текста в интермедийном ключе с точки зрения уникальных психологических интерпретаций, эмоционально-чувственных переживаний и определённых эстетических позиций.

И.А. Тихонова. ...жизнь трогает!

А.И. Гусманова. Обломов-Штольц. Штольц-Обломов

СОЗВЕЗДИЕ ПРОТОК

В современной литературе, как, впрочем, и во времена, к словесности более благосклонные, немало недостатков. Один из главных – преклонение перед усохшими деревьями. Пока их поливали из щедрой журнальной и издательской лейки, подкармливали туками, берёзы, вербы и всякие там дубы зеленели и густо усеивали окрестности своими серёжками и желудями. Часто бесплодными. А в то же время «селекционеры» от критики и вся окололитературная пресса не замечала соседних деревьев. Таких же высоких, привычных русскому глазу, голосистых от множества пичуг, поселившихся в их ветвях. Те тоже роскошно зеленели округлыми, как купола храмов, кронами, присущими средней полосе православной России. Среди них поэт из Ульяновска Александр Лайков.

Суровая, мужская, с отголосками Отечественной, афганской и чеченской войн, без плача и уныния, и одновременно озорная, местами разгульная, без скоморошничанья и гармошки, обильно сдобренная близкими нашему сердцу образами, с нотками Есенина и Рубцова, поэзия волгара Александра Лайкова в последние годы на русском горизонте возникла как бы из ниоткуда. «Там меня под гусиным пером / Целовала крестовая дама». Одной фразой мастерски перекидывается мостик к отечественной классике. Тут же появляются ассоциации и с Пушкиным, и с Блоком. Любители поэзии стали обращать внимание на новое-старое имя после трёх подборок в журнале «Берега». Хотя были и другие публикации в известных изданиях.

Время, видать, подошло. Ульяновского поэта нужно оценивать сразу по первому прочтению. (Ибо потом начнутся замечания от лукавого: «А тут... А вот тут»). Настолько его творчество глубоко и эмоционально. Он черпает рифмы не в интернете: «Их надула моряна с Икрянки», речки детства поэта. Одной из того созвездия проток, что сызмала вливали в душу Саши Лайкова свою силу и русскую волю. Луна в стихах ульяновского поэта «Как забытая богом копейка / Одинокое мерцает в копилке небес». И неожиданное: «Зачем я родился на свет / Коль мамонт вымер, а Христа распяли».

Перед нами современник, которого почему-то долго не замечали, хотя его творчество по-настоящему национальное, как шрамами расчерчено то будёновскими тачанками, то пулевыми ранениями в «мирное» время. Не зря он говорит о фантомных болях. Вроде ноги. А на самом деле простой русской души, рождённой в доме над Волгой, построенном дружными предками талантливого волжского поэта, которого обязательно должна услышать Россия. Поэта, преданного традиции и русскому народному Слову.

Это оно как костёр горит среди его раздумий:
Я наелся ягод волчьих.
Стал, как волк, матёр.
Посреди заветных строчек
Запалил костёр.

*Владимир ПОДЛУЗСКИЙ (Сыктывкар),
поэт, член Союза писателей России,
лауреат Национальной литературной премии
«Щит и меч Отечества».*

Александр ЛАЙКОВ, поэт, член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Автор книг «Красный бугор», «Из тепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок». Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова.

ГУСЛИ-ПЕРЕГУДЫ ИЗ ГЛУБИНКИ

* * *

Владимиру Подлузскому

Я отстал от сумрачного века,
Где погоду делает Газпром
И в руке блажного человека
Верещит обласканный смартфон.

Я читаю постаринке книги,
Иногда пишу карандашом...
И ложатся солнечные блики
На полы, где топал малышом.

А теперь вот перегуды-гусли
Слышу я над русской головой...
То не лебеди, а в небе гусли
Над Россией и моей судьбой.

Было дело – рассыпали гранки,
Как экзамен, жизнь не пересдашь...
И кувшинки ерика Икрянки
Не заманишь в бодрый репортаж.

А в чулане пахнет керосином,
Вечностью и бражкой молодой...
Я колдую пёрышком гусиным,
И лечусь травую-чередой.

И растёт берёзка из слезинки, –
Вырвалась, кудрявая, на свет!
Гусли-перегуды из глубинки
Берегут нас в окаянный век.

ВЕРБЛЮЖЬЯ КОЛЮЧКА

Верблюжья колючка на жёлтом песке,
На красном солёном суглинке
Царапает небо в зелёной тоске –
Вокруг ни цветка, ни былинки.

Здесь летом бывает за сорок в тени,
А зимы бесснежны и люты!
Не встретишь ни суслика и ни змеи,
И редко пасутся верблюды.

Под зноем палящим живые кусты
Невзрачны, корявы и ломки...
А вот умудряются буйно цвести,
Багрянцем плеснув на иголки!

О, если упали бы капли дождя
Из рыжей задумчивой тучки!
...Учитесь добру и отваге, друзья,
У скромной верблюжьей колючки.

* * *

А в саду поспели вишни,
На варенье липнут осы.
Воробей, как солнце, рыжий
Расчирикался с берёзы.

Вперевалку ходят гусли,
Слышен беглый звон гитары...
У окна, в зелёной грусти,
Я с компьютером гитарю.

Деревенские напевы
И пейзажи – сплошь шедевры!
Вон бельё полощут девы,
Все прекрасны, как Венеры...

Хорошо на тихой речке
У кувшинок и осоки.
Наши годы быстротечны,
Думы – благостно-высоки.

И мои друзья-поэты
В меркантильную эпоху,
Неподкупные, как дети,
Разговаривают с Богом.

* * *

Что мне делать совсем одному
Посреди мирозданья и быта?
Серым волком поковылять на луну?
Да она облаками размыта...

Зажимаю слезу в кулаке:
Как пустынно без матушки в доме!
Отражается детство в реке,
Красный бакен горит на затоне.

Моей косы над плёсом ветла,
Как вопросы, задумались цапли,
И стекают проворно с весла
Виноградно-багровые капли.

Это я так отважно гребу
По судьбе на студёном рассвете.
Кто там ждёт на крутом берегу?
Никого. Только чайки да ветер...

Возвращаюсь к родному крыльцу,
Где мои зарождались глаголы,
И частицы Вселенной – пыльцу
Собирают проворные пчёлы.

ЧИ-РИК

Среди заснеженных ветвей
Вдруг зачирикал воробей!

Другие не поют в мороз,
А он не прячет клювик-нос:

– Чи-рик – прыг-скок – чирик-чи-рик!
К погоде снежной он привык.

Не улетел на тёплый юг
Со стаей ласковых подруг.

Отважно прыгает у ног:
– Чирик, – прыг-скок, – чирик, – прыг-скок...

За крошкой хлеба под трамвай
Стрельнул: – Чи-рик – не унывай!

Романтик, озорник, поэт!
Роднее птиц на свете нет.

И городской его мотив
Дороже благостных молитв!

Он предан Родине и смел.
С утра чирикает – пострел!

Проспект ему и дом, и стол.
– Чи-рик – божественный глагол.

АИСТЁНОК

Белый аист у чёрной трубы.
Но гнездо аистиное свято!
Посредине дымов и пальбы
Появились на свет аистята.

Жизнь сильнее, чем порох и зло.
Все мы – дети планеты и солнца!
Аистёнок встаёт на крыло,
Как душа нерождённого хлопца...

* * *

Я тоже мог погибнуть на войне,
А не качаться в зыбкой колыбели...
Но пуля, предназначенная мне,
Прошла левее сердца, мимо цели.

Могла смертельно ранить бы отца
Под Кенигсбергом иль в бою на Висле...
Тогда бы катыш рваного свинца
Лишил меня поэзии и смысла.

Благодарю судьбу и небеса
За право жить в отважном поколеньи!
Но страшно слышать ночью голоса
Младенцев, убиенных до рожденья.

А ведь могла любимая моя
Пополнить роковые эти списки...
Вселенная живёт, пока есть я.
Поставьте нерождённымobeliski!

КУКУШКА

А кукушка с берёзы опять куковала:
Всё: «Ку-ку!» да «Ку-ку!». И отважно: «Ку-ку»!
И считал я «ку-ку» – сколько жить на веку.
А она, как на грех, куковать перестала.

И обидно мне стало до вещей слезы,
Что я скоро уйду из прекрасного мира,
Где любил постоянство Полярной звезды,
Шорох трав, всплески вёсел и волн Бахтемира.

Где однажды нашёл я подкову в золе.
«Опалённое счастье», – промолвила мама.
Я влюблялся и пел, как скворец на заре,
И меня целовала Крестовая Дама!

Каркал ворон – предвестник разлуки-беды,
И дрожала роса на кустах краснотала.
Я стоял на яру у дремучей ветлы.
...А кукушка с берёзы опять куковала.

* * *

Я один в полумраке:
Ни свечи, ни луны...
Где-то лают собаки
Накануне весны.

И воркуют капли
У сырого окна...
А на смятой постели
Послевкусие сна.

Там плакучие ивы
У резного плетня,
И светло и наивно
Ты любила меня.

И мерцали, как почки,
Все веснушки твои...
Были сладкими ночи
У весенней любви.

Через годы мне снова
Без луны не до сна.
За окном бирюзово.
Ночь. Сосульки. Весна.

* * *

В Карамзинском саду облетает листва
И ложится на плечи божественной Клио...
Холодок – на душе, в серебре – голова,
И горчит, на ветру пламенея, калина.

Стало меньше тепла, зарядили дожди,
А вчера ещё яркое солнце светило!
...Как в заветную осень тропинку найти,
Где меня ты бесстрашно и нежно любила?

Где шалун-ветерок заползал в рукава,
Теребил твоё платье из лёгкого ситца...
На припухлых губах замирали слова,
И горячий висок задевали ресницы.

Чуть кружилась от счастья моя голова,
А теперь я хандрю, и на сердце тоскливо...
Пахнет коркой арбузной под вечер листва
И роится у плеч замерзающей Клио.

ДЕВОЧКА ИЗ ПИСЬМА

«А написать ты можешь в Ленинград, Надежде.»

Письмо из «Пионерской правды».
Когда-нибудь я вновь явлюсь нежданно
В туманный город на Неве,
Где женщина – печальна и желанна! –
Два века помнит обо мне.

Со школьных лет мечтали мы о встрече,
Как два отважных моряка...
Напрасно говорят, что время лечит:
Ещё сильнее горчит строка!

Но я приду! Нажму звонок у двери –
Войду, волнуясь, чуть дыша...
Померкнет свет. Назад качнётся время –
Замрёт восторжено душа!

Не хватит слов. Раскроешь пианино.
Польётся музыка в тиши!
– Я так ждала... По письмам полюбила.
Ты помнил обо мне, скажи?

Я помнил, ждал, надеялся на встречу,
Сходил в неведеньи с ума.
...Нам будет хорошо в осенний вечер
С мечтой-девчонкой из письма.

* * *

Разрыв-трава расколет камень,
Горючь-слеза прожжёт дюраль...
Я дотянусь к тебе руками
Через космическую даль!

Я разорву пространства пути,
Прорвусь сквозь века круговерть...
Побыть с тобой хоть полминуты –
Тогда не страшно умереть.

* * *

Я запутался во времени,
В мире лживом и жестоком,
В поколении потерянных
Между Дьяволом и Богом.

РАЗДУМЬЯ У ТЕЛЕВИЗОРА

(Новая редакция)

Лучи, как стропы парашюта,
Обрежет гребешками рош...
Чернее сизых ягод тута
Обмажет мегаполис ночь.

Но вспыхнут радугой рекламы
И окна городских квартир,
И зыбко, сумрачно и странно
Луна заглянет в этот мир.

И кораблём огромным город
Вплывёт в обманчивый экран,
Затопит каменные норы
Девятый вал телепрограмм.

Но что мерцающие чащи
И плач лебёдушки? – Когда
Там нет берёзок настоящих,
Вода там тоже не вода.

Что «звёзд» заученные жесты,
Намек стыдливый и подтекст? –
Когда в обшарпанном подъезде
Я видел натуральный секс!

Что экстрасенсов телефарсы
И НЛО туманный след? –
Когда с лицом краснее Марса
За стенкой буйствует сосед!

К чему надуманные драмы
И блеф космических побед? –
Коль пишет из деревни мама:
«...И снова дорожает хлеб».

КОГДА ШЕЛЕСТЯТ СТРАНИЦЫ...

Галине Анисимовой

Зачем убивают книги,
Карают живое СЛОВО?
Уж лучше меня казните,
Чем Пушкина и Толстого!

Пылают в огне ГРЕНАДА,
ЕСЕНИНСКИЕ берёзы...
ТИМУР И ЕГО КОМАНДА
На пламя роняют звёзды.

...«Подумаешь, – скажет некто, –
Бумага всегда горела!
Вот файлы из Интернета –
Совсем ведь другое дело.

И будут на сайтах вечно
Без риска они храниться!»
...Но всё-таки человечней,
Когда шелестят страницы!

Как славно в уютном кресле
При мягком настольном свете
Читать о героях Бреста
И о великой ПОБЕДЕ!

Иль с внучкою постаринке –
Дитём интернет-эпохи –
Смотреть в БУКВАРЕ картинки,
Из букв составляя слоги.

Загадочно-интересны
Луна, НЛО и Йети...
А как растревожит сердце
Поэма «БЕЛЫЕ СНЕГИ»!

И ЛИРИКА ИНТЕРНЕТА

В бумаге ещё воскреснет!
Ведь СЛОВО – оно бессмертно,
Начало и кладезь ПЕСНИ!

* * *

Седой романтик при свечах
Забыл о кнопке монитора.
Мерцают стрелки на часах,
И время виснет на плечах,
Как рваный плащ тореодора.

От самых ласковых времен
До одиночества в квартире
Он был бесстрашен и умён,
И в Божьем храме окрещён,
Но задышался в грешном мире.

На стрежне ядерных эпох
И оцифрованной бумаги
Всего один свободный вздох –
Тетрадный с рифмами листок
Остался от былой отваги.

А сколько откровенных строк
Жестоко проглотила Лета!
Но время подводить итог.
А правда леденит висок,
И в мире не хватает света.

Чадит надорванный талон
Времени фатальной перестройки.
Орёл двухглавый бьёт крылом.
И нет свободы за Днепром
Для полусонной птицы-тройки.

Морозно и темно вокруг,
На Западе и на Востоке...
Сквозь наледь гляцевых фрамуг
Луны серпастый полукруг
Плывёт, как парус одинокий.

ЯНВАРСКАЯ БЕССОННИЦА

Опять я ночью маюсь,
Хоть вызывай врача!
Видать, маячит старость,
Клюкой своей стуча.

Давление, одышку
Притащит к февралю...
Холодную подушку
Я с грустью тереблю.

Ворочаюсь в потёмках,
Молюсь на образа...
Мерещится под ёлкой
Девчонка-егоза!

Срываются и бесят
Листы календаря...
А в небе красный месяц
Похож на снегиря.

Я БЫЛ ДОЖДЁМ...

Мои стихи прочтут посмертно,
Пусть всего с десятков строк...
Я был дождём и другом ветра,
Скитальцем посреди дорог.

И видел с отчего порога
Икрянку, обелиск и крест.
Я здесь тайком молился Богу
И слушал музыку небес.

Мечтал в порыве вдохновенья
Эпоху отразить в стихах.
Но тыкал пальцем некий гений,
Мол, тут не эдак и не так...

Я бился, как форель, о камни,
Любил русалок и мегер...
И прорастал мне с кровью в память
Отчизны обнажённый нерв.

Его с отвагою сыновьей
Я трогал с нежностью не раз.
В часы печали и злословий
Любил Россию без прикрас.

Уже в саду листва померкла,
О землю яблоки стучат...
Поэтов признают посмертно.
Друзья мои! Который час?!

* * *

Я родился в Союзе,
Но в России помру!
Пусть любимая Муза
Погрустит на яру

О великой державе,
Где Чапай на коне! –
И запишет в скрижали
Пару строк обо мне.

Не в рубашке явился
Я на свет поутру –
Я судьбой породнился
С тополком на ветру.

Нас ломали и гнули
До плакучих ракии,
От ножа и от пули
Сердце в шрамах горит.

Но вцепившись корнями
В пядь российской земли,
Мы над бездной упрямо
Прямо в небо росли!

Что нам стужа и ливни,
И пурга в феврале?
Привкус горькой полыни
У подковы в золе.

Я нашёл её в детстве
У костра, на яру...
Допою свои песни –
И в России помру!

Елена ТОКАРЧУК (6.07.1976 – 9.06.2007 гг.) – поэтесса и художница. Выпускница Московского литературного института им. А.М. Горького, (1997), член Ульяновской организации Российского союза профессиональных литераторов (1999). Автор одиннадцати поэтических книг, четырех персональных выставок живописных работ. Хозяйка литературно-музыкального салона «У Лены» (1996 – 2007).

Лауреат многих городских и областных конкурсов творчества инвалидов, фестиваля творчества инвалидов России и Беларуси (1998, Москва). Лауреат Международной премии «Филантроп» – первая премия в номинации «Поэзия» (2000, Москва) и седьмой Артиады народов России в номинации «Литература. ПараАртийская молодёжная лига. Гильдия профессионалов» (2004, Москва).

Многочисленные выступления в школах и библиотеках Ульяновска, публикации в ульяновских газетах и журналах, а также в общих сборниках РСПЛ оставили добрую память о Елене Токарчук и ее творчестве.

ЗИМНИЕ УЗОРЫ

* * *

Синее небо. Мороженный воздух.
Солнце тяну.

Мне никогда возвратиться не поздно
В эту страну.
В эту тоску без начала и края...
В эту зиму...

Там, где я всё до деталей узнаю
И не пойму.

Там, где скрывается серое чудо,
Жизнь без любви.
Там, где не ждут, и меня ты откуда
Век не зови.

4-5 октября 1991 г., Вологда

* * *

Ещё остаётся одна –
Последняя, может быть, нега –
Сидеть у большого окна,
Завидовать белому снегу.

Зачем ты вчера не пришёл?
Мне было так скучно, мой нежный.
А снегу сейчас хорошо,
И вера в него неизбежна.

8 декабря 1991 г., Уральск

ЗИМНЯЯ РАДУГА

Тучи над городом зимним нависли.
Звёзды глядят несветло и нелепо.
Но поутру с самоцветами мыслей
Девушка-Радуга вышла на небо.

Тёплая Радуга в мир иноверца –
Зимнего холода – радостно рвётся,
Чтобы исполнить художество сердца –
Море и остров, где царствует Солнце.

Чтобы декабрь погрузить в многострунность,
Чтобы на миг многоцветной палитрой
Старость наполнить, а нежную юность
Обогатить простотою нехитрой.

8 декабря 2002 г.

ЖЁЛТАЯ СИНИЦА

Жёлтая синица –
Вестница порошам.
Ночка будет злиться,
Если день хороший.

Знаешь ты заранее,
Что – к слезам, что – к смеху.
Сбудутся ль желанья?
Как прийти к успеху?

Как мне в эту зиму
С холодом смириться?
Крикни о незримом,
Жёлтая синица.

13 января 1993 г., Уральск

* * *

Взвейся, возникни, воскресни, мечта,
В боговой тайне!
Дай образцу отойти от креста
Муки бескрайней.

Вырасти радугой, смыслом моста
В месяц нисана.
Ты не смертельна, святая мечта!
Ты – несказанна!

Плавно лететь к золотому огню –
Всё, что осталось.
Я сохраню в себе, я сохраню
Верность и жалость.

Не угасайте, живые угли,
В лютые зимы.
Птица сиротства рыдает вдали
Невыносимо.

25 декабря 1996 г.

* * *

Января морозы хлётки.
Колки, как игла.
На снегу искрятся блётки,
А в печи – зола.

Белый плед укрыл отростки.
Вся земля бела.
Мир стоит на перекрёстке –
У добра и зла.

11 августа 1997 г.

* * *

Рисует мороз на стекле
Волшебные зимние сказки.
И снова я вижу во мгле
Луны амазонские пляски.

И лебедь взмахнул над водой
Крылами весны и надежды.
Сафо говорит со звездой
Прикрыв вдохновенные вежды*.

Раскрылся волшебный цветок,
Дающий душе исцеленье.
На том перекрёстке дорог
Исполню его повеленье.

Приду к полновзвучной любви,
Где пенье, цветенье и нега.
Художник-мороз, оживи
Творенья из ветра и снега!

*Вежды – здесь «веки» - авт.

30 марта 2005 г.

К ЛЕБЕДИЮ–АЙСБЕРГУ

На фотографию А.В. Олешкевича

Белый танец. Невеста в фате
Кружит так же свободно, как лебедь.
О какой ты грустишь красоте
На земле, на воде и на небе?

Белый лебедь на зыбкой волне
С бирюзовым оттенком печали...
Что ты, лебедь, поведаешь мне
Про сердечные скрытые дали?

Белый лебедь – помощник в беде,
Белый маг, растворяющий боли.
Обращаюсь к высокой звезде,
Ощущая всесилие воли.

Белый айсберг над серой водой
В заполярном холодном просторе,
Ты вдыхаешь восторг молодой
В поседевшее древнее море.

Что за мастер творит изо льда
Вдохновения радостный символ
В тех краях, где царила всегда
Взлёт-душа чудо-птицы красивой?

Может, это пленённый судьбой
Узник Снежной Зимы-Королевы
Не желает расстаться с тобой,
Лебединые слыша напевы,

И ваяет из снега и слёз
Птицу верности, грёзы и лиры?
То не он ли в подарок принёс
Лебединые льдины-сапфиры?

Белый лебедь испытанных драм,
Твёрдость льда не гнетёт тебя разве?
Ты плывёшь по бескрайним морям,
Вечный странник – сверкающий айсберг.

Оставляешь ты в грустной душе
Белый пух легкокрылого счастья.
Ни о чём я не плачу уже,
Озарённая чудом причастья.

24-31 марта 2005 г.

ЗИМНИЙ ЗАКАТ

О чём поют уста заката?
Что небо чувствует зимой?
В его напев поверив свято,
Речь обретает и немой.

Закат поёт о беззакатном,
Во всём предчувствуя восход.
В его сознание необъятном
Песнь вечной юности живёт.

На нём румянец от мороза
Лесного яблока красней.
В глазах таинственная грёза
О крыльях не наставших дней.

Играет ветер с облаками,
Как с чёлкой солнечных волос.
А свод лазурными глазами
Глядит на копи снежных звёзд.

23 ноября 2004 г.

* * *

О новизна январской были!
Берёз и лотосов белей,
Столбы блестящей снежной пыли
У ярких, встречных фонарей.

Зима как мудрая подруга
Выбеливает чёрный торн.
Поёт сказительница-вьюга
О всех задумках судеб-Норн**.

Взор чистый девственная жрица
Бросает из-под нежных век.
Живым огнём во мне искрится
Волшебный, светлый, зимний снег.

10 января 2003 г.

**Задумки судеб-Норн -(pognir, мн.ч. от pogn, «судьба»). В скандинавской мифологии – богини судьбы.

В ЗИМНЕМ ПАРКЕ

Зимняя пора,
Горы серебра.
Розами зари
Светят снегири.

Плод зимы с куста
С хрустом и в уста.
Пробую снежок –
Свежий творожок.

Я теперь сама
Чутьочку зима,
Вьюга и метель,
Праздничная ель,

Ёлка в огоньках,
Танец на коньках,
Ровная лыжня.
Следа? Жизни? Дня?

Белый зимний парк,
Счастье юных пар.
В амфорах рябин
Огненный рубин.

10 января 2007 г.

ЗИМНИЙ ЭТЮД

Восхитительны кроны деревьев,
Уводящие в синее небо.
В зимний день их пушистые ветви
Как платок, что дарил мне любимый.
Восхитительны солнце и иней
И хрустящий снежок под ногами.
Словно отрок с льняной головою
Вновь январь озаряет мне сердце.

20 ноября 2005 г.

* * *

Я утру зимнему спросонок
Шепчу: «Печаль мою развей!»
Зима как белый оленёнок
С рогами инистых ветвей!

Являют свет живого солнца
Ветвей роскошные рога.
Метель ликует и смеётся,
Сверкают радостью снега.

Снежком и снежною горою
Сольюсь со снегом наяву.
Ведь даже зимнею порою
Живою жизнью я живу!

2 января 2003 г.

* * *

Чистота только в снеге, а лето обманно.
Я стремлюсь к чистоте, я бегу к ней сама.
Если сыплет с небес то ли снег, то ли манна –
Снизойшла чистота, наступила зима.

О художник зимы, ты хранишь столько истин!
Но учить им меня погоди, погоди!..
Ведь не спиртом промою я беличьи кисти –
Чистым снегом, что боль растворяет в груди.

Я люблю чистоту – для чего, для чего же
Ты сказал: «Не запачкайся, не раскрошись»?
Там, где лето, где страсть,
там любви быть не может?
Ты считаешь, что чистому в лете не жизнь?

А куда ж ты росу синеватую денешь,
А кристальность озёр, а прозрачность ручья?
Белизну лебедей и невинность растений?
Это всё – Летеница, всё – Лето, всё – Я.

Это счастье моё – в непорочную зиму
Страсти лета бросать, зажигать и любить.
Это счастье моё – и его не отнимут,
Как нельзя предначертанность
сбросить с судьбы.

11 августа 1999 г.

НА ТАНЕЦ СНЕГА

Динаре Мардановой

Кружатся хлопья, как белые птицы,
Это Динара пускается в пляс.
В пластике юной подруги-сестрицы
Столько восторга и жизни для нас!

Всё покрывают снега обеленья.
Танец выводит нас к свету из тьмы.
И невозможно сдержать восхищенья
Магией белой Снегурки-Зимы.

Снова душа моя с небом едина.
Снова мгновенью кричу:
«Задержись!»
Снова танцует волшебница Дина,
Миф претворяет в реальную жизнь!

9 января 2007 г.

РОЗА СОЛНЦА

Японской карликовой розы
Живящий солнечный топаз
Меня в февральские морозы
Одел теплом, согрел и спас!

О золотая Роза Солнца!
Вдохни в нас жизнь, вдохни в нас свет!
Пусть в каждый дом твой луч пробьётся
В звенящий, лютневый рассвет!

18 февраля 2006 г.

ПРОЩАНИЕ С ЗИМОЙ

Зима, страдание моё,
Прощай, я всё тебе прощаю.
У Масленицы – у неё –
Поем блинов и выпью чаю.

Она нарядится в Весну
И мы прокатимся на тройке.
Зима, теперь я не усну.
Меня разбудит стебель стойкий.

Расправлю лёгкие крыла.
Свирелью Леля зазвучало
Начало жизни и тепла,
Любви бескрайнее начало!

8 марта 1994 г., Уральск

Фото Анатолия Баскакова

Евгения ИЗВАРИНА, поэт.

Родилась в Озёрске Челябинской области.

Живёт в Екатеринбурге.

Работает редактором отдела газеты Уральского отделения РАН «Наука Урала».

Автор восьми книг стихов, публикаций в российских и зарубежных журналах, антологиях и коллективных сборниках.

Лауреат литературной премии имени П.П. Бажова. Член Союза писателей России.

МОРОЗНЫМ УТРОМ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Сновидец: припадая к веку,
луны елей
себе выкраивает реку
из двух полей –
пора.

И карта жизни лучшей
проста, как прост
колодец - человек, уснувший
противу звёзд...

1.11.19

* * *

На волне или под крылом –
нам и нужно ли что иное?
Волей,
временем ли,
ярмом –
уплотняется рассыпное
серебро – в самородный кнут,
вьётся молния пылевая,
взор и воздух друг друга пьют,
отражая –
и забывая...

2.11.19

* * *

Свеча – о шагах на свету и в тени,
весло – о воде и о суше...
От вечера к вечеру – перечеркни
невечное – так ему лучше,
но что здесь – невечное? Кто-то берёт
свечи догорающий выдох
шепотью – наверх, как со дна – якорёк,
родник – из расщелины в глыбах:
наверх,
на поверку всей ткани – цветной,
сплошной,
испещрённой,
расшитой
капризным узором: где мой, там и твой
штрих – пренебрегая ошибкой...

2.11.19

* * *

Полёт
перелит
в умение-омут,
где лепет болит,
умом еле тронут,

а то и лукав
к нечаянной лепте
бывай в облаках –
пешком кому негде

8.11.19

* * *

это осень – навесом
это по волосам
уходящего лесом
ветер

выбери сам

то корона оленья
или древо дождя
гаснет, прикосновенья
по ветвям отводя

9,13.11.19

* * *

деревя
при началах

и разлуки недуг
как зима – по плечам их

как цыганки идут

осыпаются с юбок
проливаются с век

колокольня
и кубок

переправа
и снег

13.11.19

МОРОЗНЫМ УТРОМ

когда виноград со льда,
вскипающий пенно,
не зелен уже, когда
вино несравненно,
кувшин ему приготовь,
где горлышко – голод,
где солнце, что и любовь –
само себе повод

14.11.19

* * *

В рост огня – сорочья глазница,
это лампы синий накал.

...Поровну: живётся – и снится,
а ещё – стоишь у зеркал
третью треть неявного срока...

Смерть влетает в снег, как сорока - частью:
побоку, одинока –
рана вороных опал.

14.11.19

* * *

От буквы, страха впереди,
от опечатки
в состарившиеся уйди
лесопосадки

и лузгай смерть,
и слёзы трать
на лесопильне...

Никто не хочет умирать –
как в древнем фильме,
где по невольничьим лесам
за хуторами
прикуривали – всякий сам –
и глаз от дедовских кресал
не отрывали...

16.11.19

* * *

Одна мелькнула – или две?..

Как рыбка прячется в траве
придонной, как подробно птица
дрожащая отражена
в ноже волны...

Связь
да святится –
пока рассудку не нужна.

17.11.19

* * *

Иди,
дыхания вторые
застраивают высоту:
пророки – но глухонемые,
врата – но узкие, в скиту
на то и Бог, чтобы – ни слова,
и разбивает монолит
зерно, и пополам полова
из птиц и неба состоит...

18.11.19

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

...слеза без век,
луна без дома,
клок пара, городская дрёма,
язык времён «Фома-Ерёма» –
дремучий воздух, на таком
цыгане пели, пили кони
мороз и музыку
тайком –
как те,
из пушкинской ладони...

20.11.19

* * *

ножик ностальгии
сточен узко
радостью-бедой

звёзды ли, стрекозы
так их густо
низко над водой

к лодкам долетающей из парка
музыки за так
нерв

солярка времени
столярка
ангельский верстак

23.11.19

* * *

Пересмешникам в клетях,
перехлёстам вина
не поверят,
не встретят –
так звезда холодна,

так распахнута, руки
не решаясь согреть,
человеческой муки
арфа, ловчая сеть...

30.11.19

* * *

...было где завокзалье,
белую - гибели
искру в одно касанье
голуби выбрали:

года ли обруч, дня ли
взят, чтобы поняли, –
белыми голубями,
словно ладонями...

2, 4.12.19

* * *

«...ведь это её дела...» (Б. Окуджава)

Жизнь – о своём,
не нам,
глядя по сторонам,
ладить к её делам
шелест воды – нагой
за ледяной шугой,
с облаком под собой...
Жизнь – о другом.
Отбой.

5-6, 10.12.19

* * *

Где, с кем ещё – зима такая же?
ладонью хлопья не гони:
и город,
и река,
и дальше –
огни,
огни,

а свет – то ли затерян между,
то ли тоской заморожен,
увидев за душой надежду –
как бабочку за витражом...

6.12.19

* * *

...где те звёзды?
Что в них?

На конце кривой
улицы – шиповник
дикий,
полевой –
только смех из окон
держит на уме,

выжив ненароком
ради звёзд во тьме...

7.12.19

* * *

Кружили птицы, провозжали
челнок, несомый по волнам,
где в прах рассыпались скрижали,
пока нашёптывали нам,
что в поздней дрёме,
в звёздной яме
не важно, пляшем ли, стоим,
как дикари пред алтарями,
перед младенчеством своим;
что детский почерк – миф о Змее:
когда велит ему луна,
он старше дерева, древнее
под гибким корнем валуна,
который тронешь –
лица,
лица
проступят, обогрят венки
трава, одевшая сновидца,
волна, вернувшая челнок...

8.12.19

СОЧЕЛЬНИК

По царственной цене
здесь вычти – там прибавь,
что надвое – вдвойне,
и нитью в полуявь
тропинки полудрём
протоптаны вдоль слов,
пропитаны огнём
тех спичек, тех костров –
янтарной череды
цветением в тени:
промасленные льды,
предпосланные дни...

20,23.12.19

* * *

...скоропись ливня, наитье травы,
преданность яблони – кроной и корнем,
жизнь – и печаль,
Рождество – и волхвы
(помним подарки их, с ярмарки помним
их возвращенье, ничуть не устав,
вечное – в неисчислимых обновлениях)...

В каплях и пчёлах, лучах, лепестках –
яблоня, облако в иглах медовых...

22.12.19

* * *

хефрен-алеппо-палех-элохим

нить потянулась, вспыхнула сухим
стеклярусом – за голосом ничьим
ни зги, ни звука – еле различим
аэроплан зимы – в параличе

где взрослым дети дарят по свече
и вместе все, прожить без бурь и ран
дав слово, в букваре аэроплан
найдя, бегут на улицу опять
ягнёнка жарить, в яблоко стрелять

25.12.19

* * *

Грустим, подмечая,
а жизнь – где и нас нет,
вечерне-ночная,
вскипает и гаснет,

и прах драгоценный,
и пар многоцветный –
как слепок нецелый,
ни веткой,
ни клеткой
не станет...

Но птицу
слыхали – и встретим
как дождь, как божницу
колеблющий ветер...

29.12.19

* * *

Где робость во Имя Твоё
в коросте, в доспехе
жива – прошивают её
шумы и помехи:
молитва одетых во мглу,
пустых и постылых...
Хранитель идёт по стеклу
в железных бахилах,
и трещин колышется сеть –
где хочет, как смеет...

И знаем: ему не успеть.
И верим: успеет.

29.12.19

Александр ГОРИН родился 3 декабря 1955 года в р.п. Карсун. Учился в Карсунской средней школе. Стихи начал писать в 1976 году, будучи студентом 3-го курса Куйбышевского медицинского института. Печатался в Карсунской районной газете, в студенческой газете «Медик». Был признан лауреатом литературного конкурса «Медицинской газеты» (г. Москва). В семье поэзию чтили. Стихи Александра Горина печатались в журналах «Мономах», «Карамзинский сад», «Симбирскъ». Очень важно, что его стихи напечатаны в двух семейных сборниках: «Муза трех поколений» (2006 г.) и «О прошлом и настоящем» (2008 г.). В этих сборниках под одной обложкой опубликованы стихи и проза отца Валентина Горина и деда Григория Горина и стихи Александра Валентиновича. Александр Горин – врач, после окончания института работал в Карсунской больнице, много лет живет и работает в г. Ульяновске.

ГОТОВНОСТЬ ВЗЛЕТНОГО ПЕРА...

ИЮНЬСКАЯ ГРОЗА

Забыв про всё на свете,
Глядим во все глаза,
Как рвет и мечет ветер
И близится гроза.
И вот уже предельно
Сгустилась неба тьма,
И – с бледностью смертельной –
Притихли все дома.
Огромной силы вспышка
Всё высветила вдруг!
Бежит в подъезд мальчишка.
В его глазах – испуг...
Раздался жуткий грохот,
И дождь – как из ведра –
Под чей-то визг и хохот
Прогнал всех со двора.
И снова – молний стрелы
И грохот ломовой,
И ливень оголтелый
Рекорд превысил свой...
Тревожно нам и страшно
Смотреть во все глаза,
Как в небе бесшабашно
Безумствует гроза.

МОЕЙ ЖЕНЕ

В душе – смятенье и разлад.
Тебя нет с нами. Ты в отъезде.
И каблучки твои в подъезде
Который день уж не стучат.

А я, как прежде, всякий раз
Волнуюсь, слыша эти звуки...
Я не привык ещё к разлуке.
Ну как ты там одна, без нас?

Учись, старайся, постигай
Лабораторные секреты.
А чтобы знать на всё ответы,
К мудрёным книжкам прибегай.

Господь к нам добр, во всякий час
Нас от невзгод оберегая.
Ты не тревожься, дорогая,
Всё будет хорошо у нас.

ОКТАБРЬ

Который день, начав с утра
Галдеть и в воздухе носиться,
Не успокаивались птицы
До самой ночи. Но вчера
Метаться кончив и шуметь,
Все собрались, и стало ясно,
Что этим вечером ненастным
Грачи задумали лететь.
Теснясь на сучьях тополей,
На старых вязах, на антеннах,
В краю, где осень постепенно
Становится все холодней,
Где уж отпраздновал мороз
Канун зимы неотвратимой,
Грачи сидели недвижимы,
Как погруженные в гипноз.
Начало всех живых начал
И вечный вождь существ живущих –
Инстинкта голос всемогущий
В них несмолкаемо звучал.
Он звал в тепло небес чужих
И лишь одно твердил упрямо:
«На юг! На юг!» И крупный самый –
Заметный грач среди остальных, –
Готовность взлетного пера
Проверив клювом беспристрастно,
Уверясь в том, что все согласны
Взлететь, – прислушался... Пора!
И, – будто позвала их высь, –
С волнением предполетным справясь,
Грачи с привычных мест сорвались
И в воздух дружно поднялись.
И закружили над землей,
Крича, но всё не улетаая, –
Кого-то словно поджидая
Пред тем, как в путь пуститься свой.

И новый шум встревожил высь.
Он приближался, нарастая.
И вот две встретившихся стаи
В одну огромную слились.
Теперь уж некого им ждать.
«На юг! На юг!» Прощайте, птицы!
Пусть вам гнездо родное снится,
Где было сладко вырастать.
Милей не встретите земли...
И, в долгий путь их провожая,
Я всё глядел туда, где стая
В вечерней таяла дали.

СОН

Я обмелел. Я высох. Я иссяк.
Я исчерпал себя и впал в унынье,
И путником в безжизненной пустыне
Влачу себя по жизни кое-как.

Но что случилось, что произошло?
Что душу привело к таким руинам?
Что сделал я плохого? В чём причина
Всех бед моих? За что мне это зло?

Быть может, я преступник? Иль подлец?
И двигаясь бесцельно, неумело,
С душою вместе умирало тело...
Я погибал. Был близок мой конец.

И тут разверзлось небо надо мной,
И светлый ангел с высоты спустился.
Ко мне он с речью тихой обратился,
И я услышал голос неземной:

«В гордыне отдалившись от Творца,
Ты возомнил, что всё тебе под силу.
Глупец! Ты рыл душе своей могилу.
Мне жаль тебя, заблудшая овца...».

«Что делать мне? Скажи!!!» Он говорит:
«Молись! Пусть сотрясут тебя рыдания!
И Бог, увидев слёзы покаянья,
Простит тебя и к жизни возродит...».

Дрожа проснулся я. Стояла ночь.
Был страшен сон. Но знал я путь спасенья!
Молитва, покаянье и смиренность –
Вот средства, чтоб душе моей помочь.

И ВИЖУ ДИВНЫЙ МИР...

22 февраля исполняется 135 лет со дня рождения Дмитрия Ивановича Архангельского (1885 – 1980) – одного из главных творцов культуры симбирско-ульяновского края, его первого художника-летописца.

«Дорогой Дмитрий Иванович! Ваше солнечное искусство и Вы сами – олицетворение всего самого прекрасного, что встречается на нашей матушке-Земле! Вы – талантливый самородок Земли Симбирской! Ваш «отец» – Симбирск, «мать» – Волга. Истоки таланта, духовной щедрости, величайшей доброты и теплоты – от народа и природы Земли Русской! Вы – достойнейший сын своих «родителей»! Они не только не забыты, они прошли главной темой Вашего искусства. Самоцветы Вашего таланта – акварели. Они будут вечно служить человеку истоками духовного наслаждения и познания красоты Родины», – писал один из многочисленных учеников Д.И. Архангельского своему учителю.

Уникальный человек, Д.И. Архангельский обладал многогранным дарованием: талантливый педагог, страстный краевед, историк, этнограф, коллекционер. Невозможно перечислить все то, что входило в круг интересов Дмитрия Ивановича, на протяжении многих лет любовно собиралось и хранилось им.

Юбилей – прекрасный повод, чтобы еще раз поклониться светлой памяти этого святого человека,

который был как неиссякаемый родник любви к людям, жизни, искусству и рассказать об одном, может быть, менее известном его почитателям таланте – таланте семьянина, любящего, заботливого мужа и отца.

Одна известная поговорка гласит: «Дерево держится корнями, а человек – семьей». В семье реализуются мечты и желания, жизненные потребности и повседневные нужды человека. Именно семья позволяет человеку выжить, какими бы сложными ни были семейные испытания, позволяет творить, испытывать радость, видя свое продолжение в детях и внуках, быть счастливым. Дмитрию Ивановичу повезло. Именно такая семья окружала его на протяжении всей жизни.

В музейном собрании Ленинского мемориала хранится личный фонд Галины Дмитриевны Невзоровой, старшей дочери Д.И. Архангельского. Значительное место в нём занимают воспоминания – около двух тысяч страниц рукописного текста. В них – самые разнообразные сведения о Симбирске, проживании семьи в нём, о каждом из членов семьи. Очень подробно описываются улица, на которой жили Архангельские, дома, расположенные на ней, их архитектура, окраска, торговые лавочки с предупредительными лавочниками и многое другое. Но особенно детально, с большой любовью и ностальгией рассказывает Галина Дмитриевна об

отчем доме, семейном укладе и традициях.

С глубоким уважением и признательностью она пишет о своих родителях, сделавших её детство счастливым.

Бракосочетание учителя Симбирской Воскресенской церковно-приходской школы Архангельского Дмитрия Ивановича с дочерью надворного советника Надеждой Павловной Гумилевской состоялось в Воскресенской церкви 11 января 1908 года.

«Архангельские и Гумилевские были знакомы семьями, когда моей маме было 14 лет, а папе – 7. Как семьи познакомились, когда и где встречались, я не знаю. Только помню мамины слова: «Я ведь, было время, вашего папу нянчила». Да вот тогда никто не мог предположить, что детская дружба в дальнейшем закончится свадьбой. И возникнет новая семья, которая будет на редкость крепкой, прочной и верной до конца жизни.

Свадьба была очень скромной. У мамы даже не было подвенечного платья, она венчалась в единственном выходном платье – темно-бордовом шерстяном с высоким воротом, которое маме очень шло. И как хорошо, что свадьба состоялась, несмотря на протесты родителей и с той и с другой стороны. Они считали, что разница в летах помешает счастью. Но они ошиблись. Счастье было, и самое подлинное. Недаром же на всех фотографиях, где уже и мы с сестрой появились, мама среди нас всегда с улыбкой, похорошевшая, счастливая».

27 февраля у Архангельских родилась дочь Галя, а 25 июля 1910 г. – Нонна.

Дмитрию Ивановичу и Надежде Павловне удалось создать и сберечь особый дух дома, далекий от мелких страстей и суеты, наполненный настоящим жизненным смыслом.

Воспоминания Галины Дмитриевны связаны с самыми дорогими впечатлениями детства.

В них она поделилась семейной тайной, о которой ей поведала мать Надежда Павловна: «Моё появление на свет, такое долгожданное и радостное событие для моих родителей, было отмечено торжественно-трогательным ритуалом. Отец мой страстно желал всегда, чтобы его первенец – первый ребенок (независимо, девочка или мальчик) – непременно стал бы художником. И вот, чтобы это неодолимое желание было бы действительно исполнено, Дмитрий Иванович попросил родившегося младенца завернуть в его рубашку, дабы передать дитяти свой божественный дар, свой талант художника, и благословил его при этом на заранее предначертанный путь в жизни – стать художником. С самых младенческих лет незаметно и неустанно он направлял меня на этот путь, прямо не говоря мне об этом. Особенно же помогал и вдохновлял меня пример самого отца, художника, пылко и жарко влюбленного в искусство. Он пристально и неотступно руководил моим художественным воспитанием вплоть до поступления меня в институт».

После окончания Ульяновской 3-й советской школы 2-й ступени и художественного отделения Московского текстильного института Г.Д. Невзорова связала свою творческую судьбу с мультипликационным кино.

Почти 30 лет она проработала художником-декоратором на студии «Союзмультфильм», а при соз-

Нонна (слева) и Галя Архангельские. Симбирск. 1913.
Фото Д.И. Архангельского

Галя и Нонна Архангельские. Симбирск. 1910-е гг.
Фото Д.И. Архангельского

Галия Архангельская. 1914

Надежда Павловна Архангельская с дочерьми: Галей (слева) и Нонной (справа). Симбирск. 1913 – 1914 гг.

Фото Д.И. Архангельского

дании таких мультфильмов, как «Конёк-Горбунок», «Аленький цветочек», «Золотой ключик», «Левша» была ведущим художником.

С раннего детства у Гали сложились удивительные отношения с отцом. Она уважала его, пожалуй, даже боготворила и нежно любила.

С младенчества ребенок рос среди запаха красок на палитре, картин отца, разговоров об искусстве. Творчество незаметно, исподволь входило в мысли, в сознание, в душу. Детство – это бесценный склад сокровищ, как писал С. Параджанов. Сокровищами своего детства и делится Галина Дмитриевна.

Из воспоминаний Галины Дмитриевны Невзоровой

«О моем отце написано много статей в газетах и журналах. Но я не буду касаться того, о чем уже говорили другие, а постараюсь воссоздать образ близкого и дорогого мне человека, каким он живет во мне.

Мысленно заглядываю в прошлое, в далекое детство и вижу: вот наш папа идет на этюды в свободной блузе, которую мама сшила ему сама, или, смотря по сезону, в свободном пальто и широкополой серой фетровой шляпе. Ходил на этюды папа ежедневно. Мы жили на Волге, и поэтому главной темой этюдов была Волга. По пути остановится и ласково говорит с каким-нибудь малышом. С ребятами постарше приветливо поздоровается, скажет: «Здравствуйте, маленькие человечки!» и тоже о чем-нибудь побеседует. Иногда папа брал нас, детей – меня и сестру Нонну, с собой на этюды. Это было как уход от реальной жизни в удивительную сказку.

– У нас было излюбленное место. Надо было пройти по нашей улице всего три дома, повернуть за угол, пройти еще несколько домов под уклон и вот мы на «Горушке». Так папа называл небольшой пригорок на склоне высокой и крутой Симбирской горы. Для нас папа расстилал на горушке одеяло. Мы рассаживались, и одеяло мгновенно превращалось в ковер-самолет. Это было удивительно!

Перед нами необозримый простор Волги, голубые дали, высокое синее небо с бегущими белыми облаками. «Смотрите, дочурки, – говорил папа, – мы летим на ковре-самолете, чувствуете!» И правда, легкий ветерок дует нам в лицо, над нами небо, его так много. Летим, конечно, летим! Как это прекрасно! «Ну вот, а теперь прилетели, – говорит через некоторое время наш папа. – Я буду рисовать, а вы побегайте здесь вокруг бугорка да посмотрите, какие здесь растут маленькие славные цветочки».

И папа тут же, рядом с нами, начинал работать. Работал он всегда быстро, легко. Одновременно разговаривал с нами, что-то придумывал, шутил, рассказывал. Потом доставал из кармана конфеты, о которых мы и не подозревали и есть которые на ковре-самолете было ни с чем не сравнимое удовольствие. И как же нам потом не хотелось возвращаться домой, как жаль было расставаться со сказкой!

Совсем близко от нашей Шатальной улицы по склону горы рос лесопарк, который назывался Колки. Туда мы иногда ездили в детстве на извозчике на прогулку. Это было замечательно. Брли с собой много вкусных вещей, а в парке под открытым небом в ясные летние дни устраивалось нечто вроде загородного уютного кафе. Вокруг больших дере-

вев были построены столы и скамейки. В буфете на прилавке огромные самовары блестели и выпускали пар. Они-то мне особенно запомнились... Все окружающее было настолько для нас, детей, необычным, новым, захватывающе интересным, что прогулки эти запомнились на всю жизнь. Мы гуляли под присмотром старших, сбегали с горы, спускались почти до самой Волги и собирали чудесные, нежные светло-сиреневые фиалки, такие крохотные и с таким изумительно тонким и приятным ароматом.

Когда моей сестре Нонночке исполнилось три года, а мне к тому времени было уже четыре с половиной, наш папа подарил своим дочкам акварельные краски. Каждой – по картоночке, где были приклеены три краски – лепешечки красного, синего и желтого цвета, и сказал: «Вот вам, детки, краски, учитесь ими работать, а краски эти волшебные». Мы обрадовались и очень удивились: «А что могут делать эти краски, если они волшебные?» «А вот сейчас и увидите, – ответил папа. – Вот вам по чистому листу белой бумаги, вот кисточки. А теперь принесите из кухни 2 стакана чистой воды из-под крана да попросите у мамы чистых тряпочек, они нам пригодятся вытирать кисточки». Мы все выполнили и с нетерпением стали ждать, что же будет дальше. «Так, – сказал папа, – а теперь смотрите, что я буду делать, а потом и вы попробуйте».

Папа взял кисть, обмакнул ее в воду, потом взял этой кистью красную краску и покрасил на бумаге небольшой красный квадратик. То же он проделал с синей и желтой краской, каждый раз предварительно промыв кисточку в воде. «Вот видите, доченьки, у нас получился красный, синий и желтый квадратик, а нам нужны еще зеленый, оранжевый и лиловый. Как быть? И вот теперь смотрите дальше, только для этого нужно будет принести еще блюдечко». Мы быстро выполнили это. Папа взял кистью красную краску, а потом синюю и на блюдечке смешал их, добавив воды, а затем покрасил на бумаге, и получился лиловый квадратик. Так же папа проделал с синей и желтой краской – вышел зеленый – вот чудо! И, наконец, красную краску смешал с желтой, получился настоящий оранжевый цвет – ну прямо как апельсин! «Вот теперь видите, ребятки, что и впрямь краски-то волшебные! Попробуйте теперь сами. Конечно, сразу-то, может, и не получится, но впереди еще много волшебства!»

Мы с сестрой рисовали всегда, с раннего детства. Вместе мы рисовали и вместе устраивали выставки своих рисунков. Папа уже неоднократно выставлял

Старшая дочь Архангельских Галя за чтением. Симбирск. Не позднее 1916 г. 11,7x13,7 см. Фото Д.И. Архангельского

Семья Архангельских. Дмитрий Иванович и Надежда Павловна с дочерьми Галей (слева) и Нонной. В центре – девочка из с. Прислониха. 1911–1912 гг.

свои работы, уже были его персональные выставки. На них иногда брали и нас. И вот, по примеру папных выставок, мы устраивали свои.

Папа всячески поддерживал нашу инициативу. Творили мы сами. Свои произведения прикрепляли при помощи булавок к стенам и приглашали взрослых на просмотр выставки. Бывали высказывания, которые сулили не только радость, бывали и огорчения.

Но папа всегда нас поощрял, даже указывая на ошибки, не отнимал у нас надежды на успех, не давал возможности охладеть к рисованию. Помню его неизменный совет: «Поменьше черного, берегите цвет!» Ведь сам он всегда берёт колорит – яркий, светлый, жизнерадостный.

Наша Шатальная улица в городе Симбирске была очень тихая, спокойная, зеленая. Все дома на нашей улице имели своего хозяина, т.е. дома были частновладельческими. И мы тоже были хозяевами своего домика.

Я вижу всю нашу дорогую сердцу, родную «усадебку» – дом, большой и тенистый фруктовый сад, двор, заросший высокой травой с тремя могучими вязами у забора и пышными кустами сирени по углам. А вот и живописные палисаднички, их два, с прекрасными разноцветными цветами. Это все мамыны питомцы, она их заботливо выращивала и холила. И помню, как все вокруг наполнилось прелестью лета: запахами трав, земли, ароматом цветов... Цветы из палисадников иногда срезали. Их ставили в вазы. И тогда наш папа писал с них свои яркие «горячие» натюрморты. Какое счастье было жить рядом с этим всегда неуспокоенным, ищущим, никогда не остывающим человеком. И все его творчество создано богатством его духа. Да и акварельные пейзажи – это прежде всего изображение состояния его чудесной души.

В этот дом наша семья переехала после смерти папиных родителей, которые жили здесь, а мы снимали квартиру в частном доме.

Я хожу по комнатам... На полу в столовой от порога к противоположному порогу к кухонной двери лежит домотканый красочный половичок (дорожка), купленный на базаре. Это очень уютно. Так и хочется пробежать по дорожке. Обои в столовой светлые полосатые – одна полоска охристая, другая – светло-серая. Ведь столовая днем самая темная комната: окно выходит на северную сторону, кроме того, на терраску, вход на которую устроен из сеней. Посередине комнаты большой, очень удобный стол, его можно было еще раздвигать при необходимости. Над столом висит яркая лампа под белым матовым абажуром. В столовой за обеденным столом свободно размещалась вся наша семья. Здесь мы пьем чай, завтракаем, обедаем. Но у этого стола были еще и другие задачи: он объединял нас в долгие, темные, зимние вечера, когда за окном рано темнеет, на улице идет снег, иной раз вьюга завывает, а у нас в столовой так уютно и светло, идет увлекательная работа – подготовка к елке, которая уже не за горами. Мы делаем, клеим и мастерим елочные игрушки. Папа с мамой здесь же, рядом с нами... одобряют, подсказывают и помогают нам. Весь стол буквально завален цветной бумагой и тонкой прозрачной папиросной. Цвета самые яркие, и даже были золотые и серебряные листы. Клей, ножницы, нитки – тоже на столе. Нам елочных игрушек не покупали, мы их делали сами. И какое это упоительное занятие! Мы уже свободно клеили цепочки, флажки, хлопушки, различных форм коробочки (бонбоньерки их называли). Конечно, взрослые нам очень помогали, но хорошо запомнилось стремление сделать что-то именно совершенно самостоятельно.

И как же не хотелось прекращать работу, когда наступала пора идти спать. Но тут уж мама была немолчала.

Каждый день обогащал нас и делал жизнь всё интереснее.

Вот ещё одно из воспоминаний детства. Назову его «волшебный шкаф». У папы была маленькая,

Комната в доме Архангельских

светлая отдельная комната, очень уютная, которая служила ему одновременно мастерской. Для нас, детей, это было священное место. Туда мы заглядывали редко. И не потому, что нам запрещали, просто мы сами не хотели нарушать таинства – здесь творилось искусство. Порог мастерской мы переступали торжественно и молча. Папа встречал нас всегда приветливо, радостно, охотно показывал, рассказывал очень интересно всякие истории, много мы узнавали там, многому научились. Наивысшим наслаждением для нас были те упоительные минуты, когда перед нами раскрывался заветный волшебный шкаф. И чего только там не было! В нем жили такие книги, такие вещи и вещички удивительные! Это было иное царство, иной мир. Теперь я знаю, что это была небольшая библиотека книг по искусству, любовно собираемая папой. Для нас, малышей, интересны были и обложки или даже только корешки, пестрые и красивые, за которыми скрывалась тайна. Но главное, в этом шкафу жил Билибин – великий чародей сказок. Он – то и был нашим кумиром.

Все книги с иллюстрациями Билибина, что в ту пору выходили в свет, были собраны у папы. И по сей день у меня сохранилось отношение к прекрасным изданным красочным иллюстрациям художника Билибина как к идеалам сказочности. В детстве же нарядные, невиданной красоты страницы этих книг особенно привлекали нас. Даже сам цвет очаровывал. Цвета яркие – чистая киноварь и золото, глубокий синий и охра, и всё в узорах, всё так красиво! Много раз брали мы эти книги в руки, как зачарованные рассматривали чудные картинки, бережно

перелистывали страницы и так же бережно возвращали книги папе. А он тоже бережно и любовно ставил их на место.

Кроме того, в папин шкаф просто смотреть было так интересно! Помимо книг там непременно находилось ещё что-то необычное: японский веер или чашка, красочные коробочки из папье-маше, фарфоровые статуэтки или простые яркие деревянные игрушки, купленные на базаре, да и многое, многое другое. Память об этом шкафе чудес сохранилась у нас на всю жизнь.

В мастерской стоял ещё небольшой рабочий стол, железная узкая кровать, табуретка и стул. Вдоль стен – множество самодельных из простого картона папок с акварелями, рисунками, стояли холсты, рулоны бумаги, ящики с красками. Тут же на полках и на подоконниках стояли в стаканах кисти, баночки с клеем и для воды, палитры с акварельными красками, этюдники и многое другое. По стенам всюду висели работы папы, написанные и маслом, и акварелью. Они постоянно менялись, выставлялись новые. Всё в этой комнате было непередаваемо интересно, ко всему у нас, детей, было благоговейное отношение.

Справа от мастерской – дверь в комнату, которая называлась в те времена залой, не гостиная, а громко – зала.

Досталась она нам вместе с домом по наследству. Была наша зала не заставлена вещами, мебели было у нас маловато, и все же, что полагалось, было. Диван и два кресла по бокам, обитые темно-красной тканью, стояли у изразцовой печки. Перед диваном стоял маленький круглый столик, легкий, цвета светлого дерева. На нем ничего не лежало, и он ничем не был покрыт. Первая стена свободная, лишь два стула нашли здесь временное пристанище... У стульев гнутые спинки цвета охры, как у столика, и такого же цвета большая деревянная кадка стояла на полу между двух окон с декоративным растением, напоминающим лиственницу. Такие кадки на полу с декоративными растениями были в то время общепринятым украшением всех зал, у кого они были. Только растения были различные. Это было традиционно, в духе времени. В более богатых домах были приняты пальмы, а также вьющиеся растения, обрамляющие бытующие тогда в домах арки. Тогда заводили уже две кадки по обе стороны арки. Из каждой кадки растения вились по стене ввысь и наверху арки соединялись. Это очень красивое, благородное и приятное украшение комнаты. Обои были светлые, желтовато-охристые с мелким рисунком... А над дверью – большой, писанный масляными кра-

Пластов А.А. Галя и Нонна Архангельские

сками натюрморт. Как сейчас его вижу. Впоследствии таких картин-этудов маслом папа больше не писал. Вижу красивые шелковые ткани нежной расцветки – одна цвета слоновой кости, другая – бледно-розовая, так затейливо и изящно уложены, что создают бесчисленные узорчатые складки. И в них игра красок. Два цвета то сгущаются, углубляются, то сливаются и создают новые оттенки. На фоне этих шелковых тканей поставлены два больших граненых флакона с духами – один побольше, другой поменьше. Сама форма флаконов была необычайна, выпукла, оригинальна. Натюрморт написан, как всегда, легко, свободно, «мазисто». Издали все оживало: играл шелк тканей, блестели флаконы и были такие выпуклые, «как живые». Как бы я хотела, чтобы этот живой и нежный натюрморт моего папы висел сейчас у меня в комнате, а я бы любовалась им ежедневно.

Когда нам мама позволяла, мы с сестренкой приходили играть в залу. Там мы играли в путешествия. Из дивана, кресел и стульев получались отличные поезда, пароходы или просто извозчики, смотря по ходу игры. И мы с увлечением таскали узлы, разную поклажу, покупали билеты, спешили, опаздывали, терпели беды, случались и приключения, словом, с увлечением творчески играли.

Наша детская спальня оставила большой след в моей памяти. В ней заключен был кусочек моего детства: радостного, беззаботного, счастливого.

Наши родители были людьми с очень ограниченными материальными возможностями. Среди семей нашего круга мы были даже бедны, но мы, дети, этого не знали. Ведь для нас делалось все, чтобы мы были счастливы. Мы обходились без излишеств, а остальное у нас было все. Наши родители сами умели делать многое, умели и нас увлечь интересными делами, а не только забавами. Думаю, что

у нас было много такого, что было интереснее, чем у иных детей, которые имели изобилие дорогих покупных игрушек.

В нашей спальне проходила часть нашего счастливого детства. С нами рядом всегда была наша мама. Комнатка была теплой, чистой и приветливой, с двумя большими окнами на юг и запад. Стены, потолок и печка были выбелены мелом, все сверкало чистотой. Окна занавешивались гардинами, шитыми мамой из плотной материи цвета слоновой кости. При помощи целой системы колец и белых шнуров гардины на день поднимались вверх и образовывали наверху красивые волнообразные обрамления окна. Это очень украшало комнату, а вечером с занавешенными окнами становилось уютно и словно теплее. Три простых железных кровати стояли у стен. Одна большая, мамина, моя поменьше и совсем маленькая с сеткой – кроватка моей сестренки. Ее кроватка стояла около печки. Покрывались все кровати белыми домашней вязки одеялами. На подушках обязательно были белые батистовые накидки с кружевами и прошивками. На наших с сестрой кроватях еще лежали саше – прямоугольные мешочки, тоже в кружевах и красиво и ярко вышитые нашими тетушками. Назначение этих саше было складывать туда на день ночные кофточки, которые мы каждую ночь обязательно надевали. Наши кровати выглядели очень нарядно. И даже при нашей бедности комнатка выглядела очень уютной... Много в этой комнатке было сделано руками родителей. На стене висела папина картина, небольшая, написанная маслом, – Волга в ясную погоду. Небо и вода голубые, на берегу – три ветлы. Этот мотив папа часто повторял акварелью. Кроме того, на стене висел календарь в изящном паспарту тоже папиной работы. Тут же две-три наших с сестрой аппликации. Из самодельных предметов запомнились еще три коврика на полу у каждой кровати и очень красивое широкое полотенце, вышитое гладью красными нитками. Рисунки – растительный орнамент: переплетение цветов, листьев, веток. В середине была вкомпанована надпись «Чист – здоров». Я очень любила это полотенце и считала его предметом роскоши. Кроме кроватей в комнате находились еще два небольших комода, маленький стол, три стула, две табуретки. Комоды были поставлены один против другого. Один у окна, другой далеко у стены. Были они разные. Один, что у окна, старинный, пузатый, желтый, полированный. Это папин любимец как образец старины. Другой, видно, купленный незадолго до моего рождения, стиля модерн, какие в ту пору были в ходу, довольно-таки нелепый, но как мебель сослужил нам в свое время верную службу. В старинном комодке верхние ящики находились в папином ведении. Там были журналы, бумаги и еще что-то, что нас, детей, не касалось. Но зато нижний ящик был целиком отведен детям... Кроме того, в нашем распоряжении находился стол, где игрушки уже жили и действовали. Завершали убранство комнаты стулья, а в углу около двери – две табуретки и полка с предметами для умывания нас, детей. Этот уголок был нашей умывальной комнаткой. Тут стояли голубой эмалированный таз и кувшин тоже голубой, но посветлее. На полке – зубные щетки в стаканчике и зубной порошок. Кроме

того, была у нас в употреблении для мыла замечательная тарелочка. Голубая полоска окаймляла края тарелочки, а в середине было множество незабудок – голубые, разных оттенков, они были прелесть как хороши! Этой тарелочкой я часто любовалась, смотрела и насмотреться не могла...

В соседстве с умывальным уголком находился «новый» комод. В ящиках комода лежало все наше белье и одежда. Прямоугольное зеркало висело над комодом в широкой старинной раме. Запомнились и мелкие вещицы, что лежали и стояли на комодке. Мамина рукодельная деревянная шкатулочка с изображением какой-то пасторали – подарок папиных учениц-гимназисток. Лежали наши расчески в пестрых саше, ленты, подушечка для булавок и иголок...

В нашей простой, но удивительной спальне существовал еще один предмет, который и делал в моих глазах всю нашу комнатку голубой. Это маленький ночничок под голубым абажуром. Абажур имел форму шара и надевался прямо на ламповое стекло. Лампа была керосиновой, трехлинейной. Сам резервуар ночника был фарфоровый, тоже голубой с милыми цветочками. Для меня, ребенка, эти цветы, розовые и белые на голубом фоне, были дивно хороши. Ночничок мама зажигала вечером, когда мы ложились в постель. Иногда он горел всю ночь, но не всегда. По вечерам же горел долго, пока мы окончательно не засыпали. Я пишу так подробно о всяких мелочах, потому что тем самым словно вновь переживаю свое детство... Оно было светлым...

Начиная с раннего детства, папа прививал нам любовь ко всему прекрасному, учил нас внимательно всматриваться в окружающий нас мир, учил умению видеть и любить красоту. И вся наша домашняя обстановка тому способствовала. С нами рядом были картины, этюды, книги по искусству, иллюстрации, старинный фарфор и многое другое прекрасное.

С детства мы находились среди папиных картин, мы были окружены ими, были с ними рядом, постоянно видели всё новые красочные изображения привычных, знакомых и понятных нам уголков города, Волги, домашних предметов, цветов. Иной жизни без этих картин и этюдов мы не могли себе и представить. Особенно привлекала Волга. Мы выросли на Волге, видели её ежедневно, любили её и тосковали в разлуке с ней. В папиных картинах и этюдах жила та самая Волга, которую мы знали и любили.

У нас с сестрой было счастливое, очень счастливое детство – безмятежное, безоблачное, про которое говорят – золотое! Этим мы обязаны нашим родителям.

Моему дорогому отцу, солнечному человеку, солнечному художнику, всю жизнь свою отдавшему людям, – великое спасибо и поклон до земли!

*Подготовила к печати
В.М. Костягина, старший
научный сотрудник отдела
фондов ОГАУК «Ленинский мемориал»*

**ТАЛАНТЛИВЫЙ САМОРОДОК ЗЕМЛИ СИМБИРСКОЙ.
РАБОТЫ ДМИТРИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО**

Д.И. Архангельский. Наш сад. Иней

Д.И. Архангельский. Наш двор

Д.И. Архангельский. Наш двор

Д.И. Архангельский. Симбирск. Улица Шатальная

Д.И. Архангельский. Симбирск. Улица Шатальная

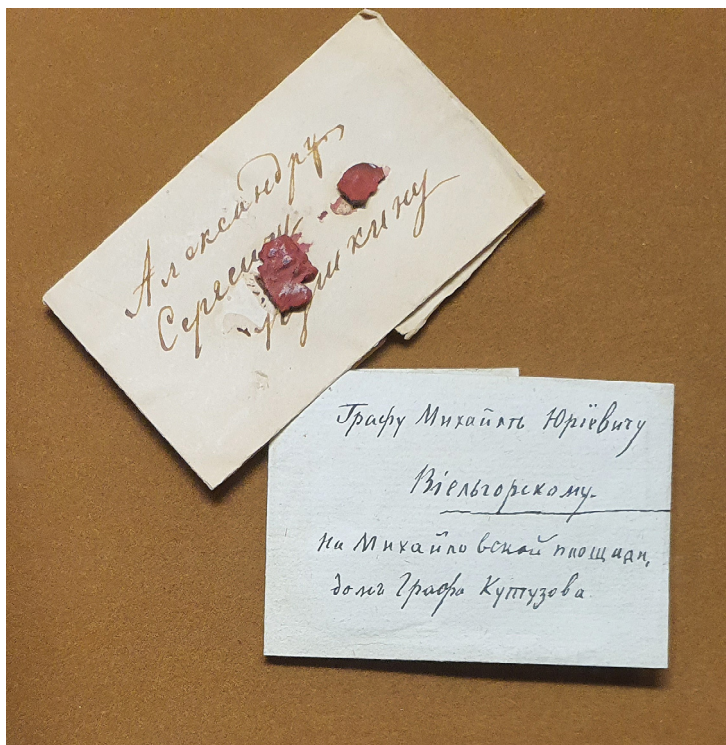
Д.И. Архангельский. Кухня в доме Архангельских

10 февраля (29 января по ст. стилю) в России отмечается День памяти А.С. Пушкина

Дуэль между Александром Сергеевичем Пушкиным и Жоржем де Геккерном состоялась 27 января 1837 года на окраине Санкт-Петербурга, в районе Чёрной речки близ Комendantской дачи. Дуэлянты стрелялись на пистолетах. В результате дуэли Пушкин был смертельно ранен и через два дня умер. Похоронен поэт на Псковщине, неподалеку от своего родового имения — села Михайловского, в Святогорском монастыре.

В последней петербургской квартире А.С. Пушкина на Набережной Мойки, 12 бережно сохранена мемориальная экспозиция. Нескончаем поток людей в музей А.С. Пушкина. Люди идут поклониться пушкинским местам, выразить свою любовь к великому поэту.

Экземпляр анонимного пасквиля с конвертами на имя графа М.Ю. Виельгорского. 4 ноября 1836. Копия

Дуэльные pistols времен Пушкина. Музей А.С. Пушкина на Набережной Мойки, 12. Санкт-Петербург. Подлинный пистолет Пушкина не сохранился, пистолет Дантеса – в частном собрании во Франции

Conditions du duel entre Mr de Pausse
et noble Baron Georges Eckermann

1° Les deux barrières seront placées à 20 pas de distance à 5 pas chacune seront distantes de 10 pas

2° Unes chacun d'un côté ils pourront en sans cependant dans une faire usage de leurs

3° Il n'est comme en sorte il ne sera plus adversaires de changer des deux qui entre les cas usage le feu même distance

4° Le deux parties au de résultat, on recommence la première fois, en à la même distance les mêmes barrières

5° Les témoins seront de haute réputation en

6° Les témoins de ce de plein pouvoir garantis sur l'honneur chacun pour sa partie, la suite inocution des conditions et dessus mentionnées.

La 27e Janvier 1837
1837

Constantin Danzas

Colonel de Génie

Nicolas d'Archeval

attaché à l'ambassade
de France

Условия дуэли
между г. Пушкиным и бароном Жеккерном.

1. Противники станоятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга, за пять шагов назад от двух барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Противники, вооруженные пистолетами, по данному сигналу, удаляясь друг от друга, но ни в коем случае не переступая барьера, могут пустить в дело свое оружие.

3. Кроме того принимается, что после первого выстрела противники не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии.

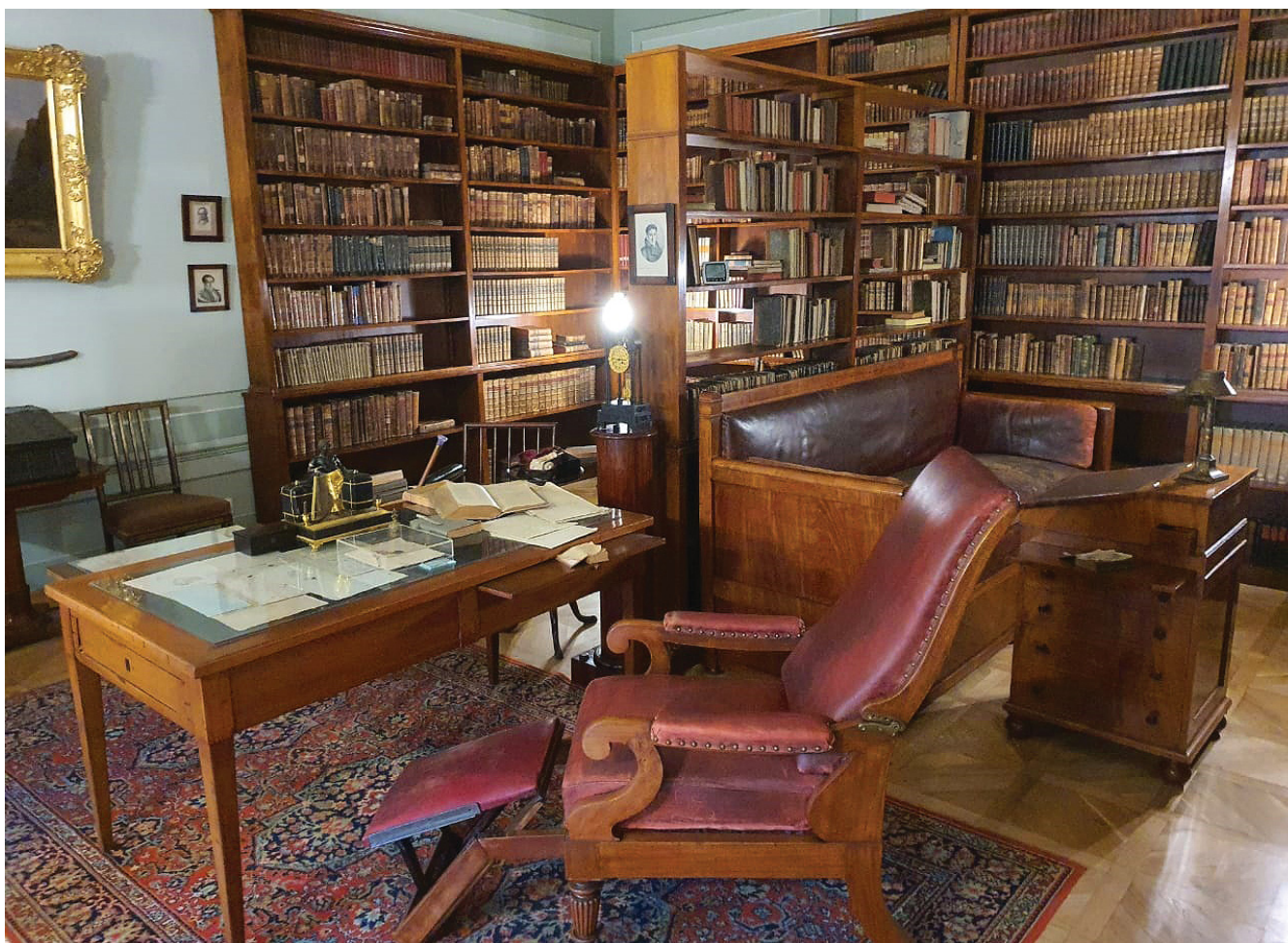
4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то, если не будет результата, поединок возобновляется на прежних условиях: противники станоятся на том же расстоянии в двадцать шагов; сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются неприемлемыми посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Мужеполносавишиеся секунданты этого поединка облечены всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, своего гостя строгое соблюдение изложенных здесь условий.

Константин Данзас,
инженер-подполковник

Виконт d'Аршевал,
агентше французского посольства.

Кабинет А.С.Пушкина. Возле книжных полок диван, на котором скончался поэт

Фото Ильи Таранова. 27.01.2020

ПУШКИН ВСЕГДА С НАМИ

В литературном музее «Дом Языковых» (в доме, где А.С. Пушкин останавливался, будучи проездом в Симбирске в 1833 году) была подготовлена тематическая программа.

Почтить память А.С. Пушкина собрались ульяновцы: литераторы и педагоги, сотрудники музеев и архивов, культурная общественность города.

Состоялось торжественное возложение цветов к памятнику великого русского поэта. Писательница Ольга Шейпак в своём приветственном слове отметила значимость памятной даты для каждого русского человека: «Сегодня особенный день и особенный час. 183 года назад ушёл Александр Пушкин. Но сколько бы лет ни отделяло нас от этой страшной утраты, сердце не успокаивается и не может смириться с невозполнимой потерей. Пушкин всегда с нами. И как бы ни был тяжёлок этот день, он одновременно и радостен, светел, потому что всё, что сказано великим поэтом, живо».

Учащаяся гимназии №65 им. Никаса Сафронова Алиса Нефёдова прочла стихотворение Ивана Умова, посвящённое А.С. Пушкину.

Программа продолжилась в экспозиционных и выставочных залах литературного музея. Действующая при гимназии №65 им. Никаса Сафронова студия «Маскарад» представила театрализованную постановку «Последняя дуэль Пушкина».

Интерес гостей мероприятия привлекли и интерактивные площадки. Так, карта «Путешествие А.С. Пушкина из Петербурга в Оренбург и обратно» в игровой форме знакомила посетителей музея с ходом поездки великого русского поэта на Урал для сбора материалов, посвящённых восстанию под предводительством Е. Пугачёва.

10 ФЕВРАЛЯ –
ДЕНЬ ПАМЯТИ
А.С. ПУШКИНА

ПРИ СВЕТЕ
ПУШКИНСКОГО СЛОВА

*«Возжечь свечу. И в память о поэте
Читать стихи о жизни, о любви...»*

Одно из пушкинских литературных мест нашего края – р.п. Языково Карсунского района.

Здесь проходят традиционные Пушкинские праздники, здесь помнят о дружбе двух поэтов: А.С. Пушкина и Н.М. Языкова. Пушкин когда-то посетил и своим пребыванием освятил эти места.

В эти февральские дни свеча памяти была зажжена в музее «Усадьба Языковых» и в Карсунской межпоселенческой центральной библиотеке им. Н.М. Языкова.

Музей «Усадьба Языковых»

Книжная выставка, посвященная Дню памяти А.С. Пушкина.
Карсунская библиотека им. Н.М. Языкова

Час памяти.
Карсунская библиотека им. Н.М. Языкова

Татьяна ЭЙХМАН, член Союза писателей, член Союза журналистов России, координатор молодёжного конкурса «Друзья по вдохновенью».

Дорогой читатель!

Хочу поделиться с Вами своими эмоциями и мыслями по итогам поездки в Пушкиногорье, в места, где жил, творил и нашёл свой последний приют Александр Сергеевич Пушкин. Спешу напомнить стихотворение А.С. Пушкина, обращённое когда-то к «Домовому»:

*«Люби зелёный скат холмов,
Лука, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров –
Они знакомы вдохновенью...»*

Сколько книг я прочитала о Пушкине, о его жизни в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Болдино, Михайловском, сопоставляя даты пребывания в этих местах с датами написания стихотворений. Точно знаю, что «Домовому» он писал в Михайловском летом. По книгам знала расположение комнат в доме, где жил Пушкин в Михайловском, не раз рассматривала фотографии его кабинета, его черновиков, написанных в Михайловском. Мысленно прокладывала дорогу к деревне вдоль озера Маленец.

Наконец судьба привела меня на Псковскую землю, в места, где начинается Россия географически, в места, где она начинается и как территория духа.

До сего дня домовая выполняет поручение Поэта, он «ходит дозором», он «хранит селенье, лес, и дикой садик... и укромный огород с калиткой ветхою...».

Спасибо учителю русского языка и литературы Ольге Владимировне Яшковой, за то что вдохновила меня (и не только меня) на поездку, способствовала сердечному соприкосновению с поэтической пушкинской святыней в год 220-летия национального гения.

*«Михайловское! – писал С.С. Гейченко.
– Это дом Пушкина, его крепость, его
уголок земли, где все говорит нам о его
жизни, думах, чаяниях, надеждах.
Все, все, все: и цветы, и деревья, и травы,
и камни, и тропинки, и лужайки.
И все они рассказывают сказки и песни
о своем роде-племени... Когда люди
уходят, остаются вещи. Безмолвные
свидетели радостей и горестей своих
бывших хозяев, они продолжают
жить особой, таинственной жизнью.
Нет неодушевленных вещей, есть
неодушевленные люди».*

* * *

Пушкин и смерть – несовместимые понятия. Стихи Пушкина живы. Есть память о нём, и в веках она неугасима. Только для меня вот что непонятно: как объяснять детям, что Пушкина убил другой человек. Как объяснять, что была дуэль, ведь сейчас это совершенно бесчеловечная и непонятная вещь – дуэль...

А если бы Пушкин выстрелил и попал? Это вообще в голове не укладывается. Было ли у Пушкина предчувствие смерти?

Почему он в предыдущие годы писал о смерти, знал ли он заранее, что жизнь будет коротка, оборвётся внезапно?

Может быть, он что-то предвидел, что будет впереди... Он, такой смешливый, легкий, весёлый, артистичный, и вдруг с пистолетами на Чёрной речке...

Когда-то я прочитала у Ариадны Тырковой-Вильямс: «Из всей семьи только один Александр поехал проводить мать до места последнего упокоения. Он похоронил её в Святогорском монастыре, на краю обрыва, откуда открываются любимые им просторы псковских холмов, лесов, озёр...

Похоронив мать, Пушкин сразу, не выезжая из монастыря, купил себе место на кладбище. Теперь, наконец, у него завёлся свой клочок земли».

Как же непредсказуема жизнь человеческая. Оставив четверых детей на руках жены Натальи, ляжет он в эту псковскую землю.

Рано, очень рано ушёл! Не прощённый мною убийца жил после дуэли много лет, как он мог жить? За Пушкина продолжали жить его стихи, они и сейчас живут.

Он столько испытал в своей жизни ярких, красивых и горьких, безутешных мгновений, что может дать нам совет и наставление всякий раз, когда у нас радость или печаль.

Порой он выражает наши чувства так тонко, что удивляешься его пронизательности.

* * *

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.
Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.
Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...*

Всякий раз, когда я читаю стихотворение, написанное под впечатлением встречи Поэта с Каролиной Собаньской, я страшусь мысли, что это он меня спрашивает, мне задал вопросы, и всё моё внутреннее состояние приходит в невероятное возбуждение, и порою слёзы подступают к глазам, и комок сжимает моё горло. Он всё-таки знал больше, чем другие люди! И как же передать ему, что множество людей, помнит его, читает его стихи, благоговей перед его именем?

«Зимним февральским вечером в монастырь из Петербурга был доставлен гроб с телом поэта и установлен до похорон в приделе Божией Матери Одигитрии. Ранним утром 6 февраля 1837 года А.С. Пушкин был похоронен у алтаря Успенского собора. На могиле был установлен деревянный крест с надписью «Пушкин». Памятник на могиле А.С. Пушкина установлен в 1841 году».

Татьяна ЭЙХМАН

ПОЕЗДКА В ПУШКИНОГОРЬЕ

Вместо пролога

* * *

*Стало модно бранить историю,
Но куда мы пойдём без прошлого?
Да, хотим инноваций, не спорю я,
Но уроки помнить положено...*

*Нам заветы оставили прадеды,
Нам тома написали мудрые,
Освятили места заповедные,
Времена пережили трудные.
Слышу шепот, что Русь – уродина,
Что опять ходят тучи над Русью...
Только люди вновь едут в Болдино,
Да в Михайловское, да в Тарусу.
Кто с поклонами на Мамаев курган,
Кто с цветами в сад Адександровский,
Едут в Оптину пустынь и на Валаам,
Прикоснуться, припасть, поплакаться...
Поклониться могилам в Святых Горах,
В Переделкино, и в Тарханах...
И от пращуров, бывших в прежних веках,
Память в генах хранят упрямо...*

*Зовом сердца хотелось бы мне назвать,
Зовом предков, тропюю вечной
И любовью к той, что нам Родина, Мать,
Русь бескрайняя и бесконечная.*

ЛЕТНИЕ ЗАМЕТКИ

Да, ведаю, друзья: земного шара
Не обойти за много-много лет!

Предложен путь мне, от такого дара
Не откажусь:
Узнать, где жил Поэт,
Где он вставал, разбуженный лучами,
Где Сорочь умывала лик волной,
Где лира многозвонная звучала,
Куда примчал Языков молодой,
Где няня говорила сказки ночью...
Необычайность ощутить вокруг!

Судьба шепнула: «Поезжай и точка!»
И я оставила семейный круг,
Чтобы потом вернуться с восклицаньем:
«Там в воздухе – Поэзия сама!»
И вспоминать лесную тишь, молчанье
Глубоких мягких мхов, в тиши дома,
Стояние старинных деревянных
Церквушек, валунов давно седых,
В стремительном полёте клочкотанье
Двух аистов. И как забыть мне их?!

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР В ПУШКИНОГОРЬЕ

Мне казалось, что знаю по книгам,
Иллюстрациям, и по фото
Дом Поэта с крыльцом открытым
И кусты сирени под окнами,

Склон холма, околицу старую
За забором, от старости сторбленном...
(Кто читал начало к «Руслану...»:
«Лукоморье» и «...Кот на дубе том...»)

Мы в Михайловское через Бугрово
Через лес тропюю вечернею
Потянулись гуськом, всё в гору...
Вот и церковь – средь леса – древняя,

От неё меж елей разлапистых,
По корням, камням щербатым
К озерцу тропинка меж папортников.
Грот чернеющий. Мостик горбатый ...

Вечер плотно укрыл крепдешинами
Баньку, дом литераторов старых,
Видим ленту, людей с машинами,
И дымы! «Стоять! Не пожары ли?» –

«Здесь снимают кино! Закрыт вам путь!»
– был ответ на вопросы тревожные.
Мы решили тогда к Маленцу свернуть,
«Там пройти и к мельнице можно...»

Над озёрной водой зеркальной
Руки в небо воздела мельница...
Память высветила моментально
Этот миг! Ну, а мне не верится...

Неужели иду его вешками?
Вижу лес, что махал ему лапами?
По лицу со слезой с усмешкою
Для «надменных потомков» заповеди:

Отвернуть от проказ и шалостей,
От лукавых советов юности,
Отряхнуться от русской странности,
От ленивой сонливой глупости.

...Здесь, как всюду, дорога неровная,
И деревня чуть дышит. Над Русью
Двести двадцать лет светлым облаком
Пушкин правит. И с ним не боюсь я.

Ах, Россия, шуми дубравами,
И к твоим стволам ныне прислонюсь,
Если с Пушкиным – будем правыми.
Если с Богом мы – будет вечна Русь!

О ПРИЕЗДЕ ЯЗЫКОВА В ТРИГОРСКОЕ

*В 1926 году Алексей Николаевич Вульф по просьбе
Александра Сергеевича Пушкина пригласил в гости в
Тригорское Николая Языкова.*

*Они провели вместе 6 недель. Тригорское, Михай-
ловское...*

*Савкина горка, где однажды мечтал поселиться
Пушкин. Купание в Сороти...*

Со-роть! Со-зерцание! Со-звучание!

* * *

Зачем Языкова сюда он звал?
Чтобы, гуляя в окруженьи Муз,
Взлетать стихом из заточенья уз,
Беседы молодецкий накал
Перековать в сиятельный союз?

Над Соротью туманы словно дым,
И мельница остановила ход...
Смеющимся, веселым, молодым
Мечтал здесь жить, писать и стать седым,
Но он не знал всей жизни наперед...

Дождусь рассвета. Мир преобразив,
Восходит Солнце. На траве роса.
Луга, цветные шали расстелив,
Прохладны. Крестик над часовней крив...
Бегу тропинкой! Сини небеса,

По косогору вверх взойду сейчас,
И руки в восхищенье разведу:
Такой простор, что не хватает глаз,
Извивы Сороти... Блеск озера как страз,
И грот на самом дальнем берегу...

Да, эту землю не любить нельзя!
Светильник вдохновенья не погас!
Седых лесов высок иконостас,
И луч, по зелени лугов скользя
Выводит строки дивные для нас!

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Четыре белые колонны,
И лестница сбегает вниз,
Где жил Поэт наш очень скромно –
Обильно строфы пролились!

Читает мир уже два века
«Онегина», что начал здесь!
Вдруг мысль мелькнула: «Человеку
Наверно, страшно было: лес
Стеной стоял непроходимый,
Там волчьи ягоды и гнус,
Паучьей сетью уловимый
Листок висел черней, чем грусть...
И ниоткуда не дождёшься
Ни друга ты и ни врага,
А на столбах отметки – вёрсты
До града, где твоя судьба
Чужой (царевой!) рукою
Раскроена и решена...»
«И буря мглою небо кроет»
Ах, нянин стук веретена...

Очнусь... Аллея вдохновенья,
О камень Керн споткнулась тут,
Восстав из «мрака заточенья»,
Певец прославил красоту.

И не наслушаться годами:
«Мгновенье чудное!» Вернись!
Взгляни! Трепещет над дубами
Пронзённая стихами жизнь.

СУДЬБА ПОЭТА

Переосмыслить Пушкина судьбу?
Включаю Верди... Годы и пространства...
Осенние дожди... Лесов убранство...
Взгляд упирается в гнилую городьбу...

Хор громче... Устремясь за горизонт,
Уносят тучи тайны и унынья.
Дорога... Хлябь, такая, как и ныне...
Молчащий Пушкин... Мчащийся возок...

Мне ль пушкинскую жизнь пересмотреть?!
Аккорды твёрже... Почернели листья...
Лицей. Отец. Людей повадки лисьи.
Издатели. Наталья. Дети. Смерть.

Жизнь кончилась, и слава началась!
Гроб по весне достали из-под снега...
Портрет её, и прелести, и нега –
Всё в прошлом... Я о чём писать взялась?

Имею ль право, сделав полшага
От печки, думать о путях Вселенной?
Что ж? Все не вечны в этом мире бренном...
Он – Гений! Я – пылинка с обшлага...

Смотрю опять на пушкинский портрет...
В наш век рекламы перхотно-шампунный
Служенье музам стало модой шумной,
Но сердце не согласно с этим, нет!

О! Пушкин! Нет нужды в моём суде.
Своё я проклиная многословье.
Смолк Верди... Плачу... С искренней любовью
Молюсь высокой пушкинской звезде!

ДОРОГИ МИХАЙЛОВСКОГО

«Пушкина хоронили ранним утром 6 февраля, когда ещё не рассвело, «часу в 7-м утра». Зима стояла суровая, «земля вся промёрзла, – ломом пробивали лёд, чтобы дать место ящичку с гробом, который потом и закидали снегом», – вспоминает дочь Осиповой Мария Ивановна, в 1837 году ей было 16 лет.

Весной 1837 года Осипова исполнила душевный долг, завещанный ей от Бога, она благоустроила могилу, выложила камнем ложе для гроба...

Зимой здесь шли звериною тропой,
Потом по льду, что озеро одело,
А летом по дорожке полевой
Среди лугов прибрежных... То и дело,

Как и тогда, кузнечики стучат
В свои невидимые барабаны,
И белопенна таволги парча,
И тишина заманчиво обманна...

В глуши еловой, в зарослях и мхах
Укрыта Псковская его обитель,
И травы клонятся на тех холмах,
Где он теперь иного мира житель...

Писал когда-то здесь свои стихи...
И вот по кругу вечером читаем,
И наши комментарии сухи,
И автор до сих пор недосыгаем...

Когда уедем, увезем с собой
Воды молчанье, выклики кукушки,
Над елями свет неба голубой
И память о Михайловском, где Пушкин...

Александр КЕРДАН – лауреат Большой литературной премии России, международных премий «Золотое перо», «Честь и Отечество», «Полярная звезда», национальных премий имени А.С. Грина, П.П. Бажова и других престижных наград Альберт Лиханов пишет: «Главная тема исторической прозы Александра Кердана – подведение итогов отдельной человеческой жизни в контексте исторического времени».

Живет в Екатеринбурге.

Вот каким писатель увидел А.С. Пушкина в январе 1837 года.

Пролог к книге

«БЕРЕГ ОТДАЛЁННЫЙ»

Камин к утру вовсе остыл. В кабинете воцарились холод, полумрак.

Александр Сергеевич, поёживаясь, подошёл к окну.

Красногрудым снегирём, невесть откуда залетевшим в столицу, бился в окна дома на Мойке январский рассвет, такой неистовый и безнадежный, что больно смотреть.

Вот и святки прошли, пролетели, не принеся с собой былой радости, молодого ожидания чуда... Пушкин крепко потёр ладонь о ладонь, повернулся к окну спиной, окинул взором кабинет.

Книги. Письменный стол – груда рукописей.

Задержал взгляд на оплывшем огарке свечи в потемневшем шандале...

Верный Никита не решился заменить иссякшую свечу.

Барин с вечеринки у австрийского посланника воротился за полночь. Прошёл прихожую, неся за собой клубы студёного пара, и – не раздеваясь – прямо в кабинет. Пущать к себе никого не велел. Да и кто в этокое время зайдёт-от?..

Сам Никита сунулся было с полученными на медни письмами, но приметив, что хозяин, скинув медвежью шубу на кушетку, стремительно вышагивает от стола к окну и по детской своей привычке покусывает ногти на руке – верный признак дурного настроения, – положил бумаги на бюро и прикрыл дверь. Авось успокоится батюшка, отойдёт ко сну.

А Пушкин не прилёт в эту ночь.

У Фикельмонов был весел, шутил с Вяземским. С Барантом спорил о записках Талейрана.

Отпустил комплимент очаровательной Долли.

Прекрасная хозяйка, добрые друзья, любопытный разговор – словом, вечер удался. Вечер, по мнению Тургенева, хоть бы в Париже!

Почему же всё не проходит тяжесть в груди и словно бесы мечутся в голове горькие думы? Может, виноват рассвет-снегирь, роняющий окровавленные перья на вытоптаный снег под окном? Или это не рассвет, а сам он чужеродной птицей бьётся в разноцветных силках условностей, долгов, семейных неурядиц? Бьётся, задыхаясь, не в силах разорвать пути.

Снова, как тогда, в двадцать шестом, появилось желание бежать в глухомань.

Давно усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальнюю трудов и чистых нег...

Туда, где ни дворцовых милостей, ни просвещённых уваровых, ни внимательных бенкендорфов, ни тупой критики, ни многолюдства! На свете счастья нет, а есть покой и воля.

Да, уединение, чистый лист и перо – всё, что нужно ему, теперь особенно, когда так захватила история Петра, когда наконец получено высочайшее соизволение о допуске в архивы...

Но где эта тишина? Куда бежать? Если даже отеческое Михайловское может пойти с молотка. Если вокруг каменные громады, такие же стылые, как улыбки людей, населяющих их...

Пушкин подошёл к бюро. Из зеркала глянуло на него бледное, незнакомое лицо с заострившимися чертами. Сжатые губы, угрожающий взгляд.

«Нет, просто я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости! К чёрту хандру! Надо работать. Труд – первооснова всего, исцелит язвы души, успокоит сердце», – он протянул руку к письмам, оставленным Никитой, и широко шагнул к столу.

Народившийся день растолкал сумерки по углам кабинета – можно обойтись без свечи.

Первые два пакета Пушкин осмотрел быстро, не вскрывая. Один – от зятя и лицейского товарища Павлищева из Варшавы (наверное, опять по разделу наследства), другой – от книгопродавца и кредитора Беллизара. Заниматься денежными дрызгами не хотелось.

Взяв в руки третий пакет, Александр Сергеевич невольно насторожился – почерк незнакомый. В памяти ещё так свежи раны, нанесённые подмётными письмами, что захотелось этот серый пакет бросить в камин.

Но внутри себя носим мы свой ад. Игра с опасностью – суть поэта. И в эти мгновенья борьбы трезвого расчёта и поэзии поэт, как всегда, одержал верх.

«Милостивый Государь Александр Сергеевич», – зачем-то вслух прочитал первые строки, написанные старательным почерком, – и вздохнул с облегчением: мерзости с таких обращений не начинаются. Но от кого это послание, что в нём?

«Один из здешних литераторов, будучи у меня на квартире, прочитал писанное мною для себя введение в историческое обозрение российских вла-

дений в Америке, и я, не знаю почему, одоблив его, советовал напечатать в Вашем журнале, принимая на себя труд передать мою рукопись», – писал неизвестный корреспондент.

«Не привыкши к посредничеству, я решил представить Вам, Милостивый Государь, эту записку и, если Вы удостоите её прочесть и найдёте достойною поместить в Вашем журнале, тогда предоставляю её в Ваше полное распоряжение с покорнейшею просьбою поправить неисправимый слог человека, не готовившегося стать писателем и почти полудикаря...» – искренность писавшего подкупала.

Пушкин торопливо прочёл последние фразы: «Извините меня, Милостивый Государь, что осмелился беспокоить Вас вызовом моим с предоставлением ничтожного марания.

Моё дело было и есть удивляться Вашим образцовым произведениям, с которыми ознакомился, проживая в Новом Свете, и которые обязали меня быть к Вам всегда с полным уважением и преданностью, Милостивый Государь, покорнейшим слугой, Января 7 дня 1837 года. Кирилл Хлебников».

Фамилия ничего не говорила. Но странно: незамысловатые строки письма разбудили память, взволновали воображение, увлекли за собой в очарованную даль, к берегу отдаленному.

Америка! Сколько с этим названием связано в его жизни!

...Лицей. Сердечный друг Федя Матюшкин, с которым вместе не раз бродили по тенистым царскосельским аллеям. Однажды забрались в неказистый шлюпочный сарай на берегу озера. Знали по рассказам товарищей, что здесь хранятся не только старые лодки, на которых катаются с кавалерами фрейлины императорского двора, но и искусно выполненная модель военного корабля «Лейпциг», пирога островитян, привезённая из кругосветного вояжа Крузенштерном.

В сарае пахло смолой, прелым деревом и морем. В щели совал нос юркий сквознячок, а мальчикам казалось, что игрушечные паруса «Лейпцига» вот-вот наполнятся настоящим ветром, и он, пробив деревянную перегородку, соскользнёт на воду. Понесёт их навстречу неведомым странам и приключениям.

Здесь-то Фёдор и открыл другу свою мечту стать моряком.

– А осилишь? – спросил тогда Пушкин.

– Осилю!

– И вокруг света проплывёшь?

– Проплыву!

Если мечтать по-настоящему – мечты сбываются!.. По ходатайству директора лицея Энгельгарта знаменитый мореплаватель Василий Михайлович Головнин включил Матюшкина в состав экипажа своего шлюпа «Камчатка», уходящего в дальнее путешествие.

Сейчас Фёдор – на Чёрном море. Командует фрегатом.

Господи, как летят годы... Пушкин откинулся в кресле, прикрыл глаза рукою, так, словно хотел заглянуть за горизонт, туда, где будущее норовит слиться с прошлым.

Ах, молодость, младость! Какими надеждами наполняла ты паруса души, какие высокие стремле-

нья пробуждала. Вспомнить только, о чём говорили, спорили на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, организованного великодушным Фёдором Глинкой. Собирались и в библиотеке гвардейского штаба и в гостиной у одного из директоров Российско-Американской компании Прокофьева, в доме у Синего моста. Какой свод блистательных имён был здесь: Грибоедов, Рылеев, Дельвиг, братья Бестужевы, Кюхельбекер... Где они теперь?

Иных уж нет, а те – далече. Тень вновь набежала на лицо. Судьба представилась вдруг огромной обезьяной, которой дана полная воля, а она не ведаёт, что творит. Дёргает людей за верёвочки, будто кукол в шутовском балагане. Кто посадит это чудище на цепь? Нужно ли это? Люди живут лишь делая, что предназначено им.

Так, Грибоедов. Когда расставались в Петербурге перед отъездом в Персию, он был печален и имел странные предчувствия. Свидимся ли?

Свиделись... Была ещё одна встреча, последняя, на дороге в Арзрум.

Обезображенный труп Грибоедова, бывший три дня игралищем тегеранской черни, можно было узнать только по руке, некогда простреленной пулей.

Говорят, самая смерть русского посла, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела ничего ужасного, томительного. Она была мгновенна и прекрасна. Как жизнь поэта...

Может, оттого Пушкину всё не верится, что нет больше в живых этого человека, добродушие, озлобленный ум, самые слабости и пороки которого как неизбежные спутники человечества были необыкновенно привлекательны! Или же оттого кажется немислимой смерть Грибоедова, что осталась его комедия «Горе от ума»? Осталась и будет жить, как живёт всё истинно талантливое, побеждая хулу, непонимание и само время.

Пушкин вдруг неожиданно широко улыбнулся, повинувшись свойственной ему смене настроений. И впрямь: трагическое и смешное – рядом! Пришла на ум характеристика, данная Грибоедовым общему их знакомцу – графу Толстому, прозванному Американцем:

Ночной разбойник, дуэлист,

В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,

И крепко на руку не чист:

Да умный человек не может быть не плутом.

Когда ж о честности великой говорит,

Каким-то демоном внушаем,

Глаза в крови, лицо горит...

Что-что, а держать речь Фёдор Иванович – мастак! Говорит крупно, отчётливо, зернисто.

Даже когда трунит или морочит дурака. Это свойство и привлекло когда-то к нему Пушкина.

Их познакомил много лет назад князь Вяземский.

До отъезда поэта в Кишинев они с Американцем оставались добрыми приятелями. Потом эта глупая сплетня Толстого в письме Шаховскому. Ссора на расстоянии. Эпиграммы. А по возвращении в Москву желание очиститься окончательно – стреляться!

Слава Богу, дело уладилось. Соболевский, Чаа-

даев помирили их. Не потому, конечно, что Пушкин испугался. Он верил в свой рок, в Провидение.

Ещё в годы службы в ведомстве графа Нессельроде, баронесса Киргоф на знаменитой колоде «Тарот» нагадала юному Пушкину, что ему уготована очень долгая жизнь, если в тридцать семь лет он не будет убит на дуэли белым человеком, приехавшим на белой лошади... В канун ссоры с Толстым Александр Сергеевичу не было и тридцати. К тому же граф отнюдь не белокур, а чёрен, кучеряв, как цыган, и самое занятное – терпеть не может белых лошадей! Значит, не в его руку вложит Судьба смертоносный ствол... Хотя Толстой – прекрасный стрелок и далеко не робкого десятка. Подозревать его в трусости – нелепость! Весь свет знает чёрный список противников, уложенных Американцем наповал на многочисленных дуэлях.

Нет, не страх примирил их тогда.

Летом двадцать шестого слишком велики были потери в кругу общих друзей и знакомых: казни, ссылки, каторга.

Глупо пополнять этот список бессмысленной жертвой!

Отношения восстановились быстро. После примирения Пушкин любил послушать побывальщины графа. А тот, словно искупая нанесённые поэту обиды, тешил его своими необыкновенными историями, софизмами и парадоксами, излучая какой-то магнетизм.

Александр Сергеевич и сейчас помнит, как, играя двусторонним индейским кинжалом, Американец рассказывал ему о хвойных дебрях Аляски, о сверкающей вечным голубым льдом вершине вулкана Эчком, горячо уверяя, что лично взбирался на сию неприступную высоту. Тут же клялся образом святого Спиридона – покровителя рода Толстых, что во время странствий по Америке индейцы избрали его своим царем и никак не хотели отпускать от себя.

Пушкин, безусловно, был осведомлён о той неблагоприятной роли, которую сыграл граф Фёдор Иванович в первой кругосветной экспедиции россиян, доходили до него слухи, что Американец-де вообще в Америке не был...

И всё-таки Толстому хотелось верить. В буйных выходках графа, в полуправдоподобных его рассказах слышалась Пушкину какая-то родственная нота: удивившему развратом четыре части света человеку мерзко в удушливой пустоте и немоте русской

жизни, он протестует, рвётся на волю, по-своему откровенно и страстно.

Вероятно, и это обстоятельство тоже послужило их окончательному примирению, сделало его таким прочным, что именно графу поручил Александр Сергеевич самое сокровенное – сватать за него Наталью Гончарову.

Сватовство было не совсем удачно, но не по вине Толстого. И хотя напрямую Пушкину отказано не было, тоска сжала тогда его сердце своей когтистой лапой, заставила бежать из Москвы на Кавказ, под пули горцев. Но и опасности долгого пути не остудили мечты о неповторимой Натали.

Если мечтаешь страстно – желание исполнится!

Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец, милая смиренница – она стала его женой, матерью его детей, подарила ему свою юность... А душу? – круг мыслей замкнулся, вернул Пушкина в кабинет в доме Волконской, к тем проблемам, от которых он попытался было удрать нынешним утром, вскрыв незнакомый пакет.

«Чёрт догадал меня бредить о счастье, как будто я для него создан!» – горько усмехнулся он.

Да и что такое счастье? Высшая гармония духа, озарение, ожидание милости Божьей или само течение жизни человеческой, со всем, что её наполняет, от рождения до тризны?

День каждый, каждую годину

Привык я думой провожать,

Грядущей смерти годовщину

Меж них стараясь угадать.

И где мне смерть пошлёт судьбина?..

Ему уже тридцать семь. Роковой, если верить гаданию, год. Белый человек где-то близко. Надо спешить, успеть – впереди ещё столько замыслов, столько работы! И видно, сама фортуна посылает ему в руки рукопись путешественника, видевшего Новый Свет, переплывшего океан, который мечтал исследовать Пётр Великий.

А может быть, от рукописи об Америке протянется какая-нибудь связующая нить на Камчатку, о которой сам недавно задумал написать статью, делая выписки из книги Крашенинникова?

Так уже не раз бывало. Стоит только начать углубляться в какую-то тему, как случай-Бог тут же подбрасывает ему самые необходимые материалы, факты, характеры.

Прав, кто сказал: история принадлежит поэту!

Владимир АРТАМОНОВ, член Союза писателей России, доктор филологических наук, поэт, бард, автор песен и мюзиклов.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Либретто бард-оперы
по мотивам сказки
Г.Х. Андерсена

Действующие лица:

Герда
Кай
Сказочник
Бабушка
Маленькая Разбойница
Разбойники
Снежная Королева
Ворон
Северный Олень

1. Пролог (Оле-Лукойе)

Занавес опущен, на сцене появляется Сказочник.

Сказочник:

Время задуло
детства моего свечу,
мог ли я думать,
что уже не полечу.

Порваны крылья,
полночь на моих часах,
но не открылись
ворота в чудеса.

Оле-Лукойе,
свой волшебный зонт надо мной раскрой,
Оле-Лукойе,
пусть закружит снов разноцветный рой,
Оле-Лукойе,
новые крылья подари мне,
я ведь так давно не летал во сне,
Оле-Лукойе.

Смерть и рождение –
всё наступит в свой черёд,
чьё-то паденье
знаменует чей-то взлёт.

Люди не могут
стрелки вспять поворотить,
нужно быть Богом,
чтоб хоть что-то изменить...

И всё же,
Оле-Лукойе,
свой волшебный зонт надо мной раскрой,
Оле-Лукойе,
пусть закружит снов разноцветный рой,
Оле-Лукойе,
новые крылья подари мне,
я ведь так давно не летал во сне,
Оле-Лукойе.

Сказочник:

Я расскажу вам историю, которую поведал мне Оле-Лукойе, когда я был таким же, как вы, ребята... Тогда я ещё не научился летать во сне и верил в сказки... Вы верите в сказки? Это история о мальчике и девочке. Мальчика звали Кай, а девочку – Герда. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, как брат и сестра... А ещё они очень любили слушать бабушкины песни, знали их все наизусть и пели, когда оставались вдвоём. Особенно одну. О Снежной Королеве. Вот с этой-то песни всё и началось...

Открывается занавес.

2. Сцена 1.

В комнате Бабушка, Герда и Кай. Бабушка поёт, дети слушают.

Бабушка:

Где-то на свете есть
солнцем заброшенный край,
знает лишь северный ветер дорогу туда...
Милая, славная Герда и храбрый мой Кай,
родом оттуда в ваш дом постучится беда.

Снежная Королева –
остерегайтесь её.

У Королевы огромная армия слуг:
пляшущих вихрей и вечно тоскующих вьюг.
Каждую зиму берут они в плен города,
лучших друзей отнимают у нас навсегда.

Снежная Королева –
остерегайтесь её.

Взор Королевы студёной зимы холодней,
от поцелуя сердца обращаются в лёд,
речи её... кто хоть раз перемолвится с ней,
тот навсегда пропадёт, без следа пропадёт..

Снежная Королева –
остерегайтесь её.

Зевает, засыпает; припев поют Герда и Кай.

Герда и Кай:

Снежная Королева –
остерегайтесь её.

Герда (Каю, повторяя первые две строки последнего куплета бабушкиной песни и с опаской поглядывая на дверь):

Взор Королевы студёной зимы холодней,
от поцелуя сердца обращаются в лёд...
Милый мой Кай,
я боюсь, нам не справиться с ней,
если она в наши двери внезапно войдёт!

Кай:

Не бойся, Герда!
Ведь в доме топится печь,
чтоб нас с тобой убережёт
от зимней стужи!
Не бойся, Герда!
Ведь здесь такой обогрев –
от сотни злых королев
оставит лужи!

Герда, не плачь и во всём положишься на меня!
Кто, кроме бабушки, наших пугается слёз?
Эта ледышка в короне боится огня!
Пусть только сунет сюда свой мороженный нос!

Не бойся, Герда!
Ведь в доме топится печь,
чтоб нас с тобой убережёт
от зимней стужи!
Не бойся, Герда!

Ведь здесь такой обогрев –
от сотни злых королев
оставит лужи!

Герда:

Ты прав, наверно:
Ведь в доме топится печь,
чтоб нас с тобой убережёт
от зимней стужи!
Ты прав, наверно...

Кай:

Не бойся, Герда!

Герда и Кай (вместе):

Ведь здесь такой обогрев –
от сотни злых королев
оставит лужи!

*Снежная Королева (со второго куплета песенки
Герды и Кая наблюдает за детьми; услышав припев,
негодующе поёт):*

Очень рискуют
глупые дети,
скоро подует
северный ветер,

скоро завоют
вьюги-подруги
песню тревоги,
песню разлуки.

Облаком снежным над городом
пролечу,
холодом, холодом, холодом
окачу,
речи вам резкие, мерзкие
не прощу,
по-королевски вас, дерзкие,
проучу!

Я ли бездушна?
Я ли жестока?
Просто мне скучно
и одиноко,

просто бессильна
справиться с гневом,
зритель, прости мне –
я – Королева!

Облаком снежным над городом
пролечу,
холодом, холодом, холодом
окачу,
речи вам резкие, мерзкие
не прощу,
по-королевски вас, дерзкие,
проучу!

Разлучу!

*В конце песни Снежная Королева врывается в
комнату, целует Кая и, безвольного, уводит с собой.*

Занавес.

3. Сцена 2.

*Герда в дорожном платье с узелком в руках. Видно,
что она в пути недавно. За девочкой наблюдает
Сказочник, но она его не видит.*

Герда:

В эту зиму я совсем лишилась
сна.

Всё, чего душа страшилась, вдруг случилось –
я одна...

Милый Кай... Его умчали сани
прочь.
Слёзы я лила часами, но слезами
не помочь.

Видно, друга мне иначе не вернуть,
значит, время отправляться в дальний путь.

Чем часы считать в тревоге,
лучше ввериться дороге,

и она когда-нибудь
приведёт куда-нибудь.

Сказочник:

Видно, друга ей иначе не вернуть,
значит, время отправляться в дальний путь.

Чем часы считать в тревоге,
лучше ввериться дороге,

и она когда-нибудь
приведёт куда-нибудь.

*Неожиданно перед Гердой появляется Ворон; Герда
пугается. Сказочник, указывая на Ворона, поёт.*

Сказочник:

Чёрный ворон –
скверная, злобная птица!
Чёрный ворон –
носит беду под крылом!
Чёрный ворон –
если над домом кружится
чёрный ворон –
станет несчастным тот дом!

*Ворон (возмущённо обращаясь к Сказочнику и
Герде):*

Эта гнусная ложь
стольких мне стоила мук.
Герда, ты скоро поймёшь:
чёрный ворон твой друг!

Чёрный ворон –
нет благороднее птицы,
чёрный ворон
вечно враждует со злом!
Чёрный ворон
если на крышу садится,
чёрный ворон
прячет ваш дом под крылом!

Ворон не виноват,
что не хватило крыла,
ворон не виноват,
просто беда вас нашла!

Герда:

Так это ты сидел на нашей крыше, когда эта ужасная женщина, Снежная Королева, поцеловала Кая, посадила его в свои сани и умчалась прочь?

Ворон:

Очень может быть.

Герда:

Тогда... Тогда, может быть, ты знаешь, что случилось с Каем потом и где мне его искать?

Ворон (важничая):

Может быть. Очень может быть.

Герда (обрадованно):

Ворон, милый! Расскажи мне всё, что ты знаешь о нём! Пожалуйста!

Ворон:

Пожалуйста... Думаю, что это был твой Кай. Только теперь он, верно, забыл тебя со своей Принцессой.

Герда:

Как? Разве он живёт у Принцессы?

Ворон:

А вот послушай...

Поёт.

Ворон:

Нет королевства без короля!
Если же при смерти старый король,
прежде чем прах его примет земля,
нужен другой на его роль.

Хорошо, коль Бог послал вам сына –
есть кому наследовать престол...
Только у нашего господина,

доброго, славного господина –
дочка,
прекрасный, но слабый пол!

Нет королевства без короля!
Если же при смерти старый король,
прежде чем прах его примет земля,
нужен другой на его роль.

Тут же стало в нашем королевстве
тесно от заморских женихов –
наша Принцесса ведь так прелестна,
так благо нравна и так прелестна,
что женихи все лишились слов.

Нет королевства без короля!
Если же при смерти старый король,
прежде чем прах его примет земля,
нужен другой на его роль.

Герда:

А причём же здесь Кай?

Ворон:

Слушай дальше, не перебивай!

Поёт.

Ворон:

Но явился юноша отважный
не в карете, не верхом – пешком.
Что он сказал ей – теперь не важно,
что он сказал ей – не так уж важно –
важно – он нашим стал королём!

Герда:

Этот юноша... Это Кай? Ну, конечно же, это Кай! Он такой смелый, решительный! И за словом в карман не лезет. Я хочу его видеть. Ворон! Отведи меня к нему, пожалуйста! Я только посмотрю на него разок, чтобы рассказать бабушке, что с ним всё в порядке, и уйду...

Ворон:

Вообще-то во дворец не пускают в таком наряде, как у тебя... Но как раз сегодня по случаю бракосочетания Принцессы во дворце бал-маскарад! Ты сможешь сказать, что это твой маскарадный костюм... А там...

Герда:

А там Кай узнает меня и всё будет хорошо!

Ворон:

Посмотрим...

К концу их диалога декорации меняются: Герда, Ворон и Сказочник оказываются во дворце;

бал-маскарад; Принц и Принцесса танцуют, Герда безуспешно пытается приблизиться к ним, наконец ей это удаётся; Герда видит, что Принц и правда похож на Кая, но это не Кай; Герда плачет, поёт.

Герда (в сторону Принца):

Он не Кай... И в сердце вновь вползает
ночь...
Можно слёзы лить часами, но слезами
не помочь.

Видно, друга мне иначе не вернуть,
значит, время отправляться в дальний путь.

Чем часы считать в тревоге,
лучше ввериться дороге,

и она когда-нибудь
приведёт куда-нибудь.

Принц, Принцесса, Ворон и Сказочник (сочувственно, снаряжая Герду в дорогу):

Видно, друга ей иначе не вернуть,
значит, время отправляться в дальний путь.

Чем часы считать в тревоге,
лучше ввериться дороге,

и она когда-нибудь
приведёт куда-нибудь.

Герда уходит.

Занавес.

4. Сцена 3.

Лес, разбойники, среди них Маленькая Разбойница, она же – атаманиша, сидят у костра, поют; (начиная со второго куплета) нападают на Герду, которая выходит на их огонёк, и берут её в плен. Сказочник наблюдает за происходящим, переживает, но не в силах помочь.

Разбойники:

Пусть повсюду рыщут
слуги короля,
пули хищно свищут,
и грозит петля,

пусть клянут в народе
наше ремесло –
не сказать, чтоб нам не повезло –
совсем напротив!

Бог терпел
и другим велел,
только нас в виду
не имел.

Наш пострел
всё везде успел,

не зевал, был смел –
вот и съел!

Жизнь одна,
пой, звени, струна,
всю до дна, иль нам
грош цена!

Пусть повсюду рыщут
слуги короля,
пули хищно свищут,
и грозит петля,

пусть клянут в народе
наше ремесло –
не сказать, чтоб нам не повезло –
совсем напротив!

Ночь темна,
щурит глаз луна,
через лес дорога
длинна.

Путь держать –
нас не миновать,
казнить – миловать –
нам решать!

Жизнь одна,
этим и ценна.
Где казна? Иль вам
всем хана!

Пусть повсюду рыщут
слуги короля,
пули хищно свищут,
и грозит петля,

пусть клянут в народе
наше ремесло –
не сказать, чтоб нам не повезло –
совсем напротив!

Маленькая Разбойница запирает Герду в клетку, где стоит на привязи Северный Олень.

Северный Олень и Сказочник:

Пусть ты пока невольница
и заперта дверца –
у Маленькой Разбойницы
добрейшее сердце.

И ты её не бойся,
откройся ей, Герда,
стать может и разбойница
подругою верной.

В беде
помочь она сумеет тебе.

У Маленькой Разбойницы
дурные манеры –
служила мать, покойница,
ей скверным примером.

Кому-то позаботиться
о девочке нужно,
а, значит, и Разбойнице
нужна твоя дружба.

В беде
помочь она сумеет тебе.

Появляется Маленькая Разбойница. Герда, обращающаяся к ней, поёт.

Герда:

Мне очень нужно попасть в дикий северный край.

Может губительной стать остановка в пути.
Ждёт моей помощи мальчик по имени Кай!
Это мой друг, я обязана друга спасти!

Маленькая Разбойница:

Ну, так и быть! Я помогу тебе, Герда!

Отпирает дверь, отвязывает Северного Оленя.

Маленькая Разбойница (Герде):

Вот мой старый пленник Северный Олень. Он родом из Лапландии, где раскидывает свой летний шатёр Снежная Королева, а постоянные её чертоги – у Северного полюса, на острове Шпицберген.

Маленькая Разбойница (Северному Оленю):

Я отпускаю тебя на волю. Можешь бежать в свою Лапландию, но за это ты должен отвезти ко дворцу Снежной Королевы эту девочку и помочь ей найти её названного брата Кая!

Маленькая Разбойница (Герде):

Прощай, Герда! Удачи тебе!

Герда и Маленькая Разбойница расстаются.

Занавес.

5. Сцена 3.

Где-то на пути ко дворцу Снежной Королевы Герда и Северный Олень.

Северный Олень:

До безмолвных ледяных чертогов,
даст Бог силы, я тебя домчу,
эта нелюдимая дорога
только мне да ветру по плечу.

Верь, потомок северных оленей,
в беге буду я неудержим.
Так спешим же к Снежной Королеве,
бежим!

Верь, мои широкие копыта
не дадут нам утонуть в снегах,
от врагов надёжной защитой
станут мои крепкие рога.

Верь, потомок северных оленей,
в схватке буду я неустрашим.
Так спешим же к Снежной Королеве,
бежим!

Север... Не найти суровой края,
вовсе не похож он на мечту,
но, быть может, там ты встретишь Кая,
я же вновь свободу обрету.

Верь, потомок северных оленей,
в беге буду я неудержим.
Так спешим же к Снежной Королеве,
бежим!

Появляется Снежная Королева и пытается помешать Герде и Северному Оленю продолжать путь.

Снежная Королева:

Герда! Пойми:
Кай не такой, как прежде!
Герда! Уймись!
Нет никакой надежды
Кая вернуть –
в край Королевы Снежной
зря ты держишь путь!

Герда:

Нет!
Кай мой твоим не станет!
Нет!
Сердце его оттаёт!
Весь этот бред
сойдёт на нет,
едва мы встретимся с ним!

Нет!
Пусть коченеют ноги!
Нет!
Я не сверну с дороги!
Нет!

Герда и Северный Олень:

Прочь, Королева! Мы спешим!

Северный Олень сражается со Снежной Королевой; уводит её со сцены; появляется Кай. Герда безуспешно пытается обнять Кая, поёт.

Герда:

Кай,
храбрый рыцарь мой,
это я, твоя Герда.
Кай,
нам пора домой,
заждались там, наверно.

Там
Бабушка греет чай,
на столе угощенье.
Там
так будут рады, Кай,
твоему возвращенью.

Видит, что Кай не узнаёт её.

Герда:

Кай, ты помнишь?
Наш дом ты помнишь?
А песню помнишь?
Неужели ты всё забыл?!
И даже песню?!
Нашу песню?!

Поёт песенку, которую они пели в первой сцене.

Герда:

Не бойся, Герда,
ведь в доме топится печь,
чтоб нас с тобой убережёт
от зимней стужи...

Кай! Ну же!

Кай (вспомнив):

Я вспомнил! Герда!

Ведь здесь такой обогрев –
от сотни злых королев
оставит лужи!

Идём же, Герда!
Туда, где топится печь,
чтоб нас с тобой убережёт
от зимней стужи!
Идём же, Герда!

Кай и Герда поют вместе:

Ведь там такой обогрев –
от сотни злых королев
оставит лужи!

Герда:

Там
Бабушка греет чай
на столе угощенье.

Там
так будут рады, Кай,
твоему возвращенью.

Кай и Герда:

Нашему возвращенью!

Уходят; на сцену сначала выходит Сказочник и поёт; затем выходят на поклон актёры и поют припев вместе.

Сказочник:

Вот и всё,
об остальном молчит легенда.
Отогрели сердце Кая слёзы Герды,
Кай спасён,
вот и всё,
вот и всё!

Вот и всё,
друзья пустились в путь обратный,
вот и всё, финал счастливый и понятный,
вот и всё,
вот и всё,
вот и всё!

Пора прощаться,
но не печальтесь,
ведь сани мчатся
навстречу счастью!

Вот и всё,
наш юный благородный зритель!
Наши песни, наши души Вам, берите
это всё!
Вот и всё,
вот и всё!

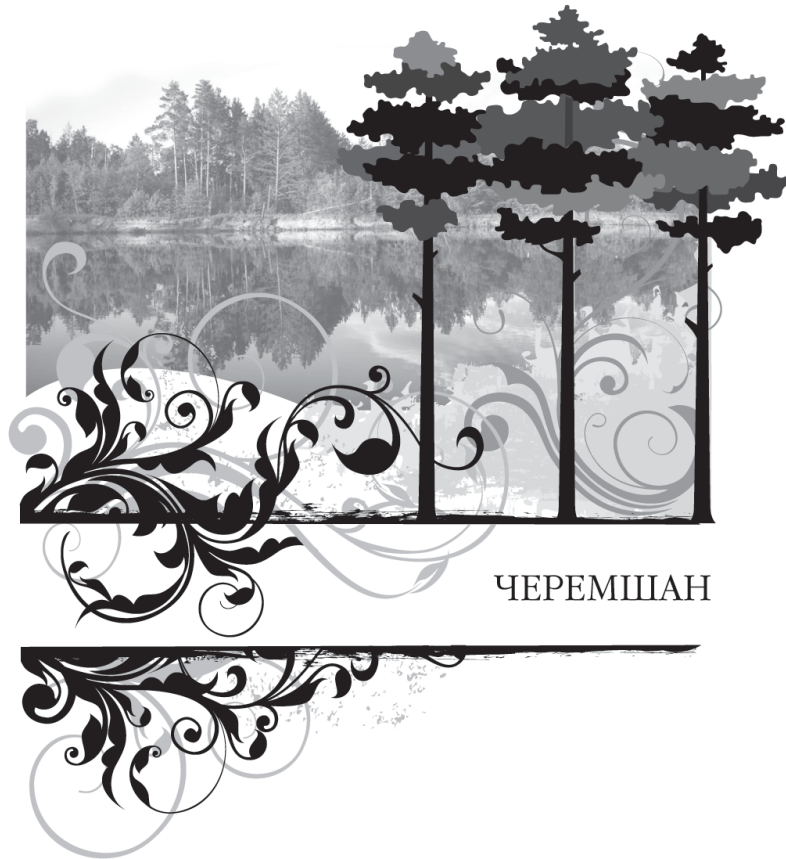
Привыкайте счастье не терять из виду,
ни себя, ни друга не давать в обиду.
Вот и всё,
вот и всё,
вот и всё!

Пора прощаться,
но не печальтесь,
ведь сани мчатся
навстречу счастью!

Конечно, к счастью!

Занавес.

ЧЕРЕМШАН

ЛЕГКОКРЫЛЫЕ СТРОКИ

«В феврале отметила свой юбилей прекрасная Инга Гаак – поэт, прозаик, художник, музыкант, рукодельница, создательница волшебных миров, солнечная и лучистая девушка с гитарой!»

Легкокрылые стихотворные строки Инги, её живописные сказки, рассказы и повести в стиле фэнтези адресованы детям и взрослым, способным расширить границы восприятия окружающего мира, заглянуть в его чудесные потайные уголки и открыть нечто невероятное за его пределами. В них одушевляются самые обычные предметы, обитатели живой природы обретают голоса, а персонажи предстают в невероятных ипотасях и образах.

От имени читателей и коллег, писательской организации «Слово» и ульяновского регионального отделения Союза писателей России, редакции литературного журнала «Симбирскъ» и литературного приложения «Слово» поздравляем Ингу и желаем ей огромного человеческого счастья, прекрасного здоровья, радости, любви, вдохновенного творчества и новых книг!».

Раиса КАШКИРОВА

*Я слышу леса стон...
Тот зов со всех сторон
Меня манит в зеленый сумрак сводов.
Стволов замшелых сонм
Над плачущей водой
Как острова русалочьих затонов
Незримый «Ом-м!» –
и чуть шуришит тростник –
Лягушечья осанна летним грозам.
Мой жадный взор
под сень деревьев проник
И замер в глубине...
Метаморфоза:
Я становлюсь и деревом, и росой
Июньского дождя.
И в купах облепихи
Я – соловей!.. и леса дух босой,
и звон песка,
И мыши шорох тихий.*

*Я – часть Вселенной, я – одна из всех!..
Сознания раздвинуты границы...
Я – маргинал, я – вне мейнстрима тех,
кто Космоса в себе самом боится...*

Инга ГААК

Инга ГААК, поэтесса и прозаик. Родилась 2 февраля 1970 года в г. Мары Туркменской ССР. Училась в Тартуском университете. С 1993 года живёт в Димитровграде. Публиковалась в журналах «Черемшан», «Казанский альманах», «Карамзинский сад», «Симбирскъ» и др. Автор и соавтор книг «Песни Ангела дорог», «На шахматном поле сегодня метель...», «Длягришкины сказки», «Ловцы видений». Член Союза писателей России (2012). В 2013 году была занесена на Доску почёта города Димитровграда.

ФЕДОРИНО СЧАСТЬЕ

Федора, кряхтя, покинула кресло и распахнула филигранные створки окна: так и есть – конфетный дождь прошёл, оставив груды бесполезного драже на потеху сорванцам. Вот сейчас начнётся шумиха! Будто дети никогда ничего в жизни подобного не видели. Она бросила взгляд на часы, кукушка сидела на жёрдочке и деловито ковыряла в носу лапой. Поняв, что её застучали, птица сделала вид, что просто прихорашивается и чистит пёрышки, но Федора не спускала с неё глаз, и кукушке пришлось тронуть застоявшуюся стрелку. Часы застрекотали, залопотали что-то сквозь сон и лениво пошли.

– Во-от! – удовлетворённо подумала Федора, – вот, сейчас начнётся...

Но тишину на улице ничто не нарушало. Странно... Светит солнышко, ветерок играет как и прежде занавеской, яркое драже слепит глаза и дразнит обоняние, а никто не шумит, не хватает пригоршнями разноцветные шарики, не запикивает под латаную рубашку с оторванными пуговицами.

Федора издали не увидела, что там красуется на календаре. Дошаркала до стены, то и дело теряя на ходу шлёпанцы, уткнулась носом в густые переплетения пыльной паутины, календарь утонул в ней, безропотно поглощённый. Солнечные зайцы, нахмурившись, прятались по тёмным углам. Ах, ну да! Она же обещала им вымыть окна и зеркало ещё на прошлой неделе. Подумаешь, обиделись!

Федора вышла на веранду, потянулась, полюбовалась на тающие горки драже и чуть не упала, потому что сзади её легонько подтолкнули. Часы, как обычно, тронувшись с места, не останавливались и теперь напористо пробивались в сад. Федора бесцеремонно отловила беглеца и водрузила на стену. Кукушка, деланно возмущаясь, с кудахтаньем вернулась на насест. Федора, отлавливая на ходу шлёпанцы, прошла в кухню. Некогда сияющий, а ныне совершенно потерявший в наслоениях жира и пыли свой блеск кофейник злобно зафыркал, выпуская облака горьковатого пара.

Федора уселась за стол и, не обращая внимания на экзерсисы кофейника, налила кофе в чайную чашечку из костяного фарфора, других чашек в кухне уже не находилось. Кофе, впрочем, был по-прежнему крепок и ароматен, сдоба – тепла и душиста, но Федоре не давала покоя мысль о сорванцах – маленьких мальчишках и девчонках, которые столько лет досаждали ей своим писком и визгом после дождя, да и во время и вместо него тоже.

Она вышла на парадное крыльцо. Палисадник перед садовой калиткой был свеж и умыт дождем. За разросшейся изгородью показалась макушка шляпы господина Флёрдоранжа, цветы мальвы горделиво покачивались в такт его шагам.

– Вот ведь тоже! – с досадой подумала Федора. – И что он слоняется тут каждый раз, как только я выхожу в палисадник?!

Господин Флёрдоранж появился в просвете изгороди и учтиво поклонился.

– Я извольте себе сказать, что я искренне надеюсь встретить вас в этот прекрасный ден!

«О, боже! Столько лет живёт в этом городе и до сих пор не избавился от своего дурацкого акцента!» – рассердилась Федора.

Господин Флёрдоранж побелел, апельсиновые цветы с плеч его невероятного пиджака обронили лепестки, а листва болезненно скукожилась.

– У меня врождённая неприспособ... неспособность воспринять иностранный языки! Я не могу избавиться нас от мой акцент! – крикнул он вслед испуганно пятившейся Федоре.

Она же, захлопнув дверь, растерянно пробормотала: Онопордум знает, что творится!¹

– Наливное яблочко, золотое блюдечко! – донёсся из комнаты не лишенный приятности дребезжащий голосок.

Ох, и сколько же времени? Пропустить сеанс связи Федора не могла. Не прибрав посуду со стола, она прорысила в спальню, служившую одновременно и кабинетом, плюхнулась перед мерцающим экраном *compuхтера* и погрузилась в ослепительный мир-за-стенами.

Растворились грязноватые затканые паутиной углы комнаты, уплыла в туман кровать-лодка, зелёные волны джунглей расплескались за спиной маленькой женщины с горящими от вожделения глазами, но чудеса белого света всего лишь служили прелюдией.

Промчавшись через обязательный коридор чудесных видений, Федора торопливо набрала заклинание своей странички в тырнете.

«Шляпы от Федоры» приветливо распахнулись перед хозяйкой. Федора так и подпрыгнула на месте: два алых сердечка замигали внизу странички – куплено! Сразу две модели! Вот здорово! Кто же покупатель? В общем-то, ей всё равно, главное, чтобы денежки капали на счёт, но кем могут быть следующие интересные? Рынок надо изучать...

Федора знала несколько манипуляций, позволявших ей отслеживать посетителей и тем более покупателей её виртуальной лавки, вуаля!

И что же? Это как же?! Быть того не может! Её бесподобные шляпы из буроцвета с отвислыми полями купили клоуны для своего дурацкого номера? Ну того самого, про двух глупеньких старушек, то и дело затевающих что-то необычайное и попадающих впросак. Она станет посмешищем!

О, нет! – Шоу показали по тыквоголовнику!

¹ Прозванный «королем чертополохов» татарник колючий (*Onopordum acanthium* L.)

И на страничках тырнета уже появились самые комичные видеонарезки.

Мир сходит с ума!

Федора решительно захлопнула створки раковины-compuхтера и пошла плакать в ванную.

Изрядно проржавевшая ванна на кривых, просевших лапах, кряхтя и поскрипывая, приняла хозяйку в пенные объятия, Федора тоже кряхтела, скрипела костями, плакала горячими слезами до тех пор, пока из трещинок ванны не просыпался песок с рыжим отливом, а посолоневшая вода не разнесла запах моря, рыбы, водорослей. Только криков чаек не хватало, но без них-то как раз вполне можно обойтись...

В комнате что-то звякнуло. Опять часы бузят? Федора натянула линялый халат, закрутила длинные тонкие волосы в пучочек, закрепила старыми обломанными шпильками и распахнула дверь.

Горсть цветных горошков ярко сияла на давно не мытом полу. Окошко резво помахивало занавеской.

Раздался сдавленный смешок. Федора возмущённо выглянула в окно. В палисаднике прыгали воробьи, сегодня эти несносные щёголи были разукрашены в алые перья. Скажите, пожалуйста! Самая что ни на есть никчёмная, сорная птица, а туда же – рядится и бахвалится! А мои чудные, прелестные шляпки сделались посмешищем на весь тырнет! Ощипать бы вас!

А вот и он, только вспомнила – как сигналит! Федора торопливо схватилась за яблочко, катнула по блюдечку, створки раковины распахнулись, и ах, ты! Сколько ж тычков сегодня на её страничке! Чуть ли не полтыщи! Кто бы мог подумать!

Звонок прервал её раздумья:

– Д-да! – спохватилась она и схватила давно покрывшуюся плесенью ножку гриба-говорилки. Из шляпки на неё тотчас уставилось благообразное пухленькое лицо незнакомца.

– Здравствуйте! Я – представитель тыквоголовой компании «Первый канал связи»! Ваши безо... бесподобные шляпы вчера засветились в шоу «Безобидные старушки». Господин Кляйнс и господин Бигс дали ваши координаты после шквала звонков, обрушившихся на наше ТГ! Не могли бы вы дать интервью нашему каналу? Завтра пополудни мы могли бы прислать за вами авто.

– Я не... я бы... как бы...

– Оплата поминутная, – вкрадчиво мурлыкнул визави.

– Я не умею... да я давно никуда не выходила, я занимаюсь творчеством, – мямлила Федора.

– Насчет гардероба не беспокойтесь, вы прекрасно выглядите, не вздумайте ничего делать с вашим обликом... Пара ваших друзей могла бы сопроводить вас!

– У меня нет никаких... – возмущённо начала Федора, но приятный голос продолжал гудеть своё: – Если они столь же экстравагантны, как вы, сударыня, – успех нашего ТГ обеспечен! Гонорары, гонорары – это столько денег! Вы представить себе не можете! Вам придётся забыть о вашем ремесле, одно ваше появление... Такое явление, как вы! Кстати, что это у вас над головой?

Федора улыбнулась, обнажив мелкие, реденькие, но ровные и белые зубки – до её встревожен-

ного сознания стал доходить смысл сказанного. ТГ! Слава! Гонорары! Деньги! Много денег!

За спиной кто-то заливисто расхохотался. Федора обернулась. Никого, только комок пыли скользнул по лоснящемуся от грязи полу.

– Кто здесь? – грозно крикнула она, вооружившись сдёрнутым с ноги шлёпанцем.

– А кто здесь?! – насмешка дохнула её прямо в ухо, окатив тело мелкой дрожью.

– Сорванец, это ты? – догадалась Федора.

– Хм! Догони, догони! – дурашливо проблеял голосок. Это был точно голос мальчишки, но его самого не было видно. Распахнулось окно, грязная занавеска парусом затрепыхалась на ветру.

– Да где ты? – растерянно оглядываясь, пробормотала Федора себе под нос.

– Летаю себе! Слушай, тебе не мешало бы заняться уборкой.

– А тебе не мешало бы перестать прятаться! Безобразие! Нет спасения от этих сорванцов! Мне стоит призвать жандармов, пусть тебя хорошенько встрахнут!

Тоненький хохот вслед за её словами прервал оклик с улицы:

– Мадам Федора, у вас есть жалобы? – через давно не белённую изгородь палисадника угодливо изогнулся и будто пытался протянуться через чахлую поросль до самого окна необычайно высокий и худой жандарм в соломенного цвета форме. Его длинный остренький носик беспокойно дёргался, словно всё время к чему-то принюхивался.

Как же его зовут? Ах, да, вспомнила:

– Месье Былинка, у меня в доме поселился сорванец! Он носится по комнатам и мешает мне работать, а у меня, между прочим, сегодня съёмка! Я должна хорошо отдохнуть! Знаете, быть звездой так хлопотно! Ни минуты покоя – автографы, поклонники, имидж!.. (На самом деле Федора думала: «Ну да, конечно! Звезда! Приглашают меня на свою программу лишь бы вдоволь похихотать да поиздеваться! Выставили мои чудные шляпки на посмешище! Уродцы! Что они знают о творчестве?! Они не разбираются ни в чём, кроме своих рейтингов и гонораров! Но тебе, балбесу, вовсе не обязательно знать всей правды!»)

Федора стояла на крыльце, широко расставив ноги и уперев руки в бока, пресекая все попытки Былинки сунуть свой нос куда не следует.

– Что у вас тут происходит? – откуда ни возьмись, на розовом, увитом свежей зеленью и шёлковыми ленточками драндулете – немного криво-ватом самоходном экипаже без боковых панелей и верха, подкатил бодрый толстячок с сияющими, будто надраенными щеками. Это был напарник Былинки жандарм Пылинка.

«Клоуны! Выглядят как ходячее клише! Но всячески стараются подчеркнуть свою скучную предсказуемость!» – думала Федора, поглядывая прищуренными глазками на незваных пришельцев. Вслух же она произнесла как можно беспечнее:

– Это недоразумение! (Всегда знала, что не стоит связываться со стражами порядка! Толку от них никакого, а вот хлопот не оберёшься!) Я репетировала, а месье Былинка проходил мимо, услышал мою реплику и не так понял!

– Позвольте, мадам...

– Прошу вас, «мадемуазель»!

– Простите, мадемуазель Федора, но вы пять минут назад... м-м-м, сказали, что у вас в доме поселился сорванец! Нам необходимо взять показания. Где именно находится сорванец? Каков пол у данного индивида? Откуда и как он появился в вашем доме? Созданы ли надлежащие условия для содержания сорванца?

– Да что с вами? – искренне удивилась Федора. В данный момент, что бывало крайне редко в последнее время, у неё было что на уме, то и на языке. Она замялась и не очень убедительно добавила: – Я просто пошутила! (если сорванец и вселился в мой дом, то я отыщу и выгоню взащей!)

– Вы то и дело шутите, мада... мадемуазель Федора! Но шутки со стражами порядка плохи! Ой, как плохи! Вы давно у нас на примете! – Краснощёкий толстячок Пылинка только казался добрым и ослабленным увальнем, в этой паре он был настоящим лидером. Былинка – вертлявый и пронырливый – больше создавал суету, нежели трудился.

– Я? Я – честный художник! Я – свободный творец! У меня модная лавка и свой тырнет-магазинчик!

– Своими резкими, нет, просто-таки едкими мыслями вы опустошили всю улицу! У вас нет домашних питомцев! С вашей улицы разбежались почти все соседи! Мало того – единственное уникальное древо жизни, росшее в нашем околотке, почти погибло без песен и смеха людей, без чудес и фантазий.

– Да я-то тут при чём? – искренне возмутилась Федора.

Стражи порядка не ответили, толстячок отёр плечом вконец растерявшуюся Федору и покатился по дорожке к дому, его долговязый напарник сложился в два раза и, сверля взглядом из-под кустистых бровей, погрозил длинным стручкообразным пальцем.

– Э-эй! – опомнилась Федора и опрометью ринулась следом за Пылинкой, который с третьей попытки взял штурмом крыльцо. Но не успела она хоть как-то удержат пышущего служебным пылом жандарма, как тонкая дверца жалобно пискнула и отворилась, не то под воздействием ветерка, не то от собственной вредности!

– Предательница! – только и подумала о ней Федора, в растерянности наблюдающая как стражи порядка ворвались в ее дом, ветхий и грязный домишко с кучами хлама по углам, с давно не мытыми зеркалами и окнами, с сонными отошавшими солнечными зайцами и драной кукушкой в полуразвалившихся часах...

...третий день сидевшая в тесных застенках городской тюрьмы Федора с ужасом думала о дне Страшного суда, о дне, когда её выпустят на свободу!..

Разыгравшееся воображение рисовало ей картину всеобщего осуждения: толпы людей вдоль дорог, сумрачно взирающих на её одинокую фигурку, гордо вышагивающую в своих лохмотьях от зарешёченной стены городской темницы в направлении дома.

А что там происходит с домом? Страшно представить! Эти стражи порядка – они ведь камня на камне не оставят от её привычного уклада!

Федора начала поскуливать от жалости к себе, даже подвывать, но кто-то легонько щёлкнул её по носу.

– Эй, это что ещё за шуточки?! – возмутилась Федора, и тотчас ощутила лёгкое дуновение в лицо.

– Очнись, дурочка! Нет никакой городской темницы! Нет никакого Страшного суда и толпы людей. И лохмотьев! Ты всё только что сама придумала! Ты сидишь в своём садовом сарае и боишься высунуть нос на улицу! А тебя, между прочим, кое-кто разыскивает!

– Да где ты? Почему я тебя не вижу?

– Почему, почему!.. – немного сердито, но и друшливо буркнул голос, – потому что у тебя пропало воображение!

– Вот ещё! Я – художник!.. Я...

– ...творец! – насмешливо продолжил невидимка, копируя Федорину манеру немного растягивать слова. – У тебя модная лавка и свой тырнет-магазинчик... слышали уже! Всё у тебя есть, а воображения нет. Ну скажи, когда ты в последний раз обновляла собственный гардероб? Модная лавка у неё... Вся в саже от камина и паутине трёхкилограммовой!

– Не твоё дело!

– Не моё! – легко согласился сквознячок. – Только мне теперь от тебя не сбежать. Ты сама придумала меня...

– Когда это? Мне и в голову бы не пришло! – разозлилась Федора. – Терпеть не могу сорванцов! Все вы – и мальчишки и девчонки – один вред от вас! Истоптали мои чудные цветики! А какие прекрасные болванки выросли на них! Стоило только поцеловать эти сомкнутые в тугой бутон лепестки, только коснуться их пальчиком или всего лишь скользнуть взглядом – и ах! – они разворачивались прямо на глазах! Фиалковые с дымчатым флёром, розовые с багряными крапинками, голубые, белоснежные, золотисто-лимонные! Ничего не пожалели! – Федора опять всхлинула и разразилась бурными рыданиями. – Этот конфетный дождь будто смывает остатки мозгов из ваших бестолковых голов!

– Ну уж нет, матушка, позвольте! – голос окреп, налился звонкостью: – Не стоит валить всё с больной головы на здоровую! Во-первых, почему ты считаешь, что это сорванцы уничтожили твои грядки?

– Не грядки, а клумбы!

– Какая разница! Но почему сорванцы?

– Да потому что они бунтовали против шляп! Устроили весной настоящее шествие с ряжеными куклами и костром, в который побросали шляпы, а потом и вовсе пришли и...

– Что – «и»?!

– Что-то я запуталась... Я вдруг вспомнила, что целая ватага сорванцов прибегала ко мне, чего-то они просили... Ах, да! Смастерить для них нескудные шляпы от дождя и солнца, от плохого настроения и для вызывания радуги...

– И?

– Я выпроводила их прочь! С какой стати я должна была тратить время на вздорные выдумки?

– С такой! Ты – художник и свободный творец! Кто, как не ты, должен был бросить свои однообразные шляпы, шляпки, шляпищи и пробежать босиком по радужным лужам? Кто должен был услышать радостных смех детей и превратить его в основу

для своих фантазий? Дети – бунтари по натуре, в какой-то момент они начинают взрослеть и хотят сбросить старую кожу, чтобы вырасти и распахнуть крылья, но при этом они очень любят своих взрослых и боятся причинить им боль. Они и бунтуют-то, скорее, понарошку: бросили колючие, высохшие за зиму поднадоевшие форменные шляпы в костёр! Да разве ты сама не мечтала об этом при первых же припекающих лучах весеннего солнышка?! Они не хотят отрекаться от традиций и обычаев своих родителей, но пробуют изменить их под себя, и это прекрасно!

Но нет, ты хотела стать модной шляпницей! Молоденькая и очень хорошенькая, ты нашла свою наезженную колею и радостно плелась по ней вместо того, чтобы гарцевать на зелёных просторах... Ты выгнала мелюзгу, да ещё и пригрозила написать об их выходках в городскую газету!

– А сорванцы в отместку вытоптали мои...

– О боже! Да никто не вытапывал твои грядки... клумбы...

Вспомни, ну, вспомни, как всё было на самом деле... После ухода сорванцов тебе всю ночь снились немыслимые головные уборы для детишек: шляпы с большими полями васильков и маков, с маленькими кружевными полями, странные смешные шляпки без полей вообще, с подобием козырька над крыльцом; во сне сорванцы носили эти уборы козырьками назад, носясь на велосипедах. Во сне ты смеялась, тебе очень нравились идеи, но, проснувшись поутру, ты приказала воображению успокоиться.

Правда, разыгравшуюся фантазию не так-то легко загнать в угол, и ты пару дней ещё спорила с собой, забивала голову болтовнёй тыквоголовника, не поливала пробившиеся побеги, даже не смотрела в их сторону, опасаясь, что они прорастут немыслимыми, забавными бутонами на радость детям и на потеху твоим постоянным покупателям...

Ты струсилась, ты побоялась стать смешной и игривой, и в результате всё проиграла!..

А лето выдалось жарким и сонным, твои болванки увяли почти все. С твоей улицы уехали почти все соседи – хотя тебе ведь плевать на них! Ты и не заметила никаких перемен. Даже того, что постепенно высохло и Дерево сорванцов...

– Ты предала свою Фантазию и стала обычной копировальщицей... А без творчества нет ничего чудесного...

– Потом ты углубилась в недра тырнета в поисках вдохновения, но только завидовала чужим идеям и их волшебным воплощениям...

– Ты стала желчной, маленькой и жалкой, из яркой, светлой бабочки превратилась в пыльную моль...

– Ты больше не свободный художник, ты больше не творец, ты просто... просто...

– Замолчи! – почти завизжала Федора, зажав уши ладонями. Давно уже не шаловливый сквознячок, а её собственный внутренний голос объяснял, укорял и даже обвинял её...

Дверь сарая неожиданно отворилась и в золотой солнечной пыли проёма возникла округлая фигура жандарма. Крякнув, он совсем по-киношному потёр согнутым указательным пальцем под носом, выражая крайнюю степень довольства.

– Во-от вы где прячетесь, ма-де-му-а-зель! А

мы вас ждём и, так сказать, разыскиваем. Пройдёмте, пройдёмте!

Федора попятилась, пытаясь скрыться от бдительного ока стража порядка, но не тут-то было: откуда-то подскочил к ней долговязый Былинка и, подхватив под руку, увлёк на свет божий. Солнечные лучи ослепили её на миг, но Былинка был молодцом и тотчас нахлобучил на неё шляпу с обвислыми полями, прекрасно гармонирующую со всем бурным обликом Федоры.

– Да отпустите же меня! – вырвалась наконец она и, собрав остатки былого величия, задрала подбородок и направилась к заднему крыльцу. Секунду помедлила, вцепившись сухой птичьей лапкой в дверную ручку, решительно толкнула дверь и вошла.

Стражи порядка не зря носили своё название: дом сверкал чистотой! Накрахмаленные и отутюженные занавески приветливо оведали оборочками тщательно выскобленные золотисто-медовые подоконники, солнечные зайчики резвились в зеркалах и оконных стёклах; надраенные до блеска чайник и кофейник соперничали друг с другом и парой медных сковородок красотой линий. Чашки, блюдца, ложки, вилки – блестят! Столики, шкафы, буфет – отполированы до блеска! Коврики – чистые, без единого пятнышка кофе – на вымытом полу. Мягкая мебель вычищена так, будто только что прибыла из лавки, сияющая обивка – затейливые завитки и букетики – так и манила присесть или прилечь в свои объятия.

– Старую изношенную одежду и обувь, а также сломанные, вышедшие из употребления без возможности восстановления вещи конфискованы и утилизированы! – важно объявил Былинка, чуть кося в сторону одобрительно покачивающего головой начальника.

– Вам, сударыня, законом предписаны общественно-полезные работы, как то: ежедневный уход за своим садом – раз!; полив и разговоры с Деревом сорванцов – два! – есть надежда, что оно ещё способно возродиться и разродиться несколькими сотнями или даже тысячами очаровательных малышей на протяжении следующих лет, если за ним начнёт ухаживать настоящий Мастер и Творец – а вы именно им и являетесь, ведь именно из-за отсутствия чудес Дерево и зачахло; в-третьих, вы слишком много времени прятались от своего призвания, вам надлежит вновь научиться радоваться жизни самой и дарить радость окружающим. Для этого вот вам: Былинка неуловимым движением извлёк из-за спины начальника корзинку со спящими в ней в обнимку котёнком и щенком: – Ухаживайте на здоровье и не благодарите! – Жандармы одновременно щёлкнули каблучками, взяли под козырёк и отбыли строевым шагом.

Федора машинально поставила корзинку в пятно солнечного света на янтарном паркете и последовала в мастерскую. Стражи навели порядок и здесь: выкройки и шаблоны пронумерованы и подколоты, шляпные головки выставлены в ряд, бусы, кружева, булавки рассортированы по размерам и цветам – как они только не заплутались во всей этой многолетней неразберихе – ну, впрочем, на то они и стражи порядка. Неприятно, конечно, стать объектом их внимания, но теперь она нач-

нёт жизнь с чистого листа! Больше никаких тыквоголовников и тырнета, больше никаких страхов и подозрений. Она – Мастер! Она – Творец!

Федора приняла ванну, а помолодевший кофейник тем временем сварил для неё отменный кофе; напоила тёплым молоком своих маленьких питомцев; облачившись в новенький комбинезон и клетчатую рубашку, вышла в вечеряющий сад; вооружившись садовыми инструментами принялась подкапывать корешки, рыхлить землю, разговаривать вслух с болванками – благо котёнок и щенок, кувыркаящиеся рядом, с радостью откликались на звуки её голоса.

Остаток дня прошёл в трудах. Приятная усталость давно забытыми струнами вибрировала во всём теле, Федоре даже показалось, что она стала выше ростом и намного моложе.

– Так-то оно так! И выше, и моложе, и предписания закона вы исполняете, но всё-таки с этим надо что-то делать, – не то укоризненно, не то назидательно сказал будто из-под земли возникший Былинка. Федора по привычке рада была как можно глубже спрятать воспоминания о жандармах, вообще сделать вид, что ничего не происходило, но жандарм не исчезал, хотя и выглядел довольно смущённым.

– О чём это вы? – подозрительно спросила Федора.

– Об ЭТОМ! – выразительно вскинул брови жандарм.

– О каком ЭТОМ?!

– У вас над головой!

Дежавю! Точно! О чём-то таком у неё над головой спрашивал не далее как сегодня утром вертлявый тип из тыквоголовника.

– Посмотрите лучше в зеркало! – пискнул Былинка и испарился из-за живой изгороди.

Федора подхватила котёнка и щенка и торопливо зашагала к дому. Разулась перед крыльцом, аккуратно поставила сапог к сапогу, вошла в дом и промчалась к одному из вымытых от копоти и пыли зеркал. Давно забытое собственное отражение скорее озадачило, чем оттолкнуло: вместо пухленькой веснушчатой мордашки в обрамлении лёгких рыжих кудряшек на неё сердито пялилась суховатая физиономия под всклокоченным вороньим гнездом вместо причёски. Но в общем-то ничего экстраординарного.

«Чего они все прицепились?» – подумала Федора, и вдруг прямо над её теменем возникло сизое облачко с ядовито-зелёной надписью: «Чего они все прицепились?» – буквы ещё и наползали друг на дружку, норовили откусить от соседа и просто выглядели, как ползучие гады, – страшно неприятно!

Все эти мысли мгновенно материализовались в сизом облачке над головой Федоры.

«О, нет! Получается, о чём бы я ни подумала, все мои тайные мысли и настоящие желания мгновенно становятся достоянием посторонних?!» – возопила Федора, и ледяной пот пропитал одежду насквозь. «Так вот почему от меня врассыпную разбегаются люди?! Вот почему разъехались кто куда соседи?! Я... я – чудовище!»

Федора, рыдая, сидела на полу, а котёнок и щенок, не обращая на неё внимания, вновь затеяли возню.

– Ты – не чудовище! – Доверчиво прильнул к ней сквознячок. – Просто ты слишком долго была одна, а таланту обязательно нужны поклонники! Ты ждала признания, а оно всё не приходило и не приходило. А то, что само шло в руки, казалось мелким и не стоящим внимания. Ты скрутила своё воображение, спеленала фантазию, закопала талант в землю, ты стала подозрительной и злобной, а твоя энергия оказалось такой мощной, что...

– Что превратила меня в монстра... как я смогу жить и заниматься творчеством, зная, что я – чудовище?

– Не стоит вытирать зарёванный нос рукавом новой рубашки! – в голосе снова послышалась насмешка. – Кстати, кое-кто готов терпеть тебя со всеми твоими чудовищными выходками и привычками.

– Дон и Альба? – кивнула в сторону угомонившихся зверят Федора.

– Они, конечно, тоже, и благодаря им ты скоро станешь мыслить совсем иначе. Глядя на их потешные бои, невозможно думать плохо о чём или ком бы то ни было! Но есть ещё один господин, он единственный не решается бросить тебя одну на этой длинной, пустынной улице, хотя ему, бедняжке, достаётся ой-ёй-ёй!

– Флёрдоранж? Ох, батюшки! Мне придётся немало постараться, чтобы получить его прощение.

– Не торопись, ухаживай за цветами, разговаривай с Деревом сорванцов, играй с Доном и Альбой, а хорошие мысли мало-помалу поселятся в твоей голове, я тебя уверю!

И Федора послушалась. Она наконец перестала сомневаться в себе и доброте мира. Она слушала пение птиц на рассвете и кваканье лягушек вечерами. Выгуливала туманы и сеяла росу. Она даже набралась храбрости и сходила в салон красоты, откуда вышла прежней хорошенькой девчушкой с конопушками на вздёрнутом носике, по крайней мере, она себя так ощущала.

Рыжий косматик Дон и белая лохматенция Альба всюду следовали за нею и то и дело смешили, позволяя душе шляпницы разворачивать лепестки навстречу солнцу, один за другим, один за другим.

И вот настал тот день, когда Федора в своём уже изрядно потрёпанном комбинезоне и клетчатой рубашке сидела на коленках возле куста цветочной болванки и с любопытством наблюдала, как из туго скрученного бутона, из миража вызванные лишь её воображением медленно рождались очертания будущей шляпы.

Излишне говорить, что за её творением с волнением наблюдает господин Флёрдоранж, и настурции на плечах одобрительно потряхивают кудрявыми головками. А за руку Флёрдоранжа держит синеватый полупрозрачный силуэт – сквознячок, сорванец, сорвавшийся с ветки прежде, чем его кто-нибудь полюбил (наверное, тоже о-очень сомневался в себе!), сквознячок, медленно, но верно превращающийся в самого настоящего мальчишку. И он совсем не боится утратить способность летать, когда станет ребёнком, ведь его мама – настоящая волшебница! Он это точно знает!

МАЛЕНЬКОЕ ГАЗЕТНОЕ ПЛАТЬЕ

Меня зовут ТиРе. Текстовый редактор. Я не тот редактор, что правит ваши ошибки. Не-а! Нет, я конечно, отличу знаки препирательства от осуществительного, знаю, что есть глагол, а есть приглагольное. Вместоимение не перепутаю с делопричастием. Но! Это всё ужасно скучно и не обстоятельно. Я текстовый редактор, который подсказывает вам рифму, если вы третий час (день, год) никак не можете дописать поэму про извержение вулкана Эйяфьядлайёкюдля – хотя что вам мешало написать про Везувий? Хотя нет, погорячилась, к Везувию тоже не так-то много рифм приходит на ум. В общем, служу вдохновением, музыкой, если хотите!

Самый мой долгий труд – «Часы и Зеркала», но господин, который пишет эту сказку, не очень торопится завершить её. Он подолгу сидит и смотрит в одну точку, потом вскакивает и идёт заваривать чай. Обязательно зажигает вторую конфорку и греет над слабым огоньком руки. Возвращается, радостно потирая ладони, садится к своему компьютеру, стучит по клавишам, но его сказка не продвигается ни на шаг. А Компьютерная Мышь – такая задавака! Во-первых, она совсем не разговаривает. Во-вторых, она абсолютно ничего не знает о Соли Рассказа, о Нити Повествования, о Море Слез и Стекланных Ножках. Она только катается по своему коврику и при этом чувствует себя таааакой важной птицей! Хотя я видала таких важных птиц, по сравнению с которыми она – просто гоголь-моголь! А я – книжная учёная Мышь, живу в пыльных книгах и грызу гранит науки, но это гораздо приятнее, чем купаться в слёзах.

Кстати, я ТА САМАЯ Мышь! Как?! Вы не помните? Которая решительно двинулась прочь, убедившись, что Алиса её совершенно не слушает и не слышит! Вспоминаете? Когда я скрылась из виду, я неожиданно оказалась в этом странноватеньком мире, где нет Ливрейных Лакеев (хотя лакеев и подхалимов хватает!), Тритоны не вылетают из труб и всем наплевать на войну красных и белых роз, а приключения Алисы печатают на декупажных картах...

Итак, пропав из виду, я обнаружила себя в доме, где всё пропахло книжной пылью и чернилами. И кроме меня в доме жил худой, как белая ворона, и с волосами чёрными как вороново крыло, высокий господин. Всё время, что я с ним знакома, он будто находится не на своём месте, всё время дёргается как на иголках и не может взять себя в руки, ожидая с моря погоды.

Перо и чернила сменила новенькая пишущая машинка «Ремингвуд», позже к ней прибавился «Ундертон», спустя время в доме появился компьютер – как видите, я прекрасно разбираюсь в новшествах прошедших веков! Всё было напрасно. Дело в том, что книга «О Зеркала» так и не продвинулась ни на йоту! И поношенный сюртук обрёл своё место на свалке, и строгий костюм сменили

растянутый вязаный свитер и мятые джинсы – какая безвкусица! – но мой Хозяин не обзавёлся ни одним седым волоском, ни единой морщинкой. Что бы он ни пробовал, чтобы измениться и провести время – играл в покер, путешествовал, несколько раз приударял за какими-то женщинами, пару раз даже пытался упасть в Райхенбахский водопад и с моста Ватерлоо, словом, бился как рыба сквозь землю, но каждый раз оказывался нигде иначе как в собственном доме на холме в небольшом старинном городе где-то в Ингерманландии. Естественно, что сидеть сложа лапы я не привыкла, ведь моя голова до того забита всякими учёностями, что даже Грифон с Рыбным Деликатесом брали у меня уроки по Инетике и Биологике!

Тем более, открыв в себе талант Музы, я не могла усидеть на месте и подружилась с пишущей братией. Я, конечно, могла бы вам поведать, какие великие произведения вышли из-под перьев многих поэтов, когда я становилась их персональным ТиРе. Но моя скромность не позволяет называть их имена, ведь многие критики *не велируют* их достижения, а сотрут в порошок! Развеют прах по ветру! Разорвут на цитаты!

Уф! Что-то я, голубушка, чересчур разволновалась.

Впрочем, для волнений достаточно долго поводов не было никаких. Мы жили бок о бок с моим странным Хозяином – позвольте мне так его называть – и совершенно не мешали друг другу.

Хозяин тихо тронулся с ума, пока совсем с него не сошёл, коллекционируя зеркала. Одно за другим он притаскивал их в дом, подолгу рассматривал завитушки на рамах, при свечах и дневном свете всматривался в тёмные омуты зазеркального мира, ставил их в ряд или друг напротив друга, создавая зеркальные порталы, но ничего из его эманаций не вышло, и он сам никуда не вошёл. (Вот именно в то время он и пытался покончить с собой.) Потом увлечение сошло на нет, Хозяин успокоился, и я спокойно могла музицировать, слоняясь от одного поэта к другому... И вдруг у него появилась страсть к писательству. Теперь уж мне пришлось прислониться к нему и нашёптывать всяческие фантазии и сны, что на воде вилами писаны, но он невероятно туп. За все годы, что я могла бы вдохновлять и вдохновлять настоящих поэтов, прозаиков и даже Учёных, я вертелась как белка у него под каблуком.

Написав однажды на листе бумаги «Часы и Зеркала», он пригвоздил моё любопытство. Поначалу я ждала продолжения. Хотя бы одной, самой первой фразы, затем я сама с собой заключила пари, что он по капле выдавит из себя талант. Но он бился, словно рыба между молотом и наковальней, так не продвинувшись в своём духовном поиске. Пока он носил воду в решете из пустого в порожнее, я тосковала, как гром среди ясного неба. Простите, простите, мой витиеватый язык наверняка вас запутал, но

я недавно прогрызла дыру в Словаре идиотических выражений, и разнологизмы теперь так и сыплются из меня, как об стенку горох. Упс! И ещё раз прошу прощения, некая двусмысленность моего последнего высказывания наводит на мысль о моей несдержанности... Нет, я лучше перескочу на следующую страницу, пока вообще не заговорила.

...войну! Сто с лишним лет жила с ним бок о бок – и вдруг, нате – мыши ему не нравятся! А еще в писатели метит! Хоть бы книги умные почитал и зарубил на длинном носу как свои пять пальцев – что Мышь, и только Мышь является источником вдохновения и его же воплощением! Ну куда удочку не закинь – «О мышах и людях», «Щелкунчик и Мышиной Король», «Мышонок Пик», «Суп из колбасной палочки», «Три слепые мышки» и список можно продолжать и продол... Пи! Я хотела сказать: «Ой!» В меня полетела домашняя туфля! Мама дорогая! Где же мне спрятаться-а-а!.. Кто бы мог подумать, что дурацкое платье из куска старой газеты выведет его с левой ноги из себя?!

Ох, ну вот нашла тёмный тихий уголок, надо отдышаться и побыть немой как рыба в воде, пока Этот не угомонится. На работу скорей ушёл бы, что ли.

Чтобы вы не держали камень на сердце, я не стану вставлять вам палки в колёса и переливать решетом из пустого в порожнее, а выбью клин клином с корнем. В двух словах изложу, что заставило мою душу нараспашку уйти в пятки. Как вы поняли из вышесказанного (или не поняли, но Бог вам судья!), я Мышь, но мышь гипотетическая, эфирная, как бы несуществующая. И порой мне самой кажется, что я себя выдумала и никакой меня нет. Так вот, чтобы убедить себя в обратном, я иногда рождаюсь в теле какой-нибудь незамысловатой мыши, серой, тихой, незаметной – и позволяю ей жить-быть, играя первую скрипку с огнём так, что искры из глаз сыплются. Вот тогда я ощущаю биение пульса Вселенной в своих крохотных венах и артериях.

Вот и сейчас я снова в теле молодой мыши. Мне удаётся водить за нос всех котов в округе, да и мышиную братию тоже, пока волосы не становятся дыбом! Главное, с оттенком не промахнуться, а то однажды задумалась и красивым жестом вышла из пелёнок в облике БЕЛОЙ Мыши, а лучше быть красной как рак, нежели белой вороной. Пардон, мышью! Эх, мне и доставалось и от мышей, и от кошек... Ладно, я умею вовремя провалиться сквозь землю, чтобы замести следы. Еле-еле успела до старости дожить!

Итак, живу я себе никого не трогаю, ну с Мышью Компьютерной пытаюсь отношения завязать, вдруг мне доведётся когда-нибудь ею стать – случайно увлеклась – погрызла какой-то проводок. Этот возмутился, кричал на всех перекрёстках, куда ветер дует: «Изловлю, уничтожу!» Но я-то не привыкла бросать тень как об стенку горох, притаилась. Потом нечаянно съела кусочек какого-то необыкновенного сыра – так, по крайней мере, я поняла из его воплей, а по мне так ничего особенного, слюдяной какой-то, на зубах поскрипывает. Он озаботился – мышеловок прикупил, по всему дому наставил. Ну мышеловки-то они, мышеловки, но и мыши ловки. Попробуй поймай мышку, если она испаряться умеет.

Ладно, к Рождеству поутих, видимо, ему ещё сыра прислали. И тут угораздило меня сгрызть дурацкое платье! У него десятка два таких – я бы и не заметила, капля в море воды не замутит! А Этот заметил! Видите ли, у него коллекция! Видите ли, какая-то особая модель платья! Тоже мне ёж из Ава¹ нашёлся! Всякую пакость в дом тащит, потом не тронь, ни плюнь.

День следующий. Он никуда из дома не выходит, хотя выходной, судя по календарю. Сидит, мышь караулит, то есть меня. Всюду лампы поставил, мышеловки, огарки разбросал, кусочки сыра – думает, клюну. Нашёл дурочку, так и отправилась я на прогулку.

О, телефон зазвонил:

– Алло! Да. Нет. Да мышь завелась. Угу. Прикинь – платье моё сгрызла, собака такая. К выставке? Да у меня времени нет. Я и не помню. Нет схемы не записывал, видео не снимал. Оно как-то само сложилось, даже не из рисовой бумаги, кусок газеты был под рукой, я над книгой работал, задумался что-то, а руки сами складывать начали. И главное дело, все работы к выставке упаковвал, в коробку сложил, а платье это на скрепке висело. «Платье Ванессы» – только этикетка и осталась.

Нет, совсем людям заняться нечем, складывают бумажки и ещё искусством называют! Нет бы «Сикстинскую мадонну» написал или «Властилина колец», а то... Хм, чем-то вкусеньким пахнет, пока он там язык чешет, я что-нибудь слямзю. Извините (хрм-хрм!), очень кушать хочется, два дня в засаде сидела, от Этого пряталась, нашла только кусочек журнала – так себе, бульварное чтиво с комиксами, грызнула чуть-чуть, а лексикон уже (хрм-хрм!) обеднила.

– Вот это нахальство!

Я чуть не подавилась круассаном. В самом деле, нахальство: врывается в кухню с телефоном наперевес, взяли моду телефоны с собой таскать, раньше небось как привязанные возле аппаратов танцевали, особенно если (пардон!) в WC хочется, а теперь – что за нравы! – даже в ЭТИ буквы с телефоном ходят!

– Ну ты и мышь! Ну всё, заведу кота, решено. Первого встречного! Сей же час!

И нечего так дверью хлопать! Напугал! Кошек ты в доме не держал, сразу видно! Я крошечку сыра или хлебца проглотила и сыта, а коты – проглоты настоящие! И кто придумал выражение: «Ест как кошечка»? Мало того что вокруг тарелки вечно все молоком забрызгано, так прожорству нет предела – и едят, и едят весь день, вроде спят – нет, только хозяин в кухню – тотчас бежит впереди него и жалобным голосом клянчит: «Мау да мау. Знать бы ещё, что это «мау» значит... А уж на пакости горазды! Тут обои обдерут, там в тапочки пи-пи (это не фигура мышинной речи!) сделают. То на столе спать улягутся, то хозяина из кресла лапами выталкивают. А шерсти по всему дому! Взвоят! Это тебе не маленькое газетное платье съесть, пусть даже редкостной складки. Мама дорогая! Он и в самом деле эту пакость в дом принёс! Я ускользаю, прогрызаю ткань пространства-времени...

¹ Я полагаю, она имеет в виду великого мастера оригами, открывшего миру это древнее искусство, Акиру Ёсидзаву или как ещё произносят его фамилию – Йошизаву.

...третий день. Как низко я пала! Я живу в норке. И приходится прогрызать лаз всё дальше и дальше. У этого кота невероятно длинная лапа, я забиваюсь всё глубже и глубже, но страшные когти так и норовят схватить меня за бархатную шкурку. И не то чтобы я очень уж дорожила телом этой глупой мыши, которая так и норовит попасть впросак, но Кот приводит меня в замешательство. Он какой-то необычно расчетливый. Стоило мне замешкаться, задуматься о высоком, прогрызая мешочек с крупной или макаронами – Кот тут как тут, он будто заранее знал, где я окажусь. Вот и пришлось проложиться для себя ход в Зазеркалье. Дело в том, что за одним из зеркал, что Этот чудак собирал в прошлом столетие, была небольшая норка, куда я пряталась в случае крайней необходимости, уж очень она помышачьи выглядела, а я всё-таки не какая-нибудь мышь, а Мышь! И вот однажды он погнался за мной и припёр меня к стенке, я юркнула в норку, а он заглядывает, зубами щёлкает, Хозяина радуется. Пришлось углублять и углубляться... А он караулит, не выпускает-а-а!

– Т-д-д-д-д-д! – это бешено стучит моё сердце! Я чуть не свалилась в бездонный колодец, едва успела крутануть хвостом, чтобы сбалансировать своё положение. Кстати, я очень продвинулась в своих усилиях, Коту ни за что не догнать меня. Но я в безвыходном положении. С одной стороны злобное дыхание Кота, с другой – бесшумное дыхание Бездны. А есть-то хочется.

Мой пылкий ум требует подпитки, я возвращаюсь к выходу из норки (тому, где Котьяра) и что я вижу? Ничего не вижу! И никого. Кто-то – Кот-то, – ушёл! Понял, что со мной шутки плохи. Ам-ням-ням! Как хорошо, что я уронила эту макаронину, пока тащила к норе, теперь она сослужила мне хорошую службу. На сытый желудок я думаю гораздо лучше. Теперь могу вить веревки хоть из Кота, хоть из Чудака, пока водой не разольёшь! Как сыр в масле, гора с плеч свалилась, я вновь бодрa и весела! F-F-F! То есть А-А-А!

...Меня как иголку в стог сена ветром сдуло, когда клацнули страшные зубы над моим ухом. Я вспомнила приёмчик и испарилась! Не тут-то был! Кот тоже оказался между не Здесь и не Там. Вот что значит я привыкла мерить на свой аршин всех подряд, как рыбку в мутной воде. А Кот оказался...

– Чеш-ш-шир-р! К вашим услугам!

– Чего? Чего надо?

– Чего надо? Она ещё спрашивает – чего надо? Ну уж точно не съест! Вот ещё, я на белковой диете, а в тебе жиров больше, чем в пальмовом масле. Да ещё и канцерогенных, наверное. Неизвестно, чем ты тут питаешься. В газетной краске, говорят, свинец содержится. Нет уж, увольте!

– Я жирная? Я – жирная? Ну такой откровенной чуши я еще не слыхивала. Требую называть вещи своими именами, обещая золотые горы!

– Ах, оставь уже свою идиоматическую осведомлённость. Я за тобой вторую неделю гоняюсь, но ты тупа как пробка! Вот что значит много читать, не имея ума за душой!

– Да ты кто такой? Как смеешь... Чешир? Чешир?! Ты? Я не ослышалась?! Ты и в самом деле ОТТУДА?!

– Да-да! Откуда ещё?!

– Вот почему ты в не Здесь следом за мной попал. Это ведь твои штучки!

– Ой, давай не будем о моих штучках. Ближе к делу!

– Да, да! Как там наши все? Голубка, Утка, Ископаемый Дронт?!

– Не вымерли, чего и тебе желают. Слушай, мы должны вернуть Время в Страну Чудес! И как можно скорее, я и так много времени потерял, тебя отыскивая да гоняясь.

– Хм, ты говоришь загадками, а я не привыкла ловить кота в мешке на слове.

Старик Время, поссорившись со Шляпником, ушёл с чаепития Королевы, и первое время никто не печалился – за временем-то следить не надо, времени – хоть отбавляй. Но поначалу возмутились Часовщики, в часах теперь больше никто не нуждался, и Часовщики остались без работы. Потом наследные принцы и принцессы – они всё время оставались маленькими, никто не мог свергнуть тиранов с тронов... или тронов с тиранов... Или...

– Так, всё ясно! Вернее, ничего непонятно. Дальше!

– Чаепитие зависло, от красных роз всех тошнит, Алиса стареет на глазах. Вот что страшно!!!

– Стареет? Но ведь времени нет!

– Времени нет, чтобы спать, мечтать, фантазировать, умирать и возрождаться. Скука и перец – ап-чхи! – заполонили Страну Чудес. Алисе скучно, она всем наскучила и от этого стареет и стареет, если Время не вернётся вспять, ей никогда не стать прежней.

– Я оставляла её, когда она была дитя... Глупое, доверчивое и несмышлёное... И уже скучает! Чем же я могу помочь?

– Вернуть время!

– Да где я его возьму?

– Ты живешь с ним более ста пятидесяти лет под одной крышей и не удосужилась познакомиться.

– Ты хочешь сказать, что Этот – и есть Время?

– Безусловно.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Он хотел меня поймать в мышеловку.

– Не обижайся, ты сама спровоцировала.

– Он бросал в меня тапочкой!

– Прости, но не стоило пожирать его коллекционное платье!

– Он Кота завёл, чтобы меня известить!

– Не известить, а известить! И вообще, это вопрос – кто кого и куда завёл. Я пол земного шара оббежал, чтобы разыскать тебя. Итак, ТиРе, Время попало в этот мир, хотя давай вернемся назад, чтобы было понятно. Ну вот, в этом хранилище рухляди гораздо приятнее, чем на кромке мироздания. Я искал тебя окольными путями, поскольку не умею как ты прогрызать пространство-время, пронзая его. А карты упали именно так, что сейчас очень удобное время для перехода.

– Перехода?

– Ну да! Сквозь пространство-время. Ты ведь уже создала портал за зеркалом.

– В смысле? Ох, так эта бездна и есть...

– Кроличья нора. Её отражение в параллельном

мире. Теперь мы должны устроить бег по инстанциям, чтобы заставить Время просочиться в иное измерение. Сейчас ты устроишь тарарам, начнёшь бегать по столу, грызть, как сумасшедшая, все платы и книжки, главное, чтобы было как можно больше шороха и шуршанья. Время побежит за тобой, в этот миг присоединюсь я, ты бежишь за зеркало, он отодвигает его и ставит напротив норки, как только дыра отразится в зеркале – портал откроется! Прыгай, не трусь, мы за тобой!

– Думаешь, получишься?

– Конечно, ведь старик Время так мечтает окатиться в своём замке на песке! Жаждет вернуться, но со временем позабыл о зеркалах, порталах и песчаных дюнах.

P.S. Моя сказка решила воплотиться, как только я представила себе главную героиню в образе Мыши. Мышь чувствует своё высшее предназначение, считает себя Музой и т.п.

И вдруг в поиске дополнительных мифологических связей обнаруживаю следующее в исследовательской работе Олега Буркова: «По-латыни “мышь” звучит как “mus” – явное созвучие со словом “musa”. Значит, и в самом деле персонажи, повествование управляют автором, и на поверхность Бытия выходит то, что ДОЛЖНО БЫТЬ написано...»

Инга ГААК

И СИЯЮТ УЛЫБКИ РАДУГ...

Стихи для детей

МОЯ ПУШКИНИАНА...

Летний вечер – тихий вечер,
Чуть звенит от комаров.
Я на крашеном крылечке
Зачиталась «про любовь».

Почему дрожат ресницы
От признаний роковых?..
Почему от слёз страницы
Книги пушкинской мокры?..

Это Маша и Дубровский
Под цветущей бузиной,
Объясняясь по-французски,
Возникают предо мной.

Летний сад в тоске осенней
Наблюдает за людьми:
Как же холоден Евгений –
Таня тает от любви.

Для меня «Онегин» сложен.
Прочитала – не пойму,
Что за мысли Таню гложут,
Пишу что даёт уму?!

Словно барышня-крестьянка,
Позабыв про стыд и страх,
Убегаю спозаранку
В сарафане и лаптях.

Как у Лизы-Акулины
Туес пуст берестяной,
Только мне не до малины –
Берестов заждался мой.

Пляшет зарево заката
Над озёрною водой
Рвётся сердце вдаль куда-то,
Потеряла я покой!..

Спать не даст пушкиниана,
В грёзах встречу я рассвет.
Только мне влюбляться рано –
Мне всего лишь десять лет.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Пожелтели, заалели
Клёнов тёмные аллеи.
Снова лето ускользнуло,
Ни о чём не сожалее.
Рябью тронута река.

Поскучнели облака.
 Сникли яркие бутоны,
 Мёрзнут в бочагах тритоны.
 В тине спрятались русалки.
 Над ромашковой полянкой
 Феи больше не кружат,
 А от холода дрожа,
 Вяжут тёплые накидки,
 В травах путаются нитки.
 Эльфы в тёплые края
 Улетели. Только я
 Коротать останусь зиму.
 Яблок наберу корзину
 Да поставлю самовар...
 И душистый сладкий жар
 Пирога из яблок спелых
 Соберёт моих соседей.
 Леший первым прибредёт
 Да кикимор приведёт.
 Погребок оставив свой,
 Выйдет сонный домовой,
 Следом банник приплетётся,
 Чай и для него найдётся.
 Я гостинцы принимая,
 Головой лишь покачаю.
 И орехи, и грибочки,
 Огурцы в дубовой бочке,
 И варенье из черники,
 И компот из земляники,
 И солёная капуста –
 На столе не будет пусто!
 Ель украсим на поляне,
 Хохоча, набьёмся в сани
 С горки скользкой ледяной
 Понесёмся всей гурьбой.
 А потом вернёмся в дом,
 Соберёмся за столом.
 И шишиги-хохотушки,
 Под гармонь споют частушки.
 Подмигнёт в оконце месяца,
 Смолкнет эхо наших песен.
 Разбредёмся по домам,
 Сны завьются по углам.
 И до самой до весны
 Лишь о лете наши сны...

У МЕНЯ БЫЛО ЛЕТО!

У меня было лето! Мягкое и пушистое,
 Такое зелёное и лопушистое.
 Оно беспарольным WI-FI-чиком
 Скользило над нашим городом,
 Пригоршни солнечных зайчиков
 Бросало в речные воды.
 И можно было купаться,
 Пока не позвали родители
 (А они висаюот в «Твиттере»
 И можно даже успеть нырнуть,
 Открыть глаза и в зеленую муть
 Посмотреть...
 А там, на дне заросли, камушки,
 Плавают рыбы и рыбки
 Блестящие, как фольга).
 После речки на дачу к бабушке.
 Выпью чай, съем кусок пирога
 И лягу на крышку колодца,
 Раскину руки и упаду в неба донце,
 Раскрашенное розово-рыжим солнцем.

А там стрекоз коромысла
 Несут облака от заката к рассвету
 Я за месяц немножко выросла -
 На столбе под навесом отметка.
 Отросли и мои волосы,
 Заплету их, наверное, в косы.

– Купите ребенку юбку,
 Сколько можно ходить в джинсах? –
 Ворчит бабушка,
 А я люблю их,
 Узкие, легкие,
 В них можно ходить быстро...
 И даже бегать, когда лупит дождь по лужам,
 А ты без зонта, и, в общем, бежать не нужно,
 Ты и так промокла до нитки.
 А июль был дождлив,
 И сквозь тротуарные плитки
 пробилась трава.
 И сияют улыбки радуг,
 И снова приходят слова
 Для стихов. И ты вдруг
 Ощущаешь себя частью мира.
 Ура!

Не ура...
 Пора собираться в осень.
 До неё ещё дней семь или восемь.
 Были каникулы и пропали...
 Синоптики нам соврали:
 Лето намного короче
 Сезонов прочих...
 И до Нового года ещё целых четыре «бря»,
 Мы не медведи и не ложимся в спячку,
 А зря...

* * *

Я лунный медный грошик
 На счастье вверх подброшу,
 И если ляжет птичкой –
 Французский изучу.
 А если ляжет решкой,
 Отправлюсь в путь, конечно,
 И дивный город Акзакс
 Сегодня навещу.

И рельсы ль там, трава ли,
 Торопятся трамваи,
 В туманах пропадая,
 Как лошадей табун.
 Булыжники смеются,
 Фонтаны оживают,
 На слёзы и ненастье
 Наложено табу.

В небесной акварели
 Из облаков качели,
 И в берегах кисельных
 Струится майский мёд...
 Мурлычет рядом кошка:
 – Пора подбросить грошик!
 И мышшь пищит несмело:
 – А вдруг не упадёт?!

СОЛО

Андрей ЦУХЛОВ, поэт. Окончил Ульяновский педагогический университет. Сотрудник пресс-службы Законодательного собрания Ульяновской области. Публиковался в журналах «Карамзинский сад», «Мономах», «Симбирскъ», сборнике «С любовью трепетной» и др. Автор изданных в Ульяновске поэтических книг «Четверговый дождь» (2000), «После четвергового дождя» (2006), «Сверчок и поезд» (2011). Член Союза писателей России (2006).

ТЕХНИК-САН И ЗУБНАЯ ФЕЯ

Можно витать в эмпиреях, допустим,
и о политике рассуждать,
можно быть в тренде, в депрессе, дискуссии,
лайкать-дизлайкать, в соцсетях брюзжа.
Камнем на землю из мира-квази,
за бесполезность свою не прощен:
это случился засор в унитазе,
и из него неприятность течет.
И наконец-то явился спаситель,
немногословен, конкретен причем.
«Что там у вас? Унитаз? Покажите!»
Мощно нисходит с волшебным ключом
на девятнадцать иль на семнадцать.
Не исключая – на все двадцать пять!..
Это тебе не в носу ковыряться!
Это тебе не комменты писать!
Низкий поклон тебе, добрый сантехник,
за настоящий, за подлинный труд.
Ты зачищаешь его за этими,
руки у коих оттуда растут.

Кстати, о скрежете тихом зубовном...
Как ни терпи, а идти в кабинет.
Вот словно к креслу для пыток прикован.
Зуд бормашины. Блестит инструмент.
«Кем вы работаете?» «Просто житель...
В блоге пишу... Массмедийный проект...»
«Что там у вас? Где болит? Покажите!»
Рот нараспашку, в лицо – яркий свет.
Внутренний мир небогат и невзрачен:
пломба, прореха, здесь подлечить...
Зуб воссоздать – вот для феи задача.
Это тебе не стишатики строчить!
Слава не мне, а такому народу!
Толку и смыслу слава!

Итог:

Плюну в экран и уйду в скотоводы,
чтобы с меня был хоть шерсти клок!

КОЛОБОК

Я покинул родные сусеки с легким сердцем и очень рад.
 Просто было предчувствие некое, что валить пора со двора.
 В доме сторбленном худо-бедно наскребли из того, что есть.
 Просто было голодно, беспросветно, меня просто хотели съесть.
 Что черстветь и киснуть на месте, сыпать крошками день за днем?
 Был я раньше безвольным тестом и вот – легок стал на подъем!
 Я качусь на четыре стороны, я как легкий бильярдный шар.
 Каждый день новизна – это здорово, надо в путь поспешать, поспешать.
 Я по форме и сути – планета! Да румян, в чем-то солнцелик.
 Я – всему голова! И это я в дороге только постиг.
 Я клубок-колобок, эй, звери! Я от вас ухожу, ухожу.
 Потому что я вам не верю, о покинутых не тужу.
 Вам спасибо за зубы, за пасти, и за хищный ваш аппетит.
 И качусь я за хлебным счастьем, сердце-мякиш призывно стучит.
 Мне зачем однобокость, стабильность? Я вприпрыжку, вприпрыжку, как мяч.
 Мне дорога эта по силам, не остыл, до сих пор горяч.
 И клевали меня и сжирали воронье и стая волков.
 Я катился, катился всё далее, и везде-то я был таков.
 В телевизорах – лисьи морды. А я – мимо, от песен осип.
 Если где и вращаться задорно – то вокруг лишь своей оси.
 Я, как выпечка, свеж, беспечен, хоть в печали был испечён.
 Мир, конечно, округл, но конечен, до финала неблизко ещё.
 В удалом хвастовстве, припеваючи, часто ловко спасаясь от бед,
 я тревожусь теперь все чаще: как мои там бабуля и дед?
 Ведь у них никого не осталось, все ушли навсегда колобки.
 Дом скукожился, обветшал он, там по стенам подтеки тоски.
 Чем там бабушка лечит суставы, и о чём там ворчит старик?
 Кот ученый в костюмчике старом сказки там всё ещё говорит?
 Почтальон донесет ли пенсию, доведет автолавка хлеб?
 Доберется ли скорая, если... если что... через грязь, может, нет.
 Есть ли тапочки, шаль, продукты, валидол, и почем дрова?
 Это я тут веселый и круглый, а там в огороде – трава.
 Там мышам по сусекам не прыгать, ведь амбары давно пусты.
 Печка теплится в холодрыгу иль давно успела остыть?
 И на полке старые фото, пожелтели они чуток.
 А на фото, спросите, кто там? Там я маленький, колобок.
 Или можно теперь воротиться, и не поздно вкатиться в избу
 блудным хлебом по половицам, и на стол – заглядить вину.
 Преломиться краюхами сдобными, вот поди удивятся они!
 Я вернулся, скажу, я сподобился, угощайтесь, родные мои.
 ...Как найти теперь адрес точный? Где тот дом? В горле ком. Точка. Ком.
 Солнце с неба скатиться хочет и уйти от нас колобком...

* * *

С утра покажут нам в окне, что склизко под колесами.
 Как в кинохронике, там непонятное, белёсое.
 Машины, будто овцы, прут, да и столбы, как идолы.
 И снег, как пудра хрусткая, ух, снега понасыпали!..
 И все запудрены кругом, и всё слегка припудрено.
 Начинки разные, и дом пекарней смотрит утренней.
 Снуют прохожие, снуют безмолвно-безыдейные.
 Такое настроенье тут – задумчиво-глинтвейное.
 И не ступать бы за порог. Вооружившись книжицей,
 Порезать апельсин и вот – вино нагреть с корицею.
 Деревья успокоились, стоят, хитросплетенные.
 Разметка скрыта, полосы, сметённо-заметённые.
 И бодрость нарочитая с утра телеведущего,
 И – на кого рассчитано? – расхожести жующего,
 В прогноз погоды веруя в своем мирке живущего...
 Пусть носороги-грейдеры грядут в свое грядущее.
 А пастырь кто машинных стад? Их фары – близорукие.
 Зачем пространство ворошат вновь шинами упругими?
 Куда ведёшь, ведущий-лжец, из зазеркалья ящика?
 Сегодня остаёмся здесь, сегодня – «день жестянщика».

ПЧЕЛА И МУХА (#какбыбасня)

На самом деле, никогда, за всю историю
их не пересекались траектории.
Но в силу всяческих природных аномалий
присели рядышком. Наверное, устали.
Взглянули друг на дружку насекомо...
Пчела спросила:
– Как дела, как дома?
И муха ей ответила сурово:
– Дела? Дела – они у прокурора.
Что б я маралась всяческой работой?
Не вижу смысла. Да и неохота.
Что б ты ни делал – будет все одно.
Наш мир – оно. Унылое оно.
– Но, милочка, а вас не напрягает,
что вы грязны и что от вас воняет?
Мне кажется, что если посижу
подольше здесь – то мухой заужужу
и всё увижу через говнопризму,
мушиному предавшись пессимизму.
Но есть же луг, цветы, прополис, мед...

– Пока на это кто-то не на...ёт.
Вот ты чуть свет – уже летишь, таскаешь
нектар, а через месяц помираешь,
себя поистрепав. И то не диво:
никто тебе не скажет: «Вот спасибо!».
Ни пенсии, ни льгот, ни уваженья.
К чему в итоге всё пчелокруженье?
Вся жизнь твоя – убогая задача:
лишь только от цветка к цветку хреначить.
– Ну что ж, похоже, нам не по пути...
– Ну так лети себе и не бухти.
И вновь пчела на разнотравье мчится,
к зловонной свалке – муха-озорница.
Вот перспектива краха мироздания:
вдруг да найдут взаимопониманье.
Ползет муха в мед, пчела слетит на труп...
Как хорошо, что не сдружились вдруг!
Тебе ж, читатель, как мораль – совет:
мух отделяй от пчел и от котлет.

* * *

Что муравей? Трудом своим прекрасен.
Крыловым он описан и обасен.
Для гусениц-жуков весьма опасен,
вполне для энтомологов он ясен.
Для них нет чуда, темы для беседы,
(они такие, муравееведы),
А мы, конечно, в удивленье были:
как, почему у них возникли крылья?!
Работали-работали – и здрасте:
летят! То ль в отпуск, то ли восвояси.
Разрыв шаблона, крах предубеждений...
Взлетел рожденный бегать, без сомнений!
...Крыловым основательно обасен,
остался в трудогальной испостаси.
А мог бы быть, конечно, окрылён!

* * *

Редеющий лес (ибо доски нужны и дрова).
И вянущая трава, как седеющая шевелюра.
Небо поделено птицами на сектора.
Был здесь когда-то юрский период де-юре.

Где-то неподалеку скитаются кабаны,
странники леса, ждущие ночи, как одеяла.
Ваши глаза такие, страхи в них все видны,
а пяточки – монеты, которых мало.

А под ногами шуршит листва, вновь шуршит листва.
Воздух, которым нельзя надышаться впрок.
Сырость, как милость, сентябрьский мыслепад.
Царапины тропок и раны лесных дорог.

Выпутаться из глобальной сети... Паутинки блестят.
Остановиться, перекусить, оглядеться, передохнуть.
Группа древесных грибов, как тарелки инопланетян,
пришвартовалась к березе, закончив путь.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Светлана ЛОМАКИНА, Ростов-на-Дону.

В УГЛУ

Это было не обидно. Не страшно. Не грустно. Это было спасительно – стоять в углу.

– Машка, гадина такая, дура криворукая, опять за своё?! В угол!

Один прыжок – и Машка в углу. Угол – это не совсем угол. Угол – это пространство между книжными полками и полированным шкафом. За шкафом заканчивались рельсы цветастых обоев. И начинались бугорки сухой голубой краски и прилипшие к стене волосы побелочной кисти. Если прищуриться, то бугорки казались горами, а волосы дорогами. И если смотреть на них долго-долго и не моргать, то появлялись они – крошечные гномики. А у гномиков начиналась настоящая жизнь. Они тянули в свои дома лучи солнечного света, хватались за край отошедших за стенкой шкафа обоев, ровняли их и утюжили, строили себе дома и поднимали заборы. Пока они всем этим занимались, шутили и переругивались, хрустели побелкой и пели.

«Тихо в лесу, только не спит барсук, уши свои он повесил на сук...».

Машка так увлеклась подглядыванием за гномиками, что начинала им подпевать. Первый куплет одними губами, потом входила во вкус: поскуливала, мычала и на третьем круге, отгремев соплями и съев все слёзы, запевала громко и чисто, как в школьном хоре: «Уши свои он повесил на сук. И тихо танцует вокруг...».

Пела Машка недолго.

Распахивалась дверь и на пороге появлялась тень матери.

– Я не поняла, – заполнял комнату чужой высокий голос. – Ты ещё и песни поёшь? Скотина неблагодарная! Никакого раскаяния у тебя нет!

Гномики разбежались. Горы проседали. Нитки дорог рвались. Машка замолкала, опять прикрывала глаза, но бесполезно. Ничего радостного больше не было. Всё как всегда. Она в углу, разбитая чашка на кухне, за окном стонет соседский магнитофон. Однообразно стучат над головой часы, и время от времени лает соседская собака.

Слёзы собираются где-то в середине небольшого Машкиного тела, они ползут вверх, превращаются в мокрые руки, перехватывают горло, дотягиваются до век и закрывают своими горячими полупрозрачными пальцами Машкины глаза.

Машке не хотелось, чтобы мать знала, откуда эти слёзы и как много их в ней, поэтому она пыталась держать их – сцепляла зубы, часто-часто моргала, задерживала дыхание, слушала, как стучит в ушах кровь и чувствовала, как двигаются на макушке волосы.

Пока она это делала, замечала в змеином узоре старых желтых обоев шевеление. Рисунок отделялся от бумажного выцветшего полотна и уползал вниз, к плинтусу. Там, соприкоснувшись с паркетом, змеи превращались в стебли и сию же секунду давали удивительные ростки, из которых вылезали другие ростки, из них ещё и ещё. Скоро комната была заполнена живой паутиной. Машке становилось тесно, было невозможно пошевелиться и нечем дышать. Машка вжималась в угол и понимала – ещё секунду и змеи обовьют и её ноги, всадят свои острые зубы через спущенные носки, через её горячие пальцы в вытоптаные рейки паркета.

– Уйдите, гадины, – кричала Машка. – Не трогайте меня!

– Кто гадина?! Ты кому сказала «гадина»? – прилетала мать.

Пол под ними обеими становился пластили-

новым и чёрным. Машка не видела его уже, только чувствовала. И ещё чувствовала, как мокрое полотенце падало на спину, на тощую шею и туго стянутый пучок на затылке. Это было почти не больно и всегда спасительно – змеи расплзались, путались в лучах солнца, продиравшихся сквозь занавески, и возвращались на стену.

Машка вздрагивала, трогала их, недвижимых, – всё, умерли – и стояла дальше.

На этом моменте она старалась больше ничего не видеть. Только слышала. Как хихикают часы. Как жалуется соседская собака. Как время от времени падает на кухонный стол ложка или с обиженным грохотом опускается на плиту сковорода.

По запахам, которые кралась в комнату, Машка догадывалась, что скоро время обеда. Мать принудит её извиниться и позовёт к столу. Машка нехотя буркнет «я больше так не буду», сядет над тарелкой супа, в котором всегда плавают отвратительные паруса варёного лука, и будет гонять их от борта к борту. Мать увидит это и примется читать лекции. Будет попрекать неуважением к еде, затем вспомнит купленную летом куртку, у которой Машка нечаянно оторвала (и ладно б просто оторвала – потеряла!) пуговицу. Затем приведёт в пример Валечку Щеколдину. Вспомнит её всегда крахмальные банты и чистые гольфы.

– Какая удивительно аккуратная и приятная девочка, – скажет в конце. – Не то что ты. Почему мне достался именно такой ребёнок?

Машка будет молчать. И молчать. И опять молчать.

Потом сопеть. Потом вдруг почувствует во рту целлофановый ломоть варёного лука. К носу Машки подступит волосяной комок. Она выплюнет его вместе с луком в тарелку – харкнет, поднимет голову, посмотрит на мать так, как умеет смотреть только она, неблагодарная и бессердечная, и скажет:

– Мама, мне тридцать пять лет. Мама, сколько можно?

Машка бросит на стол ложку, забежит в детскую – которая совсем не изменилась, даже книжки на тех же местах, – закроет за собой дверь, встанет на вытопанное между шкафом и полками место и увидит крохотных гномиков.

ЧЕЛЕНТАНО

А потом в маршрутку зашёл Он – ростовский Челентано. Рубашка цвета чайной розы. Расстегнута на три пуговицы от горла. В треугольнике – остроколючность, но с равными сторонами – седая густая растительность. Крест золотой на поросль можно было бы положить или салфетку для обеда. Но этого не было. Крест умеренный, на кожаном шнурочке. А вот часы золотые. И манжеты у рубашки подвёрнуты в три оборота.

Сам он высокий, загоревший и подсушенный. Лысый. Да, абсолютно лысый, с идеальными (пусть ненастоящими, пусть, можно завидовать) зубами, аккуратным прямым носом, вполне ещё достойными губами и тремя линиями над переносицей. Брови густые, но элегантно подстрижены.

Вычурно красивый.

Говорящий: я емь!

Но лет шестидесяти в целом, хотя и с претензией.

(Дураку было понятно, что в маршрутке его быть не должно. Или машина сломалась, или такси

не случилось.)

Сел напротив, поджал свои длинные тонкие ноги и сказал:

– Располагайтесь как хотите, я вам не помешаю. И улыбнулся.

Блеснул.

И я улыбнулась, потому что иначе ответить ему было невозможно. И сказала:

– Не беспокойтесь, ноги я уберу.

Потом тайком посматривала на него через зеркальные очки и гадала: кем работает пассажир? Мог быть актёром. Конферансье. Безнесменом из 90-х. Продюсером. Носки, забыла сказать, у него были красные – прекрасные на фоне чёрных туфель.

А он, гад, чувствовал, что я его рассматриваю, потому со своей стороны сделал всё, чтобы смотрела я на него как можно дольше. Забрасывал ноги, закатывал глаза, улыбался – нос у него дрожал, а складочки над переносицей собирались. Чтобы не прыснуть со смеху, я повернулась к окну и уткнулась в телефон.

Когда рядом с ним освободилось место, плюнула женщина. Обычная женщина, по виду работница советской торговли или консьержка. Он повернулся к ней и сказал:

– Здравствуйте!

А она подняла над глазами солнечные очки и растерялась. Вглядывалась в него, не понимала, откуда он её знает, а потом спросила в лоб:

– Мы знакомы?

– Нет, – ответил он. – Вы просто вошли в моё личное поле и я желаю вам здоровья. Здравствуйте!

И тогда она ответила:

– Ага! – покраснела густо-густо. И сказала ему: – Ну и вам здравствуйте.

Полезла в сумку, достала оттуда большое сочное яблоко и протянула ему:

– На здоровье!

И он принял это яблоко с поклоном, но когда принимал, перехватил руку попутчицы, поцеловал её бугристые вены и торговый загар. И сказал:

– Ваши руки пахнут яблоками и деньгами. Из ваших рук яблоко съем, из других не стал бы.

Он впился в плод своими идеальными (пусть ненастоящими, пусть!) зубами и стал есть яблоко. Сок капал на плотную подушку седых волос. Мизинец был несколько оттопырен. А на мизинце золотое кольцо с орнаментом и вензелем: «РА». Не Роман Абрамович, но тоже вызывающе красиво.

– Хорошие на Дону яблоки, – сказал он.

– Вы тоже хороший, – сказала она.

Дальше молчали.

Она сидела красная, а он думал о своём.

Вышли они вместе на Кировском. Я по дури бабьей ждала, что они пойдут в одну сторону, что он заберёт у неё яблоки, купит ей красивое платье, и всё будет, как в кино.

Но ничего не было.

Он прошёл прямо, она вниз.

На перекрёстке она обернулась и мучительно посмотрела ему вслед.

Но он разговаривал по телефону и больше её не видел.

Он был у неё четыре минуты, но вспоминать она его будет долго. А он её – нет.

Такая вот история.

Нина КОВАЛЕНКО пишет стихи и прозу.

Родилась в Ульяновской области. Училась в школе №38, затем в Саратовском геолого-разведочном техникуме и на филологическом факультете Ульяновского педагогического института. С 1972 г. жила и работала в Москве. Всегда интересовалась литературой, выпускала литературные журналы, собрала большую домашнюю библиотеку. В 2017 году по семейным обстоятельствам вернулась в родной город Ульяновск. Публиковалась в подмосковной периодике и в журнале «Симбирск».

О себе пишет так: «По-прежнему горячо интересуюсь литературой и изобразительным искусством. Пишу, рисую, читаю, хожу на выставки, пополняю личную библиотеку произведениями наших ульяновских авторов...».

ХИМИЯ

Рассказ

Очередной раз я отправляла брата Витю с помощью его друга на «химию» в онкологический диспансер. Брат был совсем плох. В такси он лежал на заднем сиденье, положив голову на колени товарища.

В коридоре перед кабинетом – масса народа. Брат не сел на скамейку, он опустился прямо на пол, согнув ноги в коленях, и прислонился спиной к стене. Когда нас вызвали, он не смог встать. На мои отчаянные мольбы вызвали медицинскую машину с носилками. После всех формальностей брата довели до корпуса химиотерапии и на лифте подняли на четвёртый этаж, в палату внесли на носилках.

Он ещё хорохорился, отводил мою руку, когда я старалась ему помочь. Встал с койки, шатаясь, пошёл в туалет в «предбаннике» палаты. Я не успела даже среагировать, когда он резко упал на кафельный пол в туалете, приземлившись на оба локтя. И потом несколько дней мы обрабатывали специальным спреем его сине-красные болячки.

Каждый день с утра, к девяти часам, я ехала к брату в больницу – до обхода врачей надо было «прибраться». Брат считался лежащим – вход мне был разрешён в любое время.

По приходу я убирала пакет с мусором из-под его кровати, мусор валялся обычно и вокруг пакета. Выливала содержимое его «утки» и баночки с рвотой. Поправляла размётанную постель. Закончив уборку, вытаскивала принесённые фрукты и припасы, кипятила воду в бокалах, и мы с братом пили кофе.

У Виктора был хороший молодой сосед по палате, деловитый и отзывчивый. Уходя на ночь, я поручала брату ему. Сосед обучал Витю пользоваться недавно купленным планшетом, у них завязалось общение.

В десять часов утра – обход. В палату заходила очень милая врач Ирина Александровна, высокая, красивая молодая женщина. Когда она входила в палату, все большие мужчины приободрялись, глядя на эту свежую, цветущую женщину в безупречно белом халате. Она улыбалась больным и по очереди расспрашивала их о самочувствии. Обычно меня просили посидеть на время обхода в коридоре. Выходя из палаты, Ирина Александровна обращалась ко мне с мягкой улыбкой: «Ваш брат молодец, не

хандрит, я спросила: какие будут просьбы?» – он ответил: «Чтобы Вы заходили почаще, да неплохо бы в больнице иметь библиотеку».

Через час после обхода кого-то звали на уколы, к кому-то привозили капельницы. Брату ставили капельницы из четырёх пакетов. Он долго лежал неподвижно, боясь сорвать катетер, а я сидела на стульчике у двери палаты и следила за опустошением пакетов, чтобы вовремя позвать медсестру и переключать катетер.

Бывали дни, когда Виктор чувствовал себя лучше и даже вставал, и тогда мы с ним «партизанили»: на верхней площадке боковой лестницы он курил, а я стояла внизу лестницы «на стрёме». Но чаще он лежал в отрешённом забытьи – ему было трудно и больно даже перевернуться на другой бок.

Это был уже пятый раунд «химиотерапии»... Мне казалось, что лежащим на всём этаже был только мой брат. Остальные гуляли по коридорам, сами ходили до столовой, неся в руках небольшие приборчики химиотерапии, провода от которых входили в их тело через катетеры. Мой брат не носил такой приборчик. Он вообще был здесь как бы на «иммунотерапии перед третьей операцией»: я так и не смогла ему сказать, что его третья раковая опухоль признана неоперабельной и всё, чем ему теперь может помочь медицина, это постоянное обезболивание и поддержка организма различными препаратами. Он был приговорён.

Когда Виктор нетерпеливо спрашивал: «Ну когда же операция? Что врачи говорят?» – я беспомощно отводила глаза и мямлила: «Да и мне ничего не говорят определённого. Говорят, ты ослаб, сильно исхудал, нужно сначала иммунотерапию пройти...». После первой операции по удалению левой почки хирург сказал мне: «Что-то там у него всё-таки не очень хорошо...» Но на химию тогда почему-то не послал. Через месяц после первой операции брату вырезали уже вторую опухоль – в мочеточнике – и снова хирург не направил Витю на химиотерапию, его отправили домой с указанием явиться через три месяца на контроль. Хирург уверял, что у брата всё в порядке. Но за эти три месяца выросла большая третья раковая опухоль в эпигастральной области (по всему животу), которая метастазами проникла в нервные окончания. Виктор испытывал сильные

боли в животе. Онколог в районной поликлинике выписал ему уколы морфина, я ездила за ампулами в социальную аптеку, получала их бесплатно по доверенности от брата. В онкологической больнице вместо уколов морфина брату ставили на плечи раз в три дня высококачественный специальный пластырь Фендивия, обладающий обезболивающей силой.

Дома Вите всегда было хуже, чем в больнице. Он уверял, что капельницы поднимают его на ноги – и это действительно было так! К тому же он уже испытывал психологическую зависимость от окружения белыми халатами. И я упрямо возила его «на химию», даже на носилках, для его успокоения.

В палате у Виктора часто менялись соседи, но все быстро привыкали, что на стуле у двери палаты с 9 часов утра до пяти – семи вечера дежурит «сиделка» – это я. Вите, кроме слезки за капельницами, нужно было принести еду из столовой, готовить кофе, подавать воду, при тошноте опорожнять баночку с рвотной массой. Без стеснения я держала в руках узкую, в форме кувшина, пластмассовую «утку», пока брат, тяжело встав с постели на две ноги, держась за моё плечо одной рукой, справлял малую нужду в эту «утку». Потом я помогала ему лечь в постель, расправляла на нём одеяло и бежала в санузел опорожнить и сполоснуть ёмкость. Со стулом у брата было очень плохо, и я покупала в аптеке напротив клизмы с готовым раствором внутри. После этих тяжких для него процедур Виктор, обессиленный, падал, а я отмывала пол, стены и даже ручку двери в туалете...

Я знала, что нужна брату! Вот и сидела днями в душевной палате. Стояло лето – жара нещадная. Витя лежал в одних трусах на постели. У меня сердце сжималось от жалости: на его ножонках не было ни грамма мяса и мускулов – на постели лежал экспонат из кабинета анатомии, то есть попросту скелет. Кожа в морщинах свисала от костей. А ведь всего год назад его тело было красивым, с крепкими мышцами...

Но ни разу Виктор не проявил слабости духа. Он не кричал, не жаловался. В минуты сильной боли только скрежетал зубами. Его губы были всегда плотно сжаты, сухое аскетичное лицо выражало внутреннюю собранность.

Мужчины в палате бывали разные, многие возвращались в «химию» уже в пятый и даже в десятый раз. Были и молодые умники с гаджетами, и старые ворчуны, и храпуны, и неумолчные брюзги. У одного целый день был включён транзистор, другой больной постоянно ругался матом, не обращая на меня внимания.

На улице стояла тридцатиградусная жара, в окна без штор палило солнце. Я специально купила плотную кальку и строительный скотч – лазила по узкому подоконнику и заклеивала окна, двое мужчин стояли внизу и страховали меня. Все были благодарны. Иногда я даже принимала участие в общих разговорах. Как-то в палату вселился «абориген» химиотерапии – на семи койках четверо сразу подняли головы: «Привет, полковник!». Мужчина, плотный, самодовольный, вёл себя авторитарно, раздавал приказания соседям, разглагольствовал

на разные темы, неуважительно говорил иногда «о бабах», сопровождая свои рассказы фривольными подробностями. Как-то раз он обрушился на евреев: «Ну вы посмотрите: все начальники, все главные – евреи! Русских затирают!». Его верные слушатели поддакивали, а я вдруг встряла: «Ну зачем Вы так? Евреи в основном умные и деловые люди, вот они и выходят в главные, а мы, русские, в большинстве своём долго чешем затылок и в лености долго не решаемся двинуться вперёд, лежим и мечтаем на Емелиной печи...».

С одной койки молодой парень восточной внешности ответил мне согласным взглядом. Другие больные смотрели на меня неодобрительно. И я вдруг подумала: зря я встряла, ведь этот полковник своей энергией отвлекает тяжело больных людей от печальных раздумий о своей судьбе. Пусть он в чём-то не прав, но им нужен вот такой уверенный в себе балагур, он поднимает их жизненный тонус...

Я вышла из палаты и отправилась на улицу покурить. На территории в гуще деревьев и кустов прямо за корпусом у больных было своё потайное местечко для курения. «Курить до смерти охота!» – оправдывался один из этих «партизан». Однажды с большим трудом я вывезла сюда брата на кресле-каталке, брат свободно покурив, подышал свежим воздухом и был очень рад.

Через некоторое время Виктор перестал задавать мне вопросы об операции. Может, в палате кто-то «просветил» его. Скорее всего, полковник...

Витя уже два месяца безуспешно пытался пригласить к себе домой священника – своего духовника из церкви им. Александра Невского, где он был примерным прихожанином и до болезни раз в месяц всегда исповедовался и причащался. Эту церковь в данное время реставрировали, там шло большое строительство, и батюшка постоянно был занят. Теперь, лёжа в «химии», брат попросил меня найти ему батюшку для исповеди и причастия.

На территории областной клинической больницы, рядом с онкологией, стоит храм бессеребряников Космы и Дамиана, древних врачей-лечителей. И я рано утром отправилась туда. Красивый храм, богатый, хотя и в реставрационных лесах. На дорожках с купами кустов с красивыми цветами я увидела высокого и мощного телом человека в рясе, с окладистой бородой – он разговаривал с бригадой строителей. Я решила подойти: «Вы здесь батюшка?». Он отошёл от группы рабочих и внимательно меня выслушал. Отец Олег спокойно и ласково сказал: «Передайте брату, чтобы ждал меня завтра в 9 часов утра».

Он сдержал своё слово, несмотря на занятость. Вся палата мне потом рассказывала, как к ним приходил статный и красивый батюшка. Все вышли, и Витя исповедовался и причастился. В тумбочку я клала брату 2000 рублей, чтобы он поблагодарил батюшку, но отец Олег деньги не взял, сказал брату: «Как поднимешься – сам приходи в храм ко мне». В душе я очень благодарна отцу Олегу: причастившись, мой брат стал спокойнее.

После обеда время тянулось для меня томительно: Витя и все остальные обитатели палаты

спали, причем до глубокого вечера. Меня и саму клонило ко сну, но на стуле особо не подремлешь. И брат разрешил мне уходить не в семь вечера, а в три часа дня, когда в палате сонно, спокойно, и нет процедур.

Я всегда уходила от брата в тяжёлом состоянии духа, потому не спешила, шла покурить в ставшую уже привычной компанию людей в тапочках в потайном месте за корпусом. На этот раз издали ещё услышала дружный смех. Душа компании, плотный бодрячок рассказывал анекдоты. Я поразились тому, какие это были анекдоты: раковые больные шутили даже о смерти. «Лежат в палате двое раковых, один другого спрашивает: «Ты кем работал?» – «Могилы на кладбище копал». – «Ну как, от чего люди больше всего умирают, от рака?» – «Да нет, ведь на венках всё написано: «От коллег», «От родных», «От друзей», «От семьи»...». Все снова дружно рассмеялись. Один сидел с очень унылым видом, с опущенной к земле головой. Бодряк хлопнул его по плечу: «Да погоди ты себя хоронить! Вот ведь сидим, курим, веселимся – значит, ещё поживём! И вообще, ты что, не знаешь: у Бога нет мёртвых, у него мы все – живые. Встретимся все ТАМ – и опять будем травить анекдоты!». Унылый слабо улыбнулся в ответ.

На улице, по которой я тащусь от больницы до трамвая, находится городская тюрьма – мрачное четырёхэтажное серое здание с рядами проволоки поверх высокого, грязного бетонного забора и решётками на окнах. Интересно: там, в камерах, слышен уличный шум? Окна такие запылённые! На тротуаре напротив тюрьмы прыгают и размахивают руками молодая женщина и трое детей лет 4, 7 и 11-и. Они смотрят в пыльное окно на четвёртом

этаже и кому-то приветственно машут руками, что-то кричат. Свидание через окно и через дорогу... Вот ведь и в таком месте есть жизнь и Надежда!

Уходя домой всякий раз в тягостном настроении, я не осиливаю долгую дорогу до остановки трамвая, по ходу есть хороший зелёный сквер с уютными скамеечками со спинками. Здесь я каждый день присаживаюсь перекурить. Сижу, размышляю, виню себя: почему после первой операции молча согласилась с хирургом и не настояла на обязательной химии для брата?! Почему три месяца выжидала приглашения «на контроль»? Надо было уже через месяц пойти на МРТ, проверить брата изнутри и – бежать в больницу! Кто здесь прав, кто виноват, и изменилось бы что-нибудь от вмешательства моей воли? Эти вопросы будут мучить всю жизнь...

Я сидела на скамье и тупо смотрела в асфальт дорожки. Вдруг заметила: по асфальту ползут две красненькие маленькие букашки, сцепленной двойкой, быстро-быстро перебирают лапками. Подумалось: торопится семья домой, дружная парочка. И нежность осветила душу. Все мы: и люди, и вот эти букашки – божьи твари, должны любить и уважать друг друга. Невольно я стала ревниво следить, чтобы рассеянные прохожие не раздавили эту парочку. Поднявшись со скамьи, я встала над ползущими букашками, чтобы люди меня обходили. Беспокойство не унималось: вот ведь в следующий раз кто-нибудь раздавит этих божьих тварей! И вспомнились слова бодряка, что мы и ТАМ продолжим жить и делать обычные свои дела. значит, и букашки ТАМ добегут до своего дома благополучно.

И я впервые за эти дни светло улыбнулась...

СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА

Два года я не могла купить себе стиральную машину. Откладывала деньги с пенсии, копила. Но тут неожиданно сильно заболел мой любимый братишка. И все мои заначки ушли на платные анализы, на ампулы с дорогими уколами. Брат болел целый год. Полгода назад рак добил его, и это горе ещё долго будет мучить мою душу. Я снова копила деньги, стиральная машина стала вождеденной. И вот, наконец, я помчалась по магазинам бытовой техники. Купила. Привезли. Установили. Собрав и выбросив упаковочный мусор на помойку, я села на крышку унитаза напротив стиральной машины, чтобы полюбоваться на неё... Но странно: ни радости, ни воодушевления не почувствовала. Моя семья – память да я. И ручной стиркой я вполне обходилась... Задумалась: а так ли уж нужна мне эта новая вещь? Вот брат... Только недавно, к 66 годам, он получил, наконец-то, отдельную квартиру, промучившись всю жизнь на койко-месте в квартире большой родительской семьи, где пьянствующий племянник не давал никому покоя. Братишка только начал энергичный ремонт в новой квартире, как его неожиданно настигла страшная болезнь. И эта отдельная квартира сразу потеряла свою значимость. Куча коробок с неразобранными вещами так и осталась стоять вдоль одной стены и никакого интереса уже

не вызывала. Только полка с иконами напротив изголовья постели теперь привлекала взгляд брата...

Вот и я глубоко задумалась. На кой ляд мне эта стиральная машина?! Вон на столе лежат взятые вчера в библиотеке книги, великолепные стихи и романы, блаженство чтения ожидает меня целую неделю! Вечером забегу в «Одноклассники» и пошлю от всей души «цветочки» моим дорогим друзьям, рассеявшимся по всей России. Снова будут радостные встречи с друзьями детства здесь, в Ульяновске. Летом поеду на деревенскую свадьбу к внучатой племяннице – то-то радость! Да прихвачу с собой акварель – там такая живописная природа! Вот это вождеделение предстоящего страстного творчества по-настоящему волнует. Весной снова на том дереве по пути к дому сестры появится и будет удивлять и радовать шаровидная купа ярко-розовых листьев – как это «японское» дерево появилось тут? Снова будет лето, и ласковое солнце будет гладить теплом кожу, а свежий вечерний ветерок с Волги будет нашёптывать строки новых стихотворений... Вот что важно: то, что видят глаза, что слышат уши, что ощущает кожа, важны мысли в голове, чувства в душе... А стиральная машина – ну что ж, пусть будет, раз уж куплена.

Владимир КОЧЕТКОВ, член Союза писателей и Союза журналистов России, географ, путешественник.

ПОНИМАТЬ ЖИЗНЬ

Рассказ

Тёмным зимним январским утром я вёз младшего сына в садик. Старший приболел тогда и отлёживался у бабушки, а жена чем свет уехала по работе в город. Так вот. Вёз я младшего в садик. Вёз на санках. Зима в тот год была ранняя, снегу навалило много. Тропинку, по которой мы обычно ходили, то и дело переметало, и приходилось тащить санки через сугробы.

В тот день я опаздывал – затянул со сборами на работу. Я злился мне казалось, что не я, а сын долго возится и никак не соберётся. Он старался, как мог – торопливо одевался и застёгивал пуговицы, обуваясь, судорожно поправлял не желавший слушаться носок, время от времени бросая на меня извиняющийся взгляд, лишь шарф позволил повязать мне.

Едва мы вышли за ворота, как он вспомнил о забытой впопыхах коробочке, в которой у него хранились самые заветные его сокровища. Он с ней не расставался – ночью клал с собой в кровать и обязательно брал её в садик. Мне пришлось вернуться за этой коробочкой. Получилось у меня и вернуться домой, и сунуть ему в руки эту забытую им вещицу с раздражением.

В том, что мы опаздывали, виноват был только я, но мне никак не удавалось справиться с этим раздражением. Сын же прижал свою коробочку к груди, и я повёз его, так и не сумев успокоить, усмирить своё недовольство. На повороте санки перевернулись и сын свалился в сугроб. Коробочка его, естественно, раскрылась, содержимое рассыпалось, и он, сбросив варежки, голыми, дрожащими своими ручонками стал собирать то, что там рассыпалось. Только здесь, в этот момент моё дурацкое и сволочное злорадство захлебнулось в молчаливом крике. «Что же это я? Что же я делаю?» Беззвучно обзывая себя самыми последними словами, я сел рядом с сыном и начал собирать вместе с ним его «богатства».

– Перевернулись вот санки, – оправдывался я вслух, страшись увидеть на его лице неудобное мне отношение к этому эпизоду, боясь за себя и за наши с сыном отношения. Я был молод тогда, и моё внимание к собственной персоне было слишком велико.

Но сын простил меня – дети великие психологи и великие люди. Они знают жизнь, вернее понимают её лучше любого из взрослых. Он улыбнулся мне открытой и доброй улыбкой, а я, сшибая ресницами слёзы, гладил его замёрзшие ручонки и бормотал что-то, теперь уже не имеющее никакого значения. Затем поставил санки на полозья, как следует поправил на них одеяло, усадил сына, надев ему на руки свои рукавицы, и мы уже не спеша покатали в садик.

Я опоздал к первому уроку, но опоздание стоило того. Маленький четырёхлетний мальчиш преподнёс мне такой урок благородства, который стоил, наверное, не одного дня моей работы в школе.

Не буду говорить, что тот случай превратил меня в какого-то там хорошего человека. Нет, конечно. Не смогу сказать, что стал смотреть на жизнь по-другому после этого случая. Нет. Это был просто хороший урок, только и всего. Как часто мы нуждаемся в подобных уроках! И сколько нужно пережить, чтобы научиться вот так, как это может маленький четырёхлетний человек, понимать жизнь.

Сергей ГОГИН, журналист, поэт, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

ЛЕТОВ И БАШЛАЧЁВ: ЗАПРОС НА ЛЮБОВЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В декабре на очередной встрече в литературной студии «Восьмерка» поговорили о творчестве Егора Летова и Александра Башлачёва. Это тот случай, когда вопросов осталось больше, чем было получено ответов. Например, как понять, почему нынешние молодые, которые никогда не жили в перестроечные времена и в 90-е годы, интересуются творчеством Летова и Башлачёва и знают его? Потому ли, что в стихах Башлачёва отразился «русский космизм»? Потому ли, что Летов при любой власти был «против» и его анархический меседж принимается с благодарностью? Что подтолкнуло Башлачёва к его финальному прыжку – случайность (временное помрачение ума) или осознанное отчаяние? А мог бы он пережить кризис и дождаться новой волны вдохновения? Или он ушёл, потому что написал всё, что мог и хотел? А чем своё поколение зацепил Летов, да еще настолько, что стал культовой фигурой, ведь его именем даже хотели назвать аэропорт в Омске (именно он победил в голосовании)? Почему именно эти двое стали выразителями чаяний своего поколения?

Кто-то из присутствующих говорил об интересных аранжировках у группы Летова «Гражданская оборона». Лично я их там не наблюдаю: панк – это намеренный редукционизм в музыке, просто Малевич от рок-н-ролла: музыкально

«ГО» сравнима если и не с «Черным квадратом», то с Родченко и кубистами – вполне. Да и Башлачёв, конечно, же, больше поэт, чем музыкант. Музыка для обоих – это лишь повод собраться и собрать аудиторию, средство, а не цель, посредник, атрибут, который прилагается к месседжу. В этом смысле и тот и другой – барды в стилистическом смысле этого слова, как мы их знали в советские годы и после, ведь барды никогда не фиксировались на мелодизме, технике игры. Это – отсутствие намёка на эстетический изыск, антиэстетизм, который становится художественным приемом. У Башлачёва – два, максимум три аккорда и две-три ноты в мелодии. Все остальное – в голосе, в крике или шёпоте, в ритмическом напоре или, наоборот, в былинном тихом переборе (как в песне «Ванюша»). Летов – те же три аккорда и напор, напор, вызов, непременно – ударная фраза в тексте, афористичность, постмодернистическое цитирование, которое есть и у Башлачёва. Оба, вместе с другими рок-исполнителями, как умели, наделили голосом своё поколение (и даже последующие), дали лозунги безъязыкой улице, которая корчилась в припадке своей немоты.

К их текстам я бы отнесся гораздо серьёзнее, чем к музыке, потому что там живёт поэзия, её там легко найти. Башлачёв обладал вполне основательной поэтической техникой, не говоря уже о чисто поэтической образности. Причудливые, парадоксальные образы собирает из словесных кубиков и

Летов, нагружая их антибуржуазной протестной идеей. Его стих «протестует» самой своей абсурдистской тканью. Оба входили в публичную жизнь на переломе эпох, когда темы, подлежащие поэтическому осмыслению, стучались в сердце, как пепел Клааса, и требовали выражения. Башлачёву хватило трёх лет, чтобы всё написать и спеть. Летов высказывался на двадцать лет дольше, пройдя эволюцию от анархизма через национализм к чистой поэзии, мечтал выпустить альбом о любви.

Могу понять участника студии Дмитрия Сергеева, который остался неудовлетворенным, не услышав аргументов в подкрепление мнений, почему Башлачёв «нравится». Задним умом понятно, что и Летов, и Башлачёв стали выразителями стремления молодых к искренности, жажды перемен, чистого воздуха, который развеет годами копившийся в общей комнате спёртый запах парткратического тлена. По этой же причине, возможно, их слушают сейчас: запах тлена и распада густеет, и молодые ждут нового Геракла, который расчистит Авгиевы конюшни номенклатурной и необуржуазной бездуховности. Пока новые гераклы сидят под домашним арестом, молодые слушают «ГО» и Башлачёва. В текстах этих авторов содержался актуальный по тем временам запрос на любовь, справедливость и социальную ответственность, который заново формируется в наши дни.

Александр
Башлачёв

* * *

...Ты звени, звени, звени сердце под рубашкою!
Второпях - врассыпную вороны.
Эй! Выводи коренных с пристяжкой
И рванем на четыре стороны.

Но сколько лет лошади не кованы,
Ни одно колесо не мазано.
Плетки нет. Седла разворованы.
И давно все узлы развязаны.

А на дожде - все дороги радугой!
Быть беде. Нынче нам до смеха ли?
Но если есть колокольчик под дугой,
Так, значит, все. Заряжай – поехали!..

Александр Башлачёв

«Время колокольчиков». Отрывок.

* * *

Егор Летов

Слово моё захудалое
Родилось ты тут ни с того ни с сего
Словно пятая нога у хромой собачонки
В принципе-то понятно отчего
Однако всё ж таки досадно
Не мне так другим,
Прихрамывающим.

16.08.1993

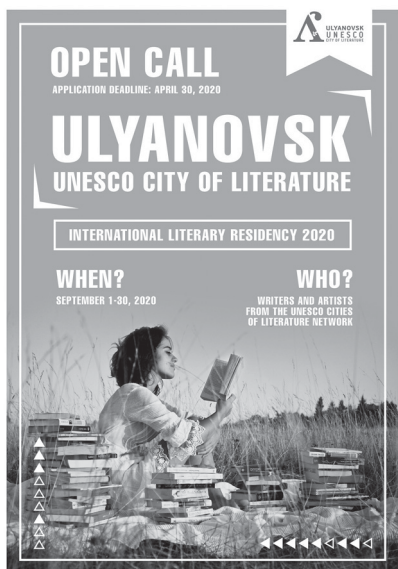
Егор Летов.

Официальный сайт «Гражданской Обороны»
http://www.gr-oborona.ru/pub/rock/egor_letov_stihi.html#ixzz6CE7cVj7M

ULYANOVSK
UNESCO
CITY OF LITERATURE

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

УЛЬЯНОВСК ОБЪЯВИЛ КОНКУРС НА МЕСТО В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ 2020

Заявки в резиденцию принимаются от писателей и художников из зарубежных литературных городов ЮНЕСКО, которые готовы создать текст или литарт-проект, связанный с Ульяновском. Резиденция в Ульяновске, городе литературы ЮНЕСКО, была открыта в 2019 году. Ее первыми гостями стали поэт Андрей Хочева из Любляны и поэт Дэвид Ховард из Данидина, презентации которых вызвали большой интерес, а проекты – возможности для сотрудничества с местными авторами. В этом году заявки принимаются не только от писателей, но также от художников, иллюстраторов, визуализаторов. Подробнее: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

РЕЗИДЕНЦИИ ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ В СЛОВЕНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Ульяновские писатели как авторы из города литературы ЮНЕСКО могут подавать заявки в писательские резиденции в Любляне и Пучхоне на 2020 год. Любляна ждет заявки от писателей и поэтов: два автора будут жить в знаменитом доме Švicarija в красивом парке Тиволи (заявки принимаются до 29 февраля), а Корея – заявки от писателей и иллюстраторов (до 28 февраля). Предоставляется стипендия на оплату проживания и дорожных расходов. Напомним также, что до 1 марта принимаются заявки от детских писателей в резиденцию в Рейкьявике. Информацию об условиях приема заявок в резиденции смотрите здесь: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

Игорь Улитин

ПОЭТ ИГОРЬ УЛИТИН ВОШЕЛ В ШОРТ-ЛИСТ 4-ГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

«ДОРОГА К ХРАМУ»

Фестиваль проводится при поддержке Союза писателей Израиля, Российского культурного центра в Тель-Авиве и известных литературных журналов. Как рассказал поэт и журналист Игорь Улитин дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», на конкурс он отправил три стихотворения в жанре гражданской лирики. Всего в шорт-лист попали 25 авторов из Израиля, России, США и Украины. В фестивале могут принять участие поэты из любой страны, пишущие на русском языке. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ВЫШЛА НОВИНКА МИХАИЛА КАМАЛЕЕВА «МУЗЫКА В КНИГАХ»

Опубликована книга ульяновского писателя Михаила Камалеева. Новое издание – это текстовая версия двух лекций проекта «Музыка в книгах». Одна из них посвящена музыкальному содержанию романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», а вторая – взаимоотношениям Виктора Пелевина с различными рок-музыкантами. Редактором книги выступила журналист Дарья Рыкова. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОВОРКИНГ В УЛЬЯНОВСКЕ

Напомним: в коворкинг-пространстве для писателей Literary Hall (Дворец книги, 3 этаж) авторы могут не только поработать за ноутбуком и обсудить проекты с коллегами, но также выйти на онлайн-связь с писателями, переводчиками разных стран или бесплатно провести мероприятие. Здесь можно почитать книги авторов из других литературных городов ЮНЕСКО. По вопросам проведения мероприятий и писательской работы в литературном коворкинге можно обращаться по телефону 44-30-85 (Антон). Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

Literary Hall

КОВОРКИНГ-ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ В УЛЬЯНОВСКЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

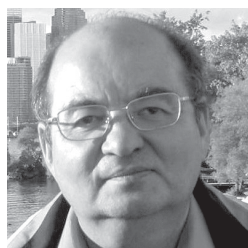
Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulsacityofliterature@gmail.com

Подготовила Гала Узрютова

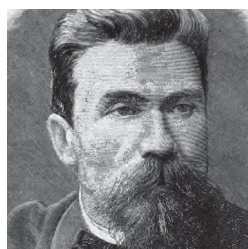

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

МАРТ 2020

1 марта – 70-летний юбилей отмечает прозаик, поэт **Александр Вениаминович Рудкевич**, литературный псевдоним – **Давид Сеглевич** (р. 1.03.1950, г. Сатка Челябинской обл.). Учился в мелекесской школе №3. До 1987 года работал научным сотрудником НИИ атомных реакторов в Димитровграде, затем заведующим лабораторией в Перми. В 1992-м эмигрировал в Израиль. С 1996 года живёт в городе Торонто (Канада). Автор книг «Смена веков» (2009), «Вдруг вспомнилось» (2018). Лауреат Международного конкурса рассказа (2010, Баку).

2 марта – 175 лет со дня рождения писателя **Алексея Дмитриевича Пазухина** (2.03.1845, Симбирская губ. – 8.02.1891, г. С.-Петербург). Окончил Московский университет (1867). Был председателем Алатырской уездной управы, уездным предводителем дворянства (1878 – 1885). Служил правителем канцелярии министра внутренних дел. Автор сочинений «Современное состояние России и социальный вопрос» (1885), «О хозяйственном быте крестьян». Погребён у церкви с. Засарье Алатырского у. Симбирской губ. (ныне Сурского р-на Ульяновской обл.).

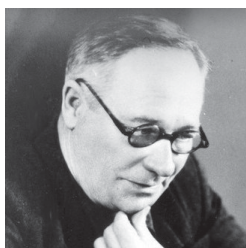
2 марта – 60 лет назад родился немецкий писатель, литературный и театральный критик **Франк Барш** (р. 2.03.1960, г. Хельмштедт). Живёт в Германии; последние десять лет преподаёт в университетах Гейдельберга, Мангейма и Ландау.

Автор романов, стихов, радиопьес. Литературовед, занимается теорией литературы и издательского дела. С 17 по 25 августа 2018 года участвовал в Днях Германии, проводимых в Ульяновске; курировал работу мастерской для молодых ульяновских писателей и поэтов в Доме культуры им. 1 Мая.

2 марта – 45-летний юбилей отмечает писатель **Алексей Вячеславович Цветков** (р. 2.03.1975, г. Нижневартовск). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1998). С 2015 года книжный обозреватель интернет-издания Газета.Ru. Автор книг «Анархия

non stop» (1999), «Суперприсутствие» (2003), «После прочтения уничтожить» (2009), «Король утопленников» (2014), «Марксизм как стиль» (2016) и др. Был в Ульяновске 28 сентября 2017 года; прочитал в кино-театре «Мувиз» лекцию «Марксистская теория культуры и кино».

8 марта – 130 лет со дня рождения шахматиста, поэта **Сергея Павловича Храмовца**, псевдоним – **Воцмарх** (8.03.1890, г. Симбирск, ныне Ульяновск – 3.01.1968, там же). Учился в Симбирском коммерческом училище. Работал учителем истории в средней школе №1,

автомеханическом техникуме. С 1911-го до середины 1950-х годов был лучшим шахматистом города. Всю сознательную жизнь сочинял стихи. Сотрудничал с Домом народного творчества, публиковался в альманахах «Самородок» (1919), «Стрежень» (1928) и др.

8 марта – 115 лет назад родилась поэтесса, прозаик **Людмила Ивановна Пирогова** (8.03.1905, пос. Новые Санжары, ныне Полтавской обл. Украины – 26.01.1975, г. Ульяновск). С начала 1950-х гг. жила в Ульяновске, работала в Госархиве Ульяновской области. Стихи публиковала с 1930-х годов, прозу с 1954-го. Автор повести «Генератор чудесного ветра» (1953), стихотворения «Рисунки на скалах Тассили» (1963), сказок для детей «Ткачиха-радуга» (1960) и «Неумеха-умелочка» (1968), сборника «Капля живой воды» (1976) и др.

8 марта – 25-летний юбилей отмечает поэтесса **Алёна Ипанова**, творческий псевдоним – **Мирослава Бессонова** (р. 8.03.1995, г. Уфа). Победитель литературного турнира «Библиотека открывает таланты» (2015, Самара). Публиковалась в журналах «Русское

эхо», «Бельские просторы», «Молодёжная волна», «Персонаж» и др. Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова; была в Ульяновске 2 февраля 2019 года на вручении премии в Торжественном зале Дворца книги. Автор поэтических сборников «Летающий дом» (2015), «Меланхолия» (2019).

12 марта – 60 лет со дня рождения поэта, журналиста **Вячеслава Георгиевича Щепкина** (р. 12.03.1960, г. Москва). С 2004-го по 2011 год трижды приезжал в Ульяновск для поиска материалов об отце, учившемся в 1930-х годах в Ульяновском танковом училище;

подготовил очерк о нём для книги «Ульяновские танкисты на защите Отечества». Автор поэтических сборников «Тайна тайн» (2004), «Август сердца» (2012), «Стихи наших дней» (2016) и др. Издал книгу о художнице Наде Рушевой «Удивляйтесь, люди!» с репродукциями её рисунков.

13 марта – 60-летний юбилей отмечает поэтесса **Вера Юльевна Липатова**, псевдоним – **Вера Вербина** (р. 13.03.1960, г. Нижняя Тура Свердловской обл.). Окончила Ульяновский педагогический институт (1983). Доктор педагогических наук (2007). Профессор кафедры риторики и культуры речи МГПУ. С 2003 года участвует в международных фестивалях верлибра (Москва, С.-Петербург, Тверь). Автор книг «Восемь лирических героинь», «Диалоги Богов» в соавторстве с А.А. Четвёркиным, «ВЕРЛИБром говорим», «Версии себя самой».

и культуры речи МГПУ. С 2003 года участвует в международных фестивалях верлибра (Москва, С.-Петербург, Тверь). Автор книг «Восемь лирических героинь», «Диалоги Богов» в соавторстве с А.А. Четвёркиным, «ВЕРЛИБром говорим», «Версии себя самой».

14 марта – 90 лет назад родился журналист, писатель **Василий Михайлович Пешков** (14.03.1930, с. Орлово, ныне Новоусманского р-на Воронежской обл. – 12.08.2013, г. Москва). Автор книг «Шаги по росе» (1963), «Ржаная песня» (1971), «Дом с петухом» (1987)

и др. В 2007 году побывал на родине А.А. Пластова в селе Прислониха, посетил музей художника. Опубликовал в «Комсомольской правде» очерк об этой поездке «Я всем обязан деревне», который в 2014 году был использован в Ульяновске при проведении «Тотального диктанта».

15 марта – 70-летний юбилей отмечает писатель **Камилль Фарухшинович Зиганшин** (р. 15.03.1950, с. Кандры-Аминево Кандринского р-на Башкирской АССР, ныне в черте с. Кандры Туймазинского р-на Республики Башкортостан). Автор повести «Боцман» (2002), романов «Скитники» (2004), «Золото Алдана» (2010) и др. Член Союза писателей РБ (1995). Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова за книгу «Возвращение россомахи»; был в Ульяновске 17 июня 2018 года на вручении премии во Дворце книги.

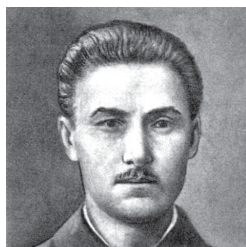
16 марта – 95 лет со дня рождения поэта **Юрия Викторовича Чежегова**, литературный псевдоним – **Юрий Чез** (16.03.1925, г. Лысьва Уральской обл., ныне Пермского края – 29.10.2005, г. Ульяновск). Окончил школу в Ульяновске. Работал учебным мастером в Ульяновском политехническом институте (1967 – 1982). Член литобъединения «Надежда». Стихи публиковались в газетах «Ульяновский комсомолец» и «Ульяновская правда», журнале «Карамзинский сад». Автор поэтического сборника «Стихи. Избранное» (2005).

18 марта – 155 лет назад родился журналист, писатель **Матвей Васильевич Головинский** (18.03.1865, с. Ивашевка Симбирской губ. – 1920, г. Петроград, ныне С.-Петербург). Работал журналистом в России, затем во Франции в газете Le Figaro. Сотрудник Охранного отделения, позже член Всероссийской федерации анархистов-коммунистов. Автор книг «Доктор-Фауст. Из записной книжки писателя» (1910), «Чёрная книга германских зверств» (1914) и др. Ему также приписывается авторство текста «Протоколов сионских мудрецов».

20 марта – 60-летний юбилей отмечает педагог, журналист, писатель **Марина Семёновна Аромштам** (р. 20.03.1960, г. Москва). Окончила Московский педагогический институт. Около 20 лет посвятила преподавательской деятельности. С 2000 года главный редактор газеты «Дошкольное образование». Приезжала в Ульяновск 1 марта 2014 года; провела встречу с читателями в детской библиотеке №24. Автор сборников прозы «Когда отдыхают ангелы», «Мохнатый ребёнок», «Как дневник», «Другая дорога», «Ворон Клара и яблочный год» и др.

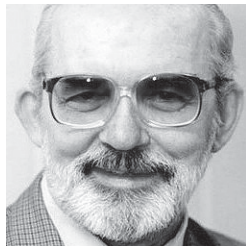
22 марта – 160 лет назад родился чувашский этнограф, очеркист **Никифор Михайлович Охотников** (22.03.1860, д. Чувашская Чебоксарка Чистопольского у. Казанской губ., ныне Нововешминского р-на РТ – 10.02.1892, г. Казань). Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу (1879), где преподавал математику и физику (1880 – 1888). Автор очерков «Записки чувашина о своём воспитании» (1888), «Приволжские чуваша» (1893). Совместно с В.К. Магницким написал главу о чувашах для книги «Поволжские города и селения».

25 марта – 120 лет со дня рождения чекиста и поэта **Якова Григорьевича Блюмкина** (25.03.1900, г. Одесса – 3.11.1929, г. Москва). Писал стихи, публиковался в газетах «Одесский листок» и «Гудок», в журнале «Колосья». Подписал вместе с С.А. Есениным и А.Б. Мариенгофом один из вариантов «Манифеста имажинистов». В августе - октябре 1917 года находился в Симбирске; был избран в Симбирский совет крестьянских депутатов. После Октябрьской революции вернулся в Одессу. В 1918 году убил германского посла Мирбаха.

25 марта – 90 лет назад родился итальянский путешественник, автор мемуаров **Карло Маури** (25.03.1930, д. Ранчоди-Лекко, Ломбардия, Италия – 31.05.1982, г. Лекко, Ломбардия, Италия). Участник морских экспедиций Тура Хейердала на папирусных лодках «Ра» (1969) и «Ра-2» (1970), камышовой лодке «Тигрис» (1977 – 1978). Через год посетил Советский Союз, совершил путешествие по Уралу и Сибири. Был в гостях в Ульяновске 26 августа 1979 года. Автор изданной в Москве книги воспоминаний «Когда риск – это жизнь!» (1986).

29 марта – 85-летний юбилей отмечает журналист, писатель **Владимир Борисович Ионов** (р. 29.03.1935, г. Ярославль). Окончил философский факультет МГУ (1968). В 1971 – 1973 гг. был собкором ТАСС по Ульяновской области. Член Союза писателей СССР (1973). Печатался в журналах «Октябрь», «Волга», «Нижегород», «Эхо планеты» и др. Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор книг прозы «Впереди огонь», «Земные хлопоты», «Гончарный круг», романов «Житие тщеславного индивида», «...А родись счастливой» и др.

30 марта – 90 лет исполняется прозаику **Петру Григорьевичу Маркину** (р. 30.03.1930, с. Елаур Сенгилеевского р-на Средневолжского края, ныне Ульяновской обл.). Окончил Сенгилеевское педагогическое училище, Чувашский педагогический институт им. И.Я. Яковлева. Работал в га-

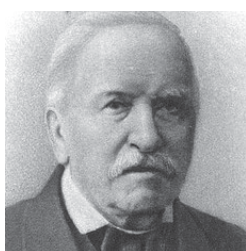
зетах, на телевидении. Автор книг «Сын лесника» (1961), «Багряный клён» (1973), «Выплач» (1978), «Кебрачо» (1980), «Отцвела калина» (1999), «Не опустеет колыбель» (2003) и др. Член Союза писателей СССР (1976). Живёт в Чебоксарах.

30 марта – 60-летний юбилей отмечает историк **Рафаиль Валеевич Шайдуллин** (р. 30.03.1960, с. Лабитово Новомалыклинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Казанский университет (1987). С 1990 года в Институте Татарской энциклопедии АН РТ; руководитель Центра энциклопедистики

(с 2015). Автор учебных пособий по истории России и Татарстана, трудов «Крестьянство Казанской губернии в 1860 – 1910-е гг.» (2013) и др. Лауреат Гос. премии РТ за участие в разработке «Татарского энциклопедического словаря» (2005).

250 лет назад родилась писательница, драматург, актриса **Аграфена Ивановна Жадовская** (1770-е гг., г. Симбирск – ?, г. С.-Петербург). Родилась в дворянской семье симбирского масона и помещика И.В. Жадовского. Организовала в Симбирске молодёжный театральный кружок, ставивший спектакли в доме её отца. Перевела с французского языка пьесу «Английский купец Бот», которая в феврале 1804 года была поставлена ею в Симбирске. Сама выступала на сцене домашнего театра. Исполнила роль Пальмиры в трагедии Вольтера «Сеид».

220 лет со дня рождения декабриста, автора мемуаров **Николая Романовича Цебрикова** (1800, г. С.-Петербург – 1866, там же). За участие в восстании декабристов в 1826 был разжалован в солдаты, лишён дворянства и выслан в действующую армию на юг России. По дороге на Кавказ жил некоторое время

в Симбирске. Автор мемуарных очерков «Анна Фёдоровна Рылеева», «Воспоминания о Кронверкской куртине», «Алексей Петрович Ермолов», «Офицер Дашкевич» (опубликованы А.И. Герценом в 1861 году в Лондоне).

210 лет назад родился беллетрист **Павел Васильевич Ефёбовский** (1810, г. Сенгилей Симбирской губ. – 13.01.1846, г. С.-Петербург). Из обер-офицерских детей. Учился в Казанской гимназии, затем в Казанском университете, который окончил в 1830 году со званием кандидата. В 1832 году переехал в Петербург, где в 1840-м начал литературную деятельность. Автор повестей «Мамзель Катишь, или Ловля женихов», «Адам Адамович фон Женихсберг, или Ловля невест», «Счастливый брак», «Гувернантка», «Досужие люди» и др.

175 лет назад родилась мемуаристка, историк литературы **Наталья Александровна Татаринова**, в замужестве Островская (1845, с. Новая Ерыкла Сенгилеевского у. Симбирской губ., ныне Тереньгульского р-на Ульяновской обл. – 1910, ?). Детство и юность провела в Симбирской губ. В Петербурге её домашним учителем был Н.А. Добролюбов. Написала мемуары об И.С. Тургеневе, Н.П. Огарёве, Н.А. Добролюбове, А.Ф. Писемском и др. Автор рассказов для детей, повести «Воспоминания», записок «История одной ссылки» и др.

145 лет со дня рождения поэта-самоучки **Михаила Никитича Белова** (1875, д. Васильевка Симбирского у. Симбирской губ., ныне Ульяновского р-на Ульяновской обл. – не ранее августа 1938, ?). Учился в сельской школе. В начале 1890-х гг. отправился скитаться по свету. Первые стихи опубликовал в 1905 году. Печатался в изданиях симбирского литератора Н.Н. Ильина. В 1910 году выпустил свой первый и единственный сборник стихотворений. После революции участвовал в работе литературного объединения «Дом народного творчества».

145 лет назад родилась татарская поэтесса **Хадича Сунгатулловна Шаммасова**, псевдоним – **Сунгатзаде** (1875, с. Татарский Калмаюр Ставропольского у. Самарской губ., ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 9.05.1949, там же). Получила домашнее образова-

ние, занималась обучением девочек в родном селе. Автор поэтических сборников «Девичий сад» (1913), «Утренний ветер» (1914), неопубликованного рассказа «Обманулась не Гаухар, а Мурад». Некоторые стихи вошли в коллективный сборник «Искры надежды» (1988).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ МАРТА

Сергей ХРАМЦОВ (1890 – 1968)

* * *

Прямо с Волги, рек царицы,
Где наивны острова,
Мы пришли к тебе учиться,
Прапрабабушка Москва.

Наши школы, где глаголы
Навевают лень и сон,
Наши доли, наши сёла
Низкий шлюют тебе поклон.

Мы весёлою оравой
Вдоль по улицам пойдём:
Всё сияет – слева, справа -
Электрическим огнём.

Ты звони, звони, звонница,
Переливный перезвон;
Прямо с Волги, рек царицы,
Мы приехали учиться,
Отряхнувши лень и сон.

Поклонясь Москвы святыням,
Всех обнимем, всё поймём!
Мы Царь-колокол поднимем,
Мы Царь-пушку повернём.

С нами мощь родного края,
С нами песни мужика:
«Эх, ты, Волга, мать родная,
Волга – русская река».

1915

* * *

С войной Гражданской что сравнится?
Какие бурные года!
«Красноармейские страницы»
Я редактировал тогда.
И я воспринимал как грозы
Приказы Швера по утрам:
«О казни Либкнехта и Розы
Передовую пишешь сам!»
Пальто в прихожей быстро сбросив,
Ко мне, обычно по ночам,
Звонил Варейкис, сам Иосиф,
Чтоб знать о сводках по фронтам.

Мирослава БЕССОНОВА (р. 1995)

* * *

Сквозь неба распоровшегося серость
просачивалась снега белизна.
Всё засыпало, и всему хотелось
не верить в пробужденье после сна.

Ломалось и хрустело под ногами
вчерашних луж нетвёрдое стекло.
Но нам воспрянуть духом помогали

слова о том, что время истекло.

Зима шагнула в город, как впервые,
минуя протяжённый виадук.
Я видел вновь её глаза слепые,
и впалость щёк, и узловатость рук.

На снег легла, как траурная лента,
тропа, запечатлев её шаги.
Зима осталась, сжалившись над кем-то,
и всем земным законам вопреки.

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе ночь орудует сонным ядом,
а июньские травы пахнут дегтярным мылом...
Я не видел того, во что упирался взглядом,
лишь уехать мечтал, но поезд промчался мимо.

Я былое сжигал (и сам же потом гасил), но
не сумел устремиться в небо свободной птицей.
Этот город сжимает сердце моё так сильно:
невозможно продолжить жизнь за его границей.

Значит, я остаюсь. Навечно. До самой смерти.
В эпицентре дорог, мостов и домов высотных,
в густоте голосов, танцующих в круговерти...
Может, это и есть единая цель свободы?

Значит я остаюсь, как эхо затихшей речи
(знай, преамбула к ней на деле гроша не стоит).
Этот город вонзился в сердце моё картечью.
Самый опытный врач не вынет его без боли.

Вячеслав ЩЕПКИН (р. 1960)

AB OVO

А тот, Кто запустил земной отсчёт,
Должно быть, Сам не знал – чем обернётся
Эксперимент, что жизнью назовётся,
Каких энергий выйдет переплёт.
Предметен и глубинен сей урок,
И плод его – живуч и беспримерен.
Творец меж нас – он зре современен,
И не намерен подводить итог.
И если б прояснить хоть кто бы смог,
Что есть реальность – всемогущье веры
Или свободный поиск тех дорог,
Что движут все материи и сферы?

НАДЯ РУШЕВА

В семнадцать лет окончен путь...
Ушла ещё одна Надежда.
И после смерти – памяти одежды.
Лишь человека не вернуть.

Но счастье, что она была
В полёте линий этих звонких,
Что трепетной душой девчонки
Постигнуть Пушкина смогла.

Что из отпущенного ей
Судьбой, безжалостной и строгой,
Она прошла своей дорогой
Среди надуманных страстей.

Но счастье, что она была,
Когда, устав от будней мира,
Искали мы себе кумира
Под окуджавские слова.

И, приникая благодарно
К её истокам красоты,
Находим, будто первозданно,
Свои надежды и мечты.

Находим в росчерках ребёнка,
Рисунках вечно юных лет
И прозорливый взгляд потомка,
И озарений предков след.

В семнадцать лет окончен путь...
Ушла ещё одна Надежда.
И человека не вернуть,
Но в сердце память искрой брезжит.

Вера ЛИПАТОВА (р. 1960)

* * *

любовь моя
к тебе
литературная условность
как и твоя
ко мне
литературный штамп

* * *

меня
невозможно бросить
как невозможно
подобрать
я
не валяюсь

* * *

любовь не карьера
инициатива
приносит
одни поражения

* * *

и зависть
и ненависть
и ревность
и любовь
и всё в стихах
только
в стихах

* * *

абсурд
начинает ощущаться
когда
не предвидится
дальнейший диалог

* * *

я принимаю форму ребра
того мужчины
который сегодня
со мною рядом

Юрий ЧЕЖ (1925 – 2005)

ГРОЗА

Люблю раскатистое эхо
От перестрелки в облаках,
И молний грозную потеху,
И пробуждающийся страх;

Люблю стремительные струи,
Дождя ликующий напев,
Прозрачных капель поцелуи
И шелест мокнущих деревьев.

Свежа прохлада, воздух влажен,
Даль — кружевная пелена...
Земля, иссохшая от жажды,
Парным дождём напоена.

А там и ситничек судачит -
Сам ливень где-то далеко.
И вот уже и краски ярче,
И снова дышится легко!

СЛОВО О БУНИНЕ

*Памяти руководителя литобъединения «Надежда»,
поэта А.С. Бунина*

Его струна во мне звучала,
Порой будила по ночам,
И я искал своё начало,
Ушедшее по мелочам.

А он всегда без состраданья
Сырое слово гнал в отвал,
И до последнего дыханья
Надежду он не предавал.

К нам приходил с душой открытой,
Не только в женщин был влюблён:
Он никого не гнал сердито,
А лишь шумел, как рослый клён.

И стих его, как подobaет,
Живой строкой идёт ко всем:
Поэты только умирают,
А не уходят насовсем!

Михаил БЕЛОВ (1875-?)

ЛЮДИ

Люди – жалкое творенье:
Нынче живы, завтра нет,
Ищут в миро обновленья,
Ищут правду, ищут свет.

Все стремятся к мирной цели
И, настроив целый ряд
Храмов богу и науки, –
Всё ж в душе питают яд...

Пусть попробует, кто смелый,
Показать им верный путь,
Не дай бог; забьют до смерти
За пустяк какой-нибудь...

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Я лишний здесь. Меня считают
Бездомным, грубым пришлецом...
Прощайте все, кто унижает,
И ненавидит кто тайком.

Прощайте все... Я вновь по свету
На днях иду к чужим краям,
Для бедняка здесь места нету,
И где оно – не знаю сам.

Быть может, я, судьбе покорный,
В последний раз в родном краю
Тебе, весна, и жизни вольной
Привет сердечный пропою.

БЕЗДНА

*Я знаю только то,
что я ничего не знаю.*

Сократ

Не знаю я, где день рассвета,
И жизнь зачем я испытал,
Ничтожен я, как искра света.
И свет – начало есть начал.

Не знаю я, с какого время
Бегут ручьи, шумит волна,
И для чего родилось бремя,
И наша жизнь вражды полна.

Не знаю я, кто в чём повинен,
К чему придёт людской весь род.
Кто очень слаб иль слишком силен,
Вовек мой ум не разберёт.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ МАРТА

Давид СЕГЛЕВИЧ (р. 1950)

СМЕНА ВЕКОВ (отрывок из книги)

Первый раз в жизни я познакомился с настоящим живым писателем, когда мне было восемь лет. У нас появился новый директор школы, и учительница с некоторой гордостью сообщила нам, второкурсникам, что наш директор пишет рассказы и публикует книги. Через неделю я увидел в книжном магазине напечатанную типографским способом афишку: «В Ульяновском книжном издательстве вышел в свет сборник рассказов Ивана Хмарского «Вечер встречи».

Происходило сие в Мелекесе, который в ту пору ещё оставался грязной заволжской слободой. Не было ни института атомных реакторов, ни автозавода, прославивших впоследствии этот небольшой город под именем Димитровграда. Были серые дома с тесовыми заборами, палисадники с неприменной мальвой, бараки строительных рабочих, лагерь с колючей проволокой и вышками по углам. Каждый образованный и интеллигентный человек резко выделялся на этом невзрачном фоне. И было таких немного. Если и появлялись, то чаще – ссыльные, которым после лагеря не разрешалось жить в больших городах.

Никто точно не знал, как Хмарский объявился в нашем городке. Ходили слухи, что когда-то он был на дипломатической работе и занимал довольно высокий пост, а потом ему пришлось буквально бежать. Он скрылся из Москвы, с глаз высокого начальства, а иначе не носить бы ему головы в те послевоенные годы, когда волна репрессий вновь начала вздыматься. Как мы скоро увидим, слухи эти оказались не просто обоснованными, а буквально

протокольными.

Этот среднего роста худой мужчина лет сорока пяти безусловно обладал тем, что сегодня называют харизмой. Его уважали все, даже школьники, обычно редко уважающие своё начальство. Тот самый случай: уважали, а не боялись. Кстати, вы встречали директора школы, никогда не повышавшего голос? Таким он был. Голос мягкий, негромкий. Всегда гладко выбрит, и оттого щёки его отливают синевой, как обычно бывает со жгучими брюнетами. И сейчас, полвека спустя, ясно слышу, как Иван Дмитриевич обращается к какой-то малюхонькой девчужке:

– Что ж ты, голубушка, так рано в школу пришла? Посидела бы дома, почитала бы что-нибудь...

А вот наша знакомая, местная старожилка, спрашивает, кто у меня директор школы.

– У нас очень классный директор! Хмарский.

И мне приятно видеть, как ползут вверх её брови, как будто это я сам отыскал для своей родной школы такого главнокомандующего.

– Ого! Так вот кто у вас директор!..

Жена Ивана Дмитриевича, Мария Фёдоровна, была заметно моложе мужа. Дородная крупная женщина из местных жительниц. Спустя несколько лет, в другой школе, она вела у нас математику и была завучем. Уж она-то не стеснялась голос повысить. Каждому было ясно, кто у Хмарских капитан, ведущий семейный корабль. Поженились они вскорости после приезда Ивана Дмитриевича в наш город, а институт она кончала уже потом. Математику мы знали неплохо. С нашей учительницей было не до шуток...

Однажды Мария Фёдоровна дала мне специальный сборник задач и велела готовиться к школьной математической олимпиаде, которую сама и организовала. Я был довольно послушным и прилежным школьником. К тому же готовиться к олимпиаде и участвовать в ней оказалось делом страшно увлекательным... Затем последовали новые задачи и подготовка к городской олимпиаде, на которой я неожиданно занял первое место. Так что, выражаясь суконым языком традиционной журналистики, именно Мария Фёдоровна определила мой дальнейший путь в науку...

Мы жили в одном дворе. В те былинные времена соседство предполагало общение. Дочь Хмар-

ских, Татьяна, – годом меня старше... Я бахвалюсь:

– Мой отец в школе учил немецкий, в институте – английский, а потом сам выучил французский.

– Надо же! И мой тоже: в школе – немецкий, в институте – английский, а французский – сам.

– И ещё мой отец замечательно рисовал и писал маслом.

– И мой тоже пишет картины...

Про игру на фортепиано речь в тот раз не зашла, но однажды, подойдя вечером к актовому залу (мы учились во вторую смену), я услышал музыку. Заглянул тихонечко. Директор сидел за роялем. Играл Шопена...

Алексей ПАЗУХИН (1845 – 1891)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ И СОСЛОВНЫЙ ВОПРОС *(отрывок из книги)*

Вдумываясь в минувшие судьбы русского народа, рассматривая исторические события в связи с началами нашего государственного быта, мы не найдём в этом десятивековом прошлом никаких оправданий тому губительному шагу, который сделало правительство прошедшего царствования, подорвав целым рядом реформ сословные начала русской жизни. Обыкновенно в оправдание этих реформ ссылаются на дух времени, на идеи, выработанные западно-европейской жизнью. Не отвергая значения идей, мы думаем, что не следует игнорировать факты.

Исторический опыт нам говорит, что применение заимствованных идей может быть плодотворно, если они не противоречат национальным началам жизни; но преступно, ради каких бы то ни было доктрин, приносить в жертву интересы народа и государства. Политическая и социальная нивелировка в некоторых государствах Западной Европы была результатом борьбы сословных корпораций и совершилась в удовлетворение интересов одного класса, так называемого третьего или среднего сословия, в руках которого скопились материальные и умственные богатства, и который в силу этого потребовал влияния на ход политических дел.

Мы позволим себе спросить, во имя чьих интересов совершена социальная нивелировка в России? Что приобрёл народ и что выигрывает правительство от упразднения сословий? В последнее время лучшие умы на Западе протестуют против теории, коей господство превратило крестьян в батраков, а дворян в придворных чиновников, и вместо крепостного права землевладельцев установило худшее крепостное право — ростовщиков. Если германские учёные, поняв, что на процветании крепких сословий зиждется сила страны, заняты мыслью о поддержании крестьянских дворов и дворянских имений, во сколько же раз мы, русские люди, имеем большее право поднять голос в защиту русских сословий и заняться изысканием мер к обеспечению правильного хода сословной жизни...

Из обзора реформ прошлого царствования мы видели, что в деле разрушения сословной организации первое место, несомненно, принадлежит Земскому и Городовому положениям. Означенные законы, устранив наши сословия, эти единственные общественные или земские силы России, ото всякого влияния на ход общественных дел, остановили развитие народной жизни, сделали невозможным всякое движение вперёд. Правительство при современных условиях политической жизни, при сложных потребностях управления, не может удовлетворяться средствами одной бюрократии и должно опираться на содействие общественных элементов.

В настоящее время, благодаря Земскому и Городовому положениям, все связи правительства с сословиями порваны, и правительство вынуждено искать содействия не в этих исторических общественных составах, которые обладают активной силой и могут дать опору, а в тех учреждениях, состоящих из случайной и бессвязной толпы, которые являются источником нашей смуты и нашей слабости. Правительство не может питать доверие к этим бессословным учреждениям, которые не имеют никаких охранительных свойств и могут быть лишь силой отрицательной, оппозиционной; а между тем, эти бессословные учреждения составляют фундамент современного политического порядка. Оставляя неисправленным фундамент, выстроенный из негодного и разрушающегося материала, бесполезно приступать к перестройке здания. Без изменения главного основания, на котором построены Земское и Городовое положения, будут бесплодны все попытки преобразовать местные учреждения.

Реформа земских и городских учреждений должна состоять в замене бессословного начала сословным, в установлении представительства от сословий вместо представительства от случайных групп разного рода имущественников. Такая реформа безусловно необходима в интересах государственной политики.

Алексей ЦВЕТКОВ (р. 1975)

КОРОЛЬ УТОПЛЕННИКОВ *(отрывок из книги)*

Партизаны сразу всё поняли. Они ведь не дураки, при всей их некоторой театральности. И закричали: «Ни за что!» – отрицательно потрясая косматыми головами. В конце концов они рассчитывали на торжественную публичную казнь. В толпе зрителей наверняка оказались бы их знакомые, родственники, поклонницы, на которых они в последний раз посмотрят с эшафота мудрым, гордым и всепрощающим взором. Многие уже начали разучивать движения и жесты, как именно они взойдут на эшафот. Это был бы незабываемый балет гражданской смерти. А тут им никакого эшафота, и зовут в новогодние ряженные.

– Казнь – это негуманно, – запротестовал Президент, – к тому же вас тогда будут любить как мёртвых партизан, растоптанных жестоким тупым миром. А я хочу, чтобы вас любили как живых Дедов Морозов.

И с этими словами Президент открыл в стене каземата какую-то дверку, которую прежде партизаны не замечали, и повернул там какую-то ручку вроде рубильника. Он убедился, что упрашивать пленных бесполезно и они всё сами поймут потом. Партизаны, один за другим, начали кивать, но не оттого что согласились быть Морозами, а потому что вдруг захотелось вздремнуть, все сразу вспомнили, как же давно они не спали, и у всех зачесались глаза, а Президент быстро вышел в коридор, и охрана закрыла за ним дверь. Это был усыпительный газ, проверенное средство. И наш герой вроде бы хотел взбодрить товарищей обсуждением того, как же это они действительно так некритично перепутали аполитичный салют с идеологически выдержанной стрельбой, почему настолько неверно истолковали эти городские звуки, ведь если такова средняя адекватность их представлений, то... и даже открыл было рот, но средство проверенное, и героя, как и других, мигом сморило, только и успеешь тут бороду под щеку подсунуть.

Проснулись они так же дружно, на Главной Площади города, рассаженные вокруг самой высокой ёлки, все в красном, нарядном, тёплом, и перед каждым пухлый завязанный мешок из блестящей тка-

ни. Кое-кто даже сунул нос в эту торбу, нет ли там прежней одежды? Но это было смешно, и выбора оставлено не было. Бороды и волосы всех бывших партизан были выкрашены в снежный цвет, и всем им шибало в нос запахом несмываемой краски из баллончика, какой опыляют автомобили. Президент приветливо кивал им из Главного Окна Главного Здания на Главной Площади. Его план только начинал воплощаться.

Вот на площади появился как бы случайно первый ребёнок – румянощёкий мальчуган в меховом шлеме, с санками за плечом. Перед ним открылась картина – полсотни Дедов Морозов перетаптываются, отряхиваются и смотрят в свои мешки. «Так вот где подарочки!» – завопил ребенок с восторгом первооткрывателя, увидавшего Америку с мячты. И бросив санки, чтоб не мешали, мальчик помчался к Главной Ёлке страны, а за ним из-за угла вылетела целая ватага детей, наверное, специально приготовленный в засаде школьный класс или сразу два. Ещё в себя не пришедшие Деда похватили мешки и пустились от детей прочь. Некоторые из Морозов в этот момент всё ещё считали себя партизанами, удирающими... выбирающими... ну то есть бегущими на свободу, но Президент видел в окно, что его план удался.

– Если бы они отказались от роли, то мешки бы не признали своими, – мудро сказал он.

– Лови подарочников! – весело и отчаянно кричали дети, выбегавшие отовсюду, как будто в городе вообще не осталось взрослых. И отдельным окружённым Дедам не оставалось ничего, кроме как развязывать мешки и раздавать оттуда красивые, желанные, сладкие вещи, празднично упакованные в фольгу со снежинками, и спрашивать за это: как учился весь год? кем хочешь стать, когда вырастешь? слушался ли маму? хорошо ли кушал? знаешь ли стишок?

Эта игра распространялась по всему городу. Наш герой, загнанный и припёртый к стене, в последний раз попытался сопротивляться, опустив мешок в снег:

– Я не Мороз, я партизан!

Василий ПЕСКОВ (1930 – 2013)

Я ВСЕМ ОБЯЗАН ДЕРЕВНЕ *(отрывок из очерка)*

«Весна». Так называется эта картина из жизни русской деревни. Банный день. Молодая мать одевает дочку в предбаннике. Чистота, здоровье, красота волнуют нас в этом правдивом обыденном моменте человеческого бытия. Идёт синеватый дымок из бани. Под ногами счастливой матери золотится солома, стынет в ведёрке вода из ручья, падает и тает редкий лопушистый снежок. Многие знают эту картину. Если кто-то запамätовал имя художника, назовём его: Аркадий Александрович Пластов – че-

ловек, чья судьба с первого до последнего часа жизни была связана с деревней Прислонихой, стоящей в полусотне вёрст от Симбирска-Ульяновска.

Давно собирался увидеть я эту деревню, и минувшим летом с другом Анатолием Яковлевичем Митронькиным, мастером-реставратором из Саранска, мы наконец заглянули в Прислониху.

Обычная деревенька. Особый интерес к ней подогревает Музей А.А. Пластова. Именем художника и знаменита сегодня Прислониха.

В музее нам рассказали: «Всякую картину, закончив, Аркадий Александрович не спешил «обнародовать». Собирал сначала семейство и снимал покрывало с мольберта – важно было услышать суждение своих. В тот раз, явно довольный окончанием работы, сказал: «Чувствую, чего-то не хватает в картине...» После недолгого молчания сын Николай, тоже художник, заметил: «По-моему, не хватает снежинок. Знаете, в конце марта бывают большие и лопушистые». Николай нарвал кусочки папиросной бумаги и прилепил их кое-где по холсту. И сразу всё встало на место. Отец сказал: «Молодец!» И на другой день появились на картине снежинки».

Прислониха – деревенька старинная. Ей триста лет. Стоит она, прислонившись к косогору, поросшему лесом. Среди всех событий, пережитых деревней, главным надо считать рождение в 1893 году в семье Пластовых мальчика, для которого родная деревня стала судьбой, а для деревни он навсегда теперь – верный, преданный сын.

Отец Аркадия был псаломщиком в местной церкви и очень хотел «выучить мальчика на священника». Но судьбу сына определила встреча с весёлыми «богомазами», приехавшими подновлять церковь. Вид красок и результаты работ мастеров поразили воображение подростка: «Буду художником!» И он художником стал. Большим, знаменитым. Получил много наград, звание академика, стал подлинно народным художником, бывал за границей, не переставая и там учиться, но часто искренне говорил: «Я всем обязан деревне».

Прислониха стала главным жизненным уни-

верситетом Пластова. Он знал быт крестьян, знал цену труда на земле. И сам всю жизнь, по существу, оставался крестьянином – уже будучи живописцем, пахал землю, косил, держал во дворе своём корову, овец, кур, гусей. И очень любил деревенских людей. Начальные его работы – по большей части портреты крестьян. Я много раз подолгу рассматривал в альбоме их лица: пахарь, пастух, кузнец, плотник, охотник, сторож, доярка... Для этнографа это наглядный мир русского мужика. Но писал эти лица не этнограф – художник! И видим мы не просто людей в полушубках, в будничных линялых одеждах и в праздничных одеяньях. Мы видим человеческие характеры, самые разные: вот на портрете Сила и Мужество, вот мужицкая Хитрость, вот Мудрость, вот лицо Фёдора Тоньшина, излучающее Доброту (Пластов несколько раз писал это замечательное лицо!). Ничто в работах художника – ни облик людей, ни ощущение их мастерства, ни страсти – не подсахарено: всюду жизнь, какой она и была. Пластов дорожил этой жизнью, причастностью к ней. Рассказывают: будучи в Венеции и восхищаясь её самобытностью, он доставал из кармана коробочку с сухой полынью и нюхал степную траву, поясняя с улыбкой: «Это чтобы своё не забыть».

Часть зимы Пластов жил в Москве, в доме на Верхней Масловке. И, очень возможно, мы с ним встречались на остановке трамвая или Бутырском рынке. Но большая часть жизни художника проходила в Прислонихе. Деревенский уклад дел и забот был ему ближе, дороже, чем городской.

Камиль ЗИГАНШИН (р. 1950)

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ (отрывок из повести)

Из-за взгорка показалась «прыгающая» вверх-вниз тёмная спина, и прямо на Ермила выбежал косматый зверь размером с собаку. Охотник опешил:

– Ба-а-а-тюшки! Росомаха!

Внешне зверь напоминал медвежонка: приземистое, плотно сбитое туловище, короткая шея, толстые ноги с широкими ступнями. Но, в отличие от топтыжки, шерсть намного длинней и лохматей, а по бокам хорошо заметная золотистая полоса – шлея, дугой окаймляющая тёмно-коричневое поле спины.

«Вот это удача!» – возликовал, забыв про соболя, старик. Ещё бы! Мех росомехи обладает чрезвычайно полезным для таёжников качеством – на нём от дыхания не оседает иней. Последний раз Ермил Фёдорович встречал следы росомехи лет пять назад. В прежние годы этот зверь был в их краях завсегда: иные охотники за сезон до трёх брали. Но и тогда ему попадались лишь следы, а тут – живьём! Надо же! Впервой на погляд подпустила.

Промысловику и в самом деле выпала большая удача: увидеть росомеху так близко мало кому удаётся – острый слух вкупе с тонким обонянием помо-

гают этому зверю избегать встреч с человеком.

Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышном зимнем наряде она казалась массивной, а более длинные задние ноги делали её фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и неповоротливостью скрывается гибкое и сильное тело.

Из-за бокового ветра росомаха слишком поздно уловила тягучую едкость табака. Эта вонь и заставила её поднять голову. Увидев впереди двуногого и оскалившуюся собаку рыжей масти, она нырнула под согнувшиеся от тяжести скопившегося снега еловые лапы.

Ермил спустил Динку с поводка. Вскоре та забрехала зло, настырно: похоже, загнала на дерево! Точно, вон в развилке чернеет.

Увидев приближающегося человека, росомаха заматалась: то на него зыркнет, то на яростно лающего пса. Понимая, что двуногий с тускло блестящей палкой опасней собаки, Пышка спрыгнула с ветки на снежную перину. Динка успела подскокнуть и хватануть её за ляжку, но тут же, отчаянно запричитав, закрутилась юлой на снегу. А росомаха побежала ровным галопом, почти не проваливаясь,

дальше. Иногда она оглядывалась и, как казалось Ермилу, злорадно улыбалась.

Частокол деревьев мешал сделать прицельный выстрел. Расстроенный охотник прикрикнул на собаку:

– Чего спужалась?! Нагоняй давай!

Та, поджав хвост, поспешила возобновить преследование. Однако росомаха не только не прибавила ходу, а, напротив, остановилась и, повернувшись к лайке задом, задрала хвост. Обрадованная Динка с ходу набросилась, но тут же отпрянула. Мотая головой, завизжала. Вроде как заплакала от обиды и, тыкаясь, будто слепая, в обступавшие стволы, отскочила. Тошнотворная струя мускусной железы угодила ей прямо в морду: бедная собака на неко-

торое время потеряла зрение и нюх. Пышка же тем временем растворилась в глухой чащобе.

– Вот bestия! – ругнулся огорчённый Ермил. – Умеет постоять за себя.

От Динки, хотя она без конца тёрлась о снег и стволы деревьев, ещё несколько дней воняло так, что промысловик перестал впускать её в избушку. Чтобы верная помощница не мёрзла, охотник постелил на дно пихтовой конуры оленью шкуру. Переживал. Ведь когда его прихватывала болезнь, она приносила для него из своих драгоценных запасов косточки и, положив на нары, подталкивала поближе – мол, угощайся, погрызи, и, устроившись рядом, жалеючи, урчала.

Матвей ГОЛОВИНСКИЙ (1865 – 1920)

БЕСПОКОЙНЫЙ СОСЕД *(психограмма из книги «Доктор Фауст»)*

В маленькой комнате душно и тесно. Тесно – пока мысль не раздвинет стен.

Но и думать нельзя. Рядом – беспокойный, несносный сосед. Он всё плачет, плачет день и ночь. Что там за люди?

Слышно только ребёнка.

Он плачет уже всю неделю. Не даёт работать, не даёт думать.

«Стон несётся из подвала, стон несётся из дворца – стону нет нигде конца, стону нет нигде конца» – вспоминается откуда-то стих неведомого автора.

Читать?.. И читать трудно.

Ночь, холодно – не уйти от плача, не уйти от стоны... в жизни.

Несносный – когда же он умолкнет?

Стону нет нигде конца – люди бегут от стоны – а не уйти.

Давно уж бегут...

Голубое небо, яркое солнце, море сверкает...

Счастливые люди, счастливая страна, счастливые времена...

Счастье в любви к отечеству. Нет счастья выше смерти за эту дивную родину.

И вот идут они, вместе с Леонидом, и гибнут все триста.

И стонут матери, и девы, и нежные супруги.

Почему счастье этих людей в смерти?

Разве счастье не в жизни?

Не ушли и прекрасные эллины от стоны, не спаслись от плача.

Смерть торжествует над их любовью.

Мир их праху.

Новые люди идут на смену. Идут с отрицанием красоты, требуют жертвы...

Жертвы, увы! не для жизни.

Эти люди идут за Ним – героев сменили мученики.

Их любовь торжествует над жизнью ради того, что выше жизни.

Выше жизни – но разве счастье не в жизни?

Смерть опять торжествует над любовью.

И люди продолжают искать счастья.

Новых три слова пишут они своей кровью и стонут...

«Как лес под властью непогоды,

Пред силой клонятся народы,

Но втайне – ждут её конца».

Что же придёт на смену силе? Счастье для жизни, любовь, торжество любви?

Надрываясь, плачет за перегородкой сосед...

Белеет утро.

Как крепок был сон! Всё тихо.

Странно! Сон уже кончился – а тихо.

Над неподвижным телом ребёнка склонилась мать – но она и плакать не может... Беспокойный сосед умолк.

Да – жаль, он умолк.

Марина АРОМШТАМ (р. 1960)

МОХНАТЫЙ РЕБЁНОК *(отрывок из книги)*

В магазине Ринка принялась изучать ценники, и Борька опять заскучал.

– Слушай, я пойду, а? Когда будешь кошек кормить, крикни.

Борька ушёл, и Ринка даже обрадовалась: теперь никто не помешает ей принять обдуманное решение.

«Вот рыба хек, – рассуждала она. – Рубль сорок килограмм. А у меня один рубль тридцать пять копеек. К тому же неизвестно, любят ли эти кошки хека. Может, они, наоборот, любят треску». Ринка разглядывала витрину и вдруг увидела мясо, порезанное на маленькие кусочки. Над ним было написано – «гуляш». Ринка не очень знала, что это за гуляш такой, потому что бабушка его никогда не покупала. Но розовые кусочки выглядели аппетитно и, по мнению Ринки, могли напомнить кошкам мышшей. Над гуляшом висел ценник: «100 г – 21 коп.». «Недорого, – обрадовалась Ринка. – Могу купить три раза, если брать понемногу».

– Тётяшка, свесьте мне гуляш. Двести грамм!

Когда продавщица выдала ей маленький кулёчек с кусочками, Ринка решила всё-таки уточнить:

– Как вы думаете, кошки будут есть гуляш?

– Кошки? Гуляш? Это что же за кошки такие, которых гуляшом кормят? – удивилась продавщица.

– Бездомные. Голодные.

– Голодные кошки даже хвост от селёдки есть будут, – сказала продавщица и повернулась к другому покупателю.

Ринка прижала кулёчек к груди и скорей побежала туда, где из ящиков был построен новый кошачий дом.

Под окном оказался только Черныш. Он сидел неподалеку от ящиков и грелся на февральском солнышке.

– Черныш, Черныш! – крикнула Ринка. – Смотри, что я тебе принесла! Гуляш!

Черныш метнулся к отдушине.

Ринка испугалась: «Сейчас Черныш убежит и спрячется в свой подвал. А пока он будет сидеть в подвале, гуляш испортится. И столовая так и не откроется!» Она почти замерла, даже дыхание задержала, осторожно присела на корточки и протянула Чернышу кусочек: «Кс-кс-кс! На, возьми!»

Гуляш шлёпнулся где-то посередине между Ринкой и Чернышом. Черныш снова отскочил, потом присел, вытянул шею и принялся. Лапы его ещё не двигались, но шея всё вытягивалась и вытягивалась в сторону мяса. Ринка даже удивилась, что шея у кошек может быть такой длины.

Черныш осторожно переступил лапами, подошёл поближе, наклонился понюхать брошенный кусочек, а потом вдруг ухватил его, подбросил и сделал всего одно глотательное движение. Его горло раздулось и опало. Снег перед ним снова был чистым.

– Понравилось? – Ринку немного испугало внезапное исчезновение мяса.

– Ещё хочешь? На!

Черныш проглотил ещё и ещё. И когда прибежала Серушка, на дне кулька остался всего один маленький розовый кусочек.

– Ой, и ты тут, Серушка? – обрадованно сказала Ринка. – Черныш почти всё уже съел. Тебе только попробовать осталось.

Серушка съела мясо, стала требовательно мяукать и вертеться вокруг Ринки. Но больше ничего не было.

– Завтра я приду в это же время, – сказала Ринка кошкам.

Экскурсовод в уголке Дурова говорила, что точное время и постоянный порядок действий очень важны для дрессировки животных. А Ринка, вдохновлённая результатами кормления, решила теперь кошек дрессировать.

Никифор ОХОТНИКОВ (1860 – 1892)

ЗАПИСКИ ЧУВАШИНА О СВОЁМ ВОСПИТАНИИ *(отрывок из очерка)*

Нас укладывали спать в горнице, где находилась постель бабушки и дедушки. Для брата здесь была устроена особая постель в прихожей, а я всегда располагался в передней, вместе с дедушкой и бабушкой. Остальные члены семьи и работники спали в жилой избе, отделённой от горницы холодными сенями. Пред тем, как уснуть, особенно в зимние вечера, бабушка и дедушка долго разговаривали между собою. Я внимательно слушал их речи, лёжа между ними. Вдруг раздаётся сильный треск в стенах, вероятно, от мороза. Я испуганно вздрагиваю, как и дедушка с бабушкой, которые оба одновременно произносят по чувашски: «Господи, помилуй». Успокоившись, они делают предположение,

что на том месте, где выстроена горница, должно быть, живёт нечистый дух, отчего и происходят такие страшные удары в стенах.

Раз летом лежим, спать ещё не хочется; на дворе идёт сильный дождь, так и хлещет в окна. Начала страшно сверкать молния. Раскаты грома так сильны, что стёкла в окнах звенят. Все мы забились под шубу. Дедушка и бабушка непрерывно молятся Богу: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, не оставь нас». Раздаётся особенно резкий удар грома: тотчас после этого по улице проскакал верховой, крича, что в деревне пожар. Испуганно соскочили мы с постели, выбежали на огород, и оттуда увидели, что в конце деревни один дом охвачен пламенем. Народ

кричит и бегаёт около пожара по всем направлениям. Наши домашние все побежали на пожар, только дедушка, бабушка и я остались дома. Часа через три вернулись они и сказали, что пожар произошёл от удара грома, но что уже потушен и что сгорело всего два дома. Рассказывали, что Бог преследовал молнией дьявола; тот, спасаясь, забежал в избу через незакрытую трубу. Молния летит за дьяволом в трубу в виде огненного шара. Тут шар ударил нечистого духа так сильно, что кровь его брызнула по стенам избы; те места, куда попала кровь, тотчас загорелись.

Говорили и о том, что такой пожар нельзя залить водою: от воды он ещё больше будет распространяться: здесь действует Божья сила, её водою не зальёшь. Лучшее средство залить подобный пожар – это парное молоко от чёрной коровы. Есть и другие средства, но я их теперь не помню.

Утром все отправлялись в жилую избу. Горницу днём держали в чистоте для приезжающих начальников: для следователя, станového пристава и для гостей. В те дни, когда все были дома, мужчины плели лапти, вили верёвки из мочала или чинили сбрую, а иногда дедушка с отцом плотничали. Дедушка чинил кадушки и другую деревянную посуду, отец – сани. Женщины, покончив со стряпнёй, принимались за пряжу. Я же бегал по нарам, всегда

босиком, сидел на подоконнике и ногтем выводил по мёрзлому стеклу окна разные фигуры.

На полу лежали ягнята, телята, а весною гуси и утки сидели в гнёздах под нарами. Конечно, в избе была невыносимая духота. Но я этого не чувствовал. Когда мне надоедали одни занятия, я обращался к другим, например, искал пауков и следил за ними, потом я отправлялся на печку ловить тараканов. Иногда я брал бичёвку у работников и, привязав один конец её за середину большого деревянного песта, находящегося тут же за дверью, начинал её тянуть за другой конец, сидя в углу на печке. Пест уже почти на печке, как вдруг срывается и с шумом падает вниз, отчего все животные, находящиеся в избе, приходят в беспокойство и начинают кричать на разные голоса. Все семейные удивлённо посматривают кругом, недоумевая, что случилось. Бабушка догадывается, что это я проказничаю, сердится на меня и велит оставить эту глупую игру. Я бросаю бичёвку и принимаюсь вить верёвку вместе с работниками, прилагаю все усилия, но работа не клеится. Брат смеётся надо мною, похваляясь, что он в мои годы умел не только верёвки вить, но даже и лапти плести. Его насмешки задевают моё самолюбие; я прилагаю все старания и постепенно привыкаю и верёвки вить, и лапти плести...

Карло МАУРИ (1930 – 1982)

КОГДА РИСК – ЭТО ЖИЗНЬ! *(отрывок из книги)*

Ночь. Просыпаюсь в полной темноте с ощущением тоски и одиночества. Сознаю, что попал в беду, но не пойму в какую. Где я? Наверное, в палатке на гималайском высокогорье с его разреженным воздухом и во сне сбился с учащённого ритма дыхания, едва не погибнув от удушья... Но нет. Это не Гималаи. Тогда, может, я в Антарктиде, где, желая превратиться в ледяную статую, веду долгую борьбу с убийственным холодом – борьбу, настолько изнурившую меня, что я задремал и жестокий мороз сковал мне руки и ноги? Нет, это не Белый континент. Значит, я в штормящем океане цепляюсь за сломанный руль шлюпки, не в силах больше противостоять злой судьбе? Нет.

Так где же я? Стараюсь не поддаваться панике, хотя уже окончательно проснулся и отчётливо понимаю, что случилась беда. Осторожно передвигаю руку в надежде ощупью распознать то, чего не могу увидеть глазами. Осязаю тепло и пот. С тревогой пытаюсь нащупать одеяло, полагая, что сбросил его с себя во сне. Что же это такое? Неужели в сумрачной, враждебной мшистой сельве Амазонии я неожиданно прикоснулся к обнажённому телу индейца, подкравшегося ко мне, чтобы рассмотреть странную кожу белого человека, врага индейцев... или друга?

Должен же я в конце концов определить, где нахожусь, и сориентироваться в пространстве, иначе мной овладеет паника, как на вертикальной каменной стене в горах, когда вдруг исчезают точки

опоры, а ты от страха теряешь самообладание, забываешь о координации движений и, зависнув на некоторое время в оцепенении над бездной, камнем срываешься вниз...

Стоп. Попробуй рассуждать здраво. И дыши, дыши. От страха перехватывает дыхание. Стараюсь отдышаться, будто вынырнул из воды. Понемногу дыхание восстанавливается, а вместе с ним приходит ясность мысли.

Я лежу распластанный на койке, мучительно жжёт грудь. Ищу выключатель – свет поможет мне разобраться в происходящем. Так и есть: я на койке в больнице моего родного города Лекко, потому что сердце моё разорвано инфарктом. Наконец сознание проясняется, вновь вспыхивает огонёк разума – неизменный проводник во всех внутренних перипетиях моей жизни. Он горел всегда, независимо от обстоятельств, поыхал на различной почве, зачастую неблагоприятной – враждебной и даже губительной. Теперь всё изменилось, и мне самому придётся решать, как быть и что делать в новой для меня, совершенно иной жизни.

Врачи считают, что мне уже не вернуться к прежнему, нормальному существованию; нельзя курить, нельзя есть сообразно желаниям. Чрезмерную жару экватора и чрезмерный холод полюсов придётся забыть, поскольку и то и другое грозит смертельной опасностью. В ветреную погоду из дома не выходить (а я так люблю шагать навстречу крепкому ветру), и вообще надо изменить темп

ходьбы. «Стало быть, я конченный человек?» – спрашиваю у врачей. «Отнюдь, – говорят, – просто вы человек, перенёсший инфаркт».

Всякий раз, когда разные врачи повторяют мне свои предостережения, на которые, кстати, я нередко напрашиваюсь сам, дабы установить, сколь велика разница между ними, у меня возникает чувство протеста против этих чужих людей, пусть даже специалистов, стремящихся ограничить мою природную самостоятельность.

В 1965 году я вышел из больницы, пролежав там четыре года (несчастный случай в горах). За

это время мне четырежды оперировали правую ногу, удалили селезёнку, дважды безрезультатно пытались извлечь камень из почки. Врачи заявили тогда, что без селезёнки, с засевшим в почке крупным камнем, с укороченной ногой, с оставшейся без сустава лодыжкой и остеомиелитом в большой берцовой кости я больше не буду таким, каким, по их мнению, должен быть альпинист, исследователь континентов, и всё такое прочее. Но ещё задолго до того, именно в горах, я понял, что не суставы носят меня, а страсть к жизни. И снова стал ходить в горы.

Владимир ИОНОВ (р. 1935)

ЖИТИЕ ТЩЕСЛАВНОГО ИНДИВИДА (отрывок из книги)

В Ульяновске на меня сразу же обрушилось ответственнейшее задание. На вручение городу ордена приехал секретарь ЦК КПСС А.Ф. Пономарёв. Случилось это настолько неожиданно, что «контора», как мы называли ТАСС, не успела прислать мне в подкрепление кого-нибудь из Москвы. Сказали только, чтобы я связался с помощником Пономарёва, который подготовит изложение доклада хозяина, а от меня требуется лишь несколько строк о событии и пребывании гостя в городе.

Вообще для «конторы» это было ЧП, что она оставила меня одного на освещение такого события, как приезд в город секретаря ЦК. Обычно должны работать двое, потому что мало ли что может случиться с одним, а материал должен поступить в редакцию во что бы то ни стало и не позднее, чем через пятнадцать минут после окончания события.

Помощником у Пономарёва оказался очень толковый человек, изложение доклада у него уже было готово, а с моей добавкой к тексту вышла заковка. Я написал: «Затем тов. Пономарёв посетил Ульяновский автомобильный завод, где интересовался ходом реконструкции предприятия».

– Стоп! – сказал помощник. – Всему миру известно, что товарищ Пономарёв ведает в ЦК вопросами международных связей. А если вы пишете, что он «интересовался ходом реконструкции», значит его перебрали с международной тематики на промышленную? Начнут всевозможные толкования вашей информации, чего нам совсем не нужно.

– Но он мог спросить, как идёт реконструкция? – попробовал я защититься.

– Мог, но когда его знакомили с ходом реконструкции. Вот так и напишем.

На следующий день материал опубликовали все центральные газеты. Я сверил его с тем, что передал – не переставлено ни одной запятой. Позвонил Баринов: «В конторе сказали, что тебе можно доверить серьёзные задания». И началось!..

– Слушай, тут Филипповский из Ростова-на-Дону прислал интервью первого секретаря обкома КСРО ССССР. «Контору» текст не устраивает. Лети в Ростов, подготовь статью Бондаренко. А

с Филипповским даже не общайся, иначе он сожрёт тебя за приезд в его «епархию».

Статью с помощью материалов, предоставленных помощником Бондаренко, написал за день, связав в ней Ростов со всеми союзными республиками. И прежде, чем показать материал секретарю обкома, решил «обкатать» его в «конторе», перегнав по телетайпу. Без местного отделения ТАСС обойтись не удалось, и Филипповский тут же узнал, что его замещает какой-то приезжий парень. Прилетел в отделение и устроил такой скандал, что мне аж собственные ботинки стали велики. По нему выходило, что я подонок, не уважающий старых собкоров, и от меня теперь будут шарахаться все коллеги, а в приёмную Бондаренко он сейчас же позвонит и скажет, что я самозванец...

Статью Бондаренко опубликовала «Советская Россия». Его помощник позвонил мне в Ульяновск:

– Шеф остался доволен и даже сказал: «Нам бы такого собкора». Может, переведёшься? Или прикипел к родине Ленина?

Не «прикипел», потому что город абсолютно безразлично относился к работе собкоров, но и к переводу в Ростов я не был готов. За неделю, что провёл там, стало ясно, что отношения между людьми в Ростове строятся исключительно на блате, что встречают там по одежке и, прежде всего, смотря, на чём ты едешь, как одет, с кем из сильных мира сего знаком. А я ещё не научился всему этому. Что касается Ульяновска, меня сместило натужное стремление этого тихого, сугубо провинциального городка казаться центром Вселенной. Да и мало я жил в нём, потому что «контора» гоняла меня из конца в конец страны. Вернулся из Ростова – поезжай в Саратов на открытие оросительного канала на границе с Казахстаном. Потом на закладку первого завода на стройплощадке будущего КамАЗа, а оттуда – в Тольятти и так далее. Из памятных событий осталась рекомендация в Союз писателей, а из приятных – дружба с замечательными семьями Ридевских и Сергеевых. Но не прошло и двух лет, как мне объявили, что переводят из Ульяновска в Горький.

Пётр МАРКИН (р. 1930)

ОТКУДА МЫ ПРИХОДИМ (новелла)

У каждого человека есть своя малая родина, своя речка детства. Там, где он появился на свет, вырастал, познавал окружающий ближним мир, вырабатывал в себе навыки, привычки, характер.

Помню тёплый солнечный день. Совсем недавно я начал ходить, и меня тянуло заглянуть во все уголки двора и за его пределы. Раз я вышел за калитку и, косолапя, улыбаясь всему миру, пошагал по переулку вдоль плетнёвой изгороди. В конце её, за огородом, текла речка Елаурка, искрясь и сверкая на солнце. В ней отражались пушистые ивы, растущие по берегам, белые непричёсанные облака, плывущие по небу. А когда я ступил на дощатый мостик, то в зеркале воды увидел себя и... сначала удивился, потом счастливо рассмеялся. В тот момент я как бы впервые открыл для себя просторный и удивительно добрый мир земли, ощутил себя его частицей и в то же время почувствовал, что всё это создано для меня, ждало, когда я появлюсь на свет.

Ещё помнится, как через заднюю дверь я вышел в огород. Там, где мама пропалывала мотыгой сорняк, у плетня стояло пышное дерево, от него, покрытого поникшими белыми кистями, исходил горьковатый, приятный запах. Мама пояснила, что это черёмуха, сейчас она цветёт, а летом угостит меня вкусными ягодами. После этого я каждый день ходил смотреть, когда появятся ягоды. Сначала появились зелёные плодики, потом они укрупнились, почернели. Я срывал душистые ягоды и совал их в рот. Мякоть была сладкой и вязкой.

Так я постепенно исследовал и познавал окружающий меня мир. Это потом перед каждым из нас откроются широчайшие горизонты, необыкновенные возможности – даже из космоса взглянуть на родную землю и убедиться, что она круглая, в голубом сиянии, совсем даже небольшая, а пока мы совершаем путешествия возле отчего дома, до огорода и речки, впитываем в себя светлую радость, удивление от собственных открытий, да что таить – и горести и печали – все-все мы впервые испытываем именно здесь, на своей малой родине, на своей тихоструйной речке.

Малая родина, та земля, на которой мы сделали первые шаги, как бы готовит нас к долгой дороге жизни, к испытаниям, закаляет нас духовно и физически. Со светлой улыбкой вспоминаем мы отдельные маленькие эпизоды из детства, но тогда

они казались нам событиями огромного масштаба, вся земля, никак иначе, должна была обратить на это свой взор.

Однажды, взяв прутик, я пошёл по улице, чтобы посмотреть, что там, дальше-то! Когда миновал домов пять, откуда-то появился мальчик моего роста, он начал у меня отнимать прутик. Я, конечно же, воспротивился, не отдавал, при этом громко кричал, шмыгал носом, глотал горячие слезы, обильно текущие по моим щекам.

Всё-таки мальчонке удалось вырвать прутик и, мало того, он ещё и хлестанул меня по ногам. Вот тут я сразу перестал плакать, рукавом вытер сопельки под носом, поглядел-поглядел на своего обидчика и ткнул кулаком ему в грудь. Теперь уже он заревел и, бросив прутик, побрёл восвояси жаловаться маме.

Именно тогда я получил первый урок, как надо отстаивать своё достоинство. Потом не раз случались стычки со сверстниками, и зёрна поступков постоянно зрели во мне, вырабатывая характер бойца, понимание, что нельзя быть трусом и что только смелость, решимость являются надёжной защитой от несправедливости, грубости, хамства и единственно достойны настоящего мужчины.

Когда я вспоминаю своё детство, то перед глазами всегда возникают картины природы – речка за огородом, старая ветла на берегу, блики солнца в воде, пение птиц в кустах, опушка леса, в синем мареве далёкие горы. Природа многое значит в воспитании добрых чувств в каждом из нас, она рождает в человеке ощущение радости, любви, оставляет о себе долгую добрую память. И счастлив тот, кто, в отличие от обывателя, ставящего превыше всего личный интерес, несёт в своём сердце чувство Родины, верен ей, помнит и чтит народные традиции, приумножает дело отцов и дедов.

От тех безмятежных и мягких детских лет меня увела долгая и суровая жизненная дорога. И куда бы ни забрасывала судьба, во мне всегда живут чувства и порывы далёкого детства. И нет-нет да и напомним о себе щемящей тоской о речке за огородом, о берёзе на косогоре, о черёмухе у плетня с терпким вкусом ягод, о тропинке в поле... И о многом-многом другом, что самым тесным образом связано с моей малой родиной.

Наталья ОСТРОВСКАЯ (1845 – 1910)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ТУРГЕНЕВЕ (отрывок из мемуаров)

В 1873-м Боткин послал моего мужа в Карлсбад.

Прямо против окна, под навесом гостиницы сидел и разговаривал с дамой средних лет высокий красивый старик. «Как он похож на Тургенева», – подумала я и сказала:

– Пётр Михайлович, посмотри, как этот госпо-

дин похож на Бога!

– Да это он и есть! – радостно воскликнул Пётр Михайлович. – Я пойду к нему.

– Вы, вероятно, не узнаете меня, – сказала я, подходя к Тургеневу.

– А вы меня, говорят, узнали, – отвечал он, до-

бродушно улыбаясь.

– Я не была уверена, что это вы. Вы мне только показались похожим на себя.

– Вы давно здесь?

– Недели две.

– Здесь, кажется, страшная скука. Я приехал только вчера... Сегодня я уже подумывал бросить всё и вернуться в Париж.

Тургенев очень скоро сделался своим между нами.

– Вы симбирские, скажите, как там живут теперь? Какое там общество? – спросил Тургенев.

– Живут прескучно, – отвечал Пётр Михайлович. – Общество прескверное.

– А ведь Симбирск был когда-то центром. Я знавал некоторых симбирских. Во-первых, Николая Ивановича Тургенева. Я его очень любил. Любил я его, главное, за то, что, прожив столько лет вне России, он сумел остаться не только вполне русским, но ещё настоящим русским степным помещиком...

– Вы, конечно, знали ещё Языковых?.. – спросила я.

– Конечно, знал... Я знаком был с Зиновьевым. Он был человек не злой и порядочный, только невыносимый. У него, бывало, всё государственные дела, вечно он был озабочен. Я его об одном просил: сделайте милость, Зиновьев, не застёгивайте при мне сюртука! Так он важно пуговицы застёгивал, что на нервы действовал. Я пробовал его изобразить в повести, которая должна была войти в состав «Записок охотника». Представлено было два помещика: один Зиновьев, в своей деревне всё распоряжался, всё порядок водворял – мужиков обстроил по своему плану, заставлял их есть, пить, дышать по своей программе – ночью вставал, обходил избы, будил народ, всё наблюдал. Другой был немец – рассуди-

тельный, аккуратный, но... у обоих мужикам было плохо. Только Зиновьев вышел у меня до того поразительно похожим на Николая Павловича, что нечего было и думать печатать, цензура ни за что бы не пропустила.

– Куда у вас делся этот рассказ? – спросил Пётр Михайлович.

– Не знаю, право. Может быть, уничтожен, а может быть, в деревне валяется. У меня там есть старый портфель с разными ненужными бумагами. Ведь у меня было заготовлено много рассказов для «Записок охотника», которые так и не попали в печать. Помню, между прочим, был рассказ об истинном происшествии. Бывши студентом (как видите, это было очень давно), приехал я летом в деревню охотиться. На охоту водил меня старик из дворовых соседнего имения. Вот раз ходили мы, ходили по лесу, устали, сели отдохнуть. Только вижу я, старик мой всё осматривается да головой покачивает. Меня это наконец заинтересовало. Спрашиваю: «Ты что?» – «Да место, говорит, знакомое...» И рассказал он мне историю: как когда-то на этом самом месте барина убили. Барин был жестокий. Особенно донимал он дворовых. Конечно, потому, что они находились с ним в более близких сношениях, чем крестьяне. Вот дворовые и сговорились вытащить его из дому ночью куда-нибудь подальше и покончить с ним. Старик мой был ещё тогда мальчишкой. Он случайно подслушал разговор и в ту ночь следил за заговорщиками, – видел, как тащили барина с завязанным ртом, чтобы он не мог кричать (бежал за этой процессией сторонкой). Когда они пришли в лес, он спрятался в кустарник и оттуда всё видел. Были страшные подробности, – например, повар набивал барину рот грязью (в тот день шёл дождь), приговаривая, чтобы он его кушанья попробовал...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

